

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАОЧНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

**ВОПРОСЫ ПРАВА В СОВРЕМЕННОМ
МИРЕ**

Часть I

Новосибирск, 2011 г.

УДК 34
ББК 67
В 74

Рецензент — кандидат юридических наук, доцент кафедры экономико-управленческих и правовых дисциплин, филиал Российского государственного гуманитарного университета, действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса, Андреева Любовь Александровна.

В 74 «Вопросы права в современном мире»: материалы международной заочной научно-практической конференции. Часть I. (02 ноября 2011 г.) — Новосибирск: Изд. «Априори», 2011. — 136 с.

ISBN 978-5-4379-0018-5

Сборник трудов международной заочной научно-практической конференции «Вопросы права в современном мире» отражает результаты научных исследований, проведенных представителями различных школ и направлений современной юриспруденции.

Данное издание будет полезно аспирантам, студентам, исследователям в области практической юриспруденции и всем интересующимся актуальным состоянием и тенденциями развития юриспруденции.

ББК 67

ISBN 978-5-4379-0018-5

Оглавление

Секция 1. Теория государства и права	6
К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ УЧЕНИЯ О ЮРИДИЧЕСКИХ КОЛЛИЗИЯХ Бурукей Азияна Вячеславовна	6
ПРАКТИКА КАК ЭЛЕМЕНТ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (некоторые теоретические и конституционно-правовые проблемы) Бырлэдяну Виктор Иоанович	11
К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ СОДЕЙСТВИЯ ПРАВОВОЙ АКТИВНОСТИ Куцевалова Ирина Александровна	16
ПРАВОСОЗНАНИЕ МОЛОДЕЖИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ РЕЛИГИОЗНЫХ И ЭТНИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ Новикова Светлана Владимировна	20
ПРАВОВЫЕ И КОРПОРАТИВНЫЕ НОРМЫ: ПОНЯТИЕ И СООТНОШЕНИЕ В СТРУКТУРЕ НОРМАТИВНО- ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Палеев Роман Николаевич	25
ЮРИДИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НОТАРИАТА: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ Панченко Владислав Юрьевич	30
СУДЕБНЫЙ ПРЕЦЕДЕНТ В АНГЛИИ: ПОНЯТИЕ, СТРУКТУРА, ОСОБЕННОСТИ ДОКТРИНЫ ПРЕЦЕДЕНТА Филиппова Елена Сергеевна	34
Секция 2. История государства и права России и зарубежных стран	43
ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ ПРИНЦИПА СВОБОДЫ СОВЕСТИ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ Велижанин Алексей Владимирович Мумлева Мария Игоревна	43

ИСТОРИКО–ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА СТРАХОВАНИЯ В РОССИИ (советский период) Макеров Иван Валерьевич	51
ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ ТУВИНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ Монгуш Александр Кошкар-оолович	62
ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ДОЗНАВАТЕЛЕМ И СЛЕДОВАТЕЛЕМ Рыбина Надежда Сергеевна	67
ПРАВО НАСЛЕДОВАНИЯ ВДОВЫ В РОССИИ: ИСТОРИКО- ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ Удодов Александр Григорьевич	73
ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ В 1941-1945 г. XX в Якушина Евгения Сергеевна	77
Секция 3. Правоохранительные органы	82
ОРГАНИЗАЦИОННО-СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ И КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ПОСЛЕВОЕННОЕ ВРЕМЯ (на примере Республики Башкортостан) Вафаева Эльвира Рашидовна	82
К ВОПРОСУ О ФОРМАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ПЕРИОД ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ ПУБЛИЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ: СОБРАНИЙ, МИТИНГОВ, ДЕМОНСТРАЦИЙ, ШЕСТВИЙ И ПИКЕТИРОВАНИЙ Князева Ирина Игоревна	88
Секция 4. Гражданское, жилищное и семейное право	93
НАСИЛИЕ НАД ЖЕНЩИНАМИ Богданова Ольга Ивановна, Цибина Алёна Александровна Ерёменко Татьяна Сергеевна, Габидулина Гузалия Салаватовна Тиранен Василий Александрович	93

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОВЕДЕНИЯ ЛИЦЕНЗИРОВАНИЯ И АККРЕДИТАЦИИ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ Столярова Елена Андреевна	97
Секция 5. Гражданский и арбитражный процесс	103
ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ И СОДЕРЖАНИЯ ОБЫЧАЯ ДЕЛОВОГО ОБОРОТА Козлова Валерия Николаевна	103
Секция 6 Предпринимательское право и правовые основы банкротства	108
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: СУЩНОСТЬ И ПРИНЦИПЫ Андреева Любовь Александровна	108
ИЗ ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КОРПОРАЦИЙ Аштаева Саглар Сергеевна	116
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЙ ДОГОВОР В СТРОИТЕЛЬСТВЕ: О ДОПУСТИМОСТИ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ И ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ЕЕ ИССЛЕДОВАНИЯ Ершов Олег Геннадьевич	120
Секция 7. Трудовое право и право социального обеспечения	127
ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ТРУДОВЫЕ СПОРЫ Хазиев Марсель Фуатович Егоров Игорь Борисович Владимиров Игорь Александрович	127
Секция 8. Страхование, медицинское, образовательное право и нотариат	131
ПРАВО ЧЕЛОВЕКА НА СМЕРТЬ Гоголи Давид Борисович, Соколова Валентина Александровна Тиранен Василий Александрович	131

СЕКЦИЯ 1.

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ УЧЕНИЯ О ЮРИДИЧЕСКИХ КОЛЛИЗИЯХ

Бурукей Азияна Вячеславовна,

аспирант, Тувинский государственный университет,

г. Кызыл

E-mail: liphjur@inbox.ru

Конфликты, противоречия, споры существовали во все времена. В последние десятилетия в правовой науке возрос интерес к вопросу изучения юридических коллизий, поскольку со времени спада «железного занавеса» на территории Российской Федерации было принято множество нормативных правовых актов, противоречащих Основному закону государства, требующих тщательного анализа и приведения их в соответствие с Конституцией Российской Федерации.

В данной статье целесообразным является рассмотрение вопроса непосредственно об эволюции учения о юридических коллизиях, поскольку, оно дает возможность полного и всестороннего представления в последующем о данном явлении.

На протяжении многих веков закон как форма, как источник права привлекал к себе огромное внимание многих исследователей правоведов.

Закон, как и право, постоянно изменяется и развивается вместе с развитием и изменением нашего общества, он не является застывшим в собственном развитии институтом, в связи с чем меняются взгляды на него, его признаки и черты, предлагаются и порой вырабатываются весьма неоднозначные определения закона и создаются о нем противоречивые представления [3, с. 142], что нередко приводит к возникновению юридических коллизий.

В переводе с латинского «коллизия» означает столкновение. Великие мыслители античности стремились понять противоречия в мире и роль законов в их преодолении. Платон в 12 книгах «Законы» в своих беседах признает, что «все находится в войне со всеми как в общественной, так и в частной жизни, и каждый – с самим

собой» [1, с. 23]. Кроме того, попытки осмысления противоречивости окружающего мира встречаются в историко-культурных памятниках Древнего Египта, Индии, Китая, Рима. Древние диалектические учения основывались на уяснении сути явлений окружающего мира, доступных обычному наблюдению. Жизнь природы, по Гераклиту, есть непрерывный процесс движения. В нем всякая вещь и всякое свойство переходят в свою противоположность: холодное становится теплым, теплое – холодным и т. д. В человеческой жизни переход всего в свое противоположное есть не простое изменение, а борьба. Она всеобща, «отец всего и царь всего. В борьбе противоположностей обнаруживается их тождество: одно и то же есть путь вверх и вниз, жизнь и смерть и т. д. Всеобщность изменения и переход каждого свойства в свою противоположность делают все качества и оценки их относительными [9, с. 89].

Нередко философская мысль, казалось, заходила в тупик (парадоксы, дилеммы, апории). Обнаружение таких затруднений и попытки их осмысления получили позднее название отрицательной диалектики. Однако поиск выхода из трудных ситуаций способствовал разрешению противоречий общественного бытия, стимулировал развитие позитивной диалектики. В средние века развитие диалектического учения было приостановлено христианской идеологией, видевшей причину изменений всего сущего в божественной воле [4, с. 11].

Право должно следовать за изменением общественных отношений, придавая им необходимую форму, способствуя их развитию или, наоборот, локализовывать, устранять отношения, носящие общественно вредный характер. Когда в системе общественных отношений появляются новые элементы, возникает необходимость в изменении существующих или в создании новых правовых норм. То же самое должно происходить, если определенные общественные институты устаревают или преобразуются в соответствии с новыми условиями общественной жизни [4, с. 23]. Поэтому законодатель должен постоянно принимать меры по оптимизации правового регулирования, не допускать противоречий между правовыми нормами, рассчитанными на одни условия и новыми общественными отношениями. Он обязан своевременно устранять противоречия между новым содержанием общественных отношений и старой правовой формой. Даже учитывая невозможность абсолютной полноты правового регулирования, деятельность правотворческих органов должна быть ориентирована на сокращение возможных пробелов в законодательстве, максимально оперативное принятие

новых правотворческих решений, на корректировку действующих норм [4, с. 24].

За весь период существования Российской империи, начиная с 1649 г. на ее территории издано значительное количество нормативных актов, не имевших систематизированного характера, а вместе с тем и часто противоречащих друг другу.

В 1830 г. благодаря стараниям и усилиям М.М. Сперанского впервые было разработано и издано Полное собрание законов Российской империи, содержащего все акты империи, расположенных в хронологическом порядке. Помимо Полного собрания законов Российской империи к 1835 г. на территории империи поэтапно вводился в действие Свод законов Российской империи, который имел по сравнению с Полным собранием законов Российской империи систематизированный характер, содержащий акты в соответствии с их тематикой.

В советское время вопрос о юридических коллизиях либо не изучался вообще, либо исследовался только в рамках изучения нарушения законности и правопорядка. Это связано, прежде всего, с тем, что в правовой науке утвердилось мнение о совершенстве и непогрешимости советской правовой системы, не имеющей изъянов, недостатков и противоречий.

Традиционно терминология коллизий встречалась в рамках международного частного права, где существование коллизий и регламентация поведения субъектов международных правоотношений в сфере взаимодействия норм права различных государств рассматривались отдельным блоком. В этой части специфика коллизионных проявлений в рамках международного частного права была изучена на достаточно высоком уровне. Так даже в юридических словарях определение коллизионных норм рассматривается параллельно с международным частным правом. В частности, коллизионная норма определяется как особый вид правовых норм, являющихся характерной специфической особенностью международного частного права, представляет собой отсылочную норму, с помощью которой можно определить право, применяемое к конкретному отношению, и содержит ответы на вопросы, касающиеся его существования. Коллизионная норма действует, когда на регламентацию претендует два или более правопорядка различных государств. Коллизионная норма, таким образом, сама по себе не регламентирует отношение как таковое, но действует в сочетании с материально-правовой нормой системы (национального права определенного государства либо международного договора) [10, с. 33–34].

Стоит отметить то, что одним из первых в восьмидесятые годы прошлого века тщательное изучение о юридических коллизиях было проведено Н.А. Власенко. Он отмечал, что, характеризуя коллизии, нельзя ограничиваться указанием либо на противоречие, либо только на различие, поскольку коллизия может выступать и как первое, и как второе. Поэтому ее следует определять как отношение между нормами, выступающее в форме различия или противоречия при регулировании одного фактического отношения [5, с. 23]. По мнению Н.А. Власенко, противоречивыми юридические нормы можно назвать тогда, когда они предлагают разные решения по одному вопросу. Противоречивость норм, отмечает Н.А. Власенко, различается: «...следует выделять антиномию норм, вызванную взаимоисключающими по содержанию предписаниями (запрещающие и управомочивающие правила), и антиномию, возникающую в случаях менее существенных различий...» [6, с. 22].

С распадом СССР и возникновением нового российского демократического государства в правовой науке особенно актуальным стало исследование вопросов о юридических коллизиях. Огромный вклад в изучение проблем, связанных с общими вопросами понятия, структуры и содержания коллизионного права внесли такие известные ученые-правоведы как Ю.А. Тихомиров, Н.И. Матузов, В.В. Смирнов, А.Ю. Буяков, С.С. Алексеев и др. Указанные исследователи подробно рассматривают природу юридических коллизий, их виды, способы разрешения. Однако до сих пор в правовой науке нет единого подхода в рассмотрении вопроса о понятии юридических коллизий.

Так, С.С. Алексеев считает, что это столкновение актов в связи с их действием на той или иной территории, с компетенцией протворческих органов [2].

По мнению Н.И. Матузова, юридическая коллизия – расхождение или противоречие между отдельными нормативными правовыми актами, регулирующими одни и те же либо смежные общественные отношения, а также противоречия, возникающие в процессе правоприменения и осуществления компетентными органами и должностными лицами своих правомочий [7].

Наиболее правильным представляется подход профессора Ю.А. Тихомирова [8], определяющего юридическую коллизию как противоречие между существующим правовым порядком и намерениями и действиями по его изменению. Таким образом, происходит соизмерение этого притязания либо с действующим правовым порядком, либо с принципами права.

Список литературы:

1. Адельсеитова А.Б. Юридическая природа коллизии как правовой категории в контексте развития украинского законодательства / Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Юридические науки». Том 23 (62). № 2. 2010 г.
2. Алексеев С.С. Государство и право: начальный курс. – М., 1993.
3. Блонский И.А. Развитие законодательства о государственно-территориальном устройстве Российского государства // Право и государство: теория и практика. 2011. № 9.
4. Буяков А.Ю. Юридические коллизии и способы их устранения: Диссертация на соискание ученой степени юридических наук. Саратов, 1999.
5. Власенко Н.А. Коллизионные нормы в советском праве. - Иркутск: Издательство Иркутского университета, 1984.
6. Власенко Н.А. Логико-структурные дефекты системы советского права // Правоведение, 1991. № 3.
7. Теория государства и право.: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – М., 2001.
8. Тихомиров Ю.А. О коллизионном праве // Журнал российского права. 1997. № 2.
9. Философский словарь. М., 1987.
10. Ярмухамедов Р.Ф. Коллизии правоприменительной деятельности (теоретико-исторический аспект): Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Краснодар, 2007.

ПРАКТИКА КАК ЭЛЕМЕНТ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (некоторые теоретические и конституционно-правовые проблемы)

Бырлэдяну Виктор Иоанович

*к. ю. н., доцент, заведующий кафедрой
гражданского права и гражданского процесса
Орловского государственного университета, г. Орёл
E-mail: vibyrl@mail.ru*

Каждый структурный элемент конституционно-правового статуса субъекта Российской Федерации имеет собственную конституционно-правовую значимость. На взгляд автора, принципиальное значение имеет право субъекта Российской Федерации на создание и функционирование относительно самостоятельной собственной правовой системы субъекта Российской Федерации в рамках единой правовой системы Российской Федерации, но обладающей уникальными особенностями, присущими каждому конкретному субъекту Федерации.

Правовая система Российской Федерации являет собой создаваемую населением динамическую, многосоставную, взаимозависимую, иерархически организованную совокупность юридических институтов, правовых норм и установлений, которые основаны на публично-правовых интересах, сопровождаются и направляются правовой доктриной (юриспруденцией) и правовой деятельностью (практикой) участников правовых отношений [2, с. 10]. Указанная трихотомия (правовая норма, научное обоснование (доктринальное сопровождение) регулирования, правовая деятельность) базируясь на публично-правовых интересах населения, объективно играет особую роль в формировании и функционировании большинства социальных и политических институтов, отраслей права, всего действующего государственного механизма.

Следует согласиться с позицией А.К. Черненко, указывающего на не достаточность освещения проблем, раскрывающих методологию конструирования, формирования правовой системы и ее элементов, что это «...отрицательно сказывается на исследованиях фундаментальных вопросов общей теории государства и права, в том числе на анализе и научном подходе к формированию правовой системы общества как целостного комплекса правовых явлений» [13, с. 11-12].

Необходимо подчеркнуть, что интерес отечественных исследователей к категории «правовая система» в постсоветский период развития юриспруденции не соответствует «теоретическому весу» обозначенной научной проблемы. Отметим диссертационные исследования В.Н. Синюкова, Д.С. Корчевского, В.В. Сорокина, М.Г. Потапова, С.А. Марковой-Мурашовой, А.К. Черненко [4; 5; 8; 9; 10; 13]. Были проведены и иные исследования.

При этом, с сожалением можно констатировать, что ни один из перечисленных авторов не рассматривал правовую систему Российской Федерации в контексте правовых систем субъектов Российской Федерации.

Ведь именно правовая система есть наивысшее проявление системности в праве, наивысший уровень систематизации правовой материи [5, с. 106]! Развивая позицию С.А. Марковой-Мурашовой можно утверждать, что правовая система субъекта Российской Федерации есть наивысшее проявление системности российского регионального права, наивысший уровень систематизации правовой материи субъекта Российской Федерации.

Как отмечал С.С. Алексеев - все то, что наряду с собственно правом входит в правовую систему (юридическая практика, правовая идеология), можно рассматривать в качестве своего рода проявлений права, то есть особых и самостоятельных элементов правовой действительности, которые, функционируя по законам целостной системы, в то же время «сопровождают» право, раскрывают, развертывают, выявляют его сущность, его черты как нормативного регулятора [1, с. 85]. Акцент С.С. Алексеева на юридической практике, как на отдельном элементе правовой системы позволяет и сконцентрировать свои усилия в этом направлении, в том числе и при исследовании правовой системы субъекта Федерации.

В современной науке конституционного права России особую важность приобретают ответы на вопросы о том, каким образом формируется правовое воздействие и каковы его источники; Ю.А. Тихомиров отмечает, что достаточно давно в зарубежной литературе и сравнительно недавно в отечественной юридической науке используется подход, согласно которому общество, вне государственной структуры, признается «правотворящим» субъектом; это позволяет в новейших исследованиях рассматривать правовое регулирование как процесс упорядочения общественных отношений при помощи и спонтанно формируемых в обществе норм права, и,

правовых предписаний, устанавливаемых государством в нормативно-правовых актах [12, с. 24–25].

Опять же, это мнение лишь убеждает автора в правильности выбранного направления. Общество становится регулятором лишь через практику действующих и бездействующих субъектов - физических и юридических лиц, государственных и муниципальных образований, их органов и должностных лиц. Институциональный уровень субъекта Российской Федерации, с его относительно самостоятельным населением, сферами правового регулирования и полномочиями, органами государственной власти и автономно существующими учреждениями, элементами гражданского общества, может и должен служить объектом пристального внимания юридической науки, в том числе в части изучения и обобщения юридической практики.

При этом, современными исследователями отмечается целесообразность проведения границы между функционированием и развитием юридической практики. Так, Н.Н. Тарасов предполагает, что в плане функционирования юридическая практика самодостаточна, а вот потенциал ее развития без теории, в частности без прогностической функции науки, видимо, весьма невелик. Допустимо предположить, что развитие юридической практики осуществляется на собственной основе, но за счет привлечения к решению своих задач средств, продуцируемых юридической наукой, прежде всего общей и отраслевыми теориями. В этом смысле можно определить особое «содержательное управление» юридической практикой со стороны правовой науки, осуществляемое путем разработки корректных, эффективных теорий, продуцирования истинных знаний. Чем глубже теории, чем больше они приближаются к истине, тем выше вероятность их востребованности практикой и тем выше «управленческий потенциал» юридической науки [11, с. 229].

Чаще всего в решениях различных судебных инстанций используются термины «судебная практика», «правоприменительная практика», «практика назначения наказаний», «практика рассмотрения споров». Для примера приведем названия ряда документов - Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 25.06.2009 N 131 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров о преимущественном праве приобретения акций закрытых акционерных обществ» [3], Обзор судебной практики Верховного Суда РФ «Обзор практики рассмотрения судами дел по заявлениям прокуроров в защиту жилищных прав несовершеннолетних детей, подпадающих под категорию лиц, которые имеют право на дополнительную социальную

защиту в соответствии со ст. 1 Федерального закона «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» [6], Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.01.2007 N 2 (ред. от 29.10.2009) «О практике назначения Судами Российской Федерации уголовного наказания».

В текстах решений (постановлений) высших судебных инстанций мы тоже постоянно встречаемся с термином «практика». Например, в Определении Конституционного Суда РФ от 13.10.2009 N 1317-О-О указывается: «В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации гражданин И.П. Пивоваров - участковый уполномоченный милиции оспаривает практику применения органами внутренних дел статьи 7.27 «Мелкое хищение» КоАП Российской Федерации. Заявитель утверждает, что согласно сложившейся правоприменительной практике по материалам дел о хищении чужого имущества, в которых лица, совершившие хищение, не установлены, при отсутствии квалифицирующих признаков кражи и при стоимости похищенного не свыше одной тысячи рублей сотрудниками органов внутренних дел принимается решение об отказе в возбуждении уголовного дела» [7].

Современная юридическая наука кроме термина юридическая практика использует и иные, в частности «юридическая деятельность» или «правовая деятельность». Например, Р.В. Шагиева указывает, «...правовая система в современных условиях позволяет человеку раскрыть его возможности и способности, реализовать свой социальный и нравственный потенциал, при этом во всех работах, где поднимается проблема «правовой системы», неизменно упоминается правовая деятельность в качестве ее элемента» [14, с. 8].

Таким образом, отмеченные выше обстоятельства позволяет говорить о целом ряде методологических проблем, связанных с изучением юридической практики как элемента правовой системы субъекта Российской Федерации. Среди них следует выделить проблему соотносимости понятий «юридическая практика», «юридическая деятельность», «юридическая ситуация», «правовая деятельность». Кроме того, остаются вопросы связанности и взаимодействия практики, как элемента правовой системы с другими элементами системы - системой права и правовой доктриной; каким образом правовая доктрина субъекта Российской Федерации должна учитывать публично-правовые интересы населения; как происходит взаимодействие и взаимопроникновение правовой доктрины субъекта Федерации с системой права и системой законодательства; как влияет

правовая доктрина субъекта на правовую практику (деятельность) участников правоотношений на уровне субъекта Российской Федерации.

Обозначенные проблемы подтверждают важность учета, фиксации и систематизации юридической практики в субъекте Российской Федерации; их решение позволит развивать федеративные отношения в России в соответствии с вызовами времени, с учетом тенденций модернизации всего государственного механизма и совершенствования элементов гражданского общества.

Список литературы:

1. Алексеев С.С. Теория права. М., 1995.
2. Бырлэдяну В.И. Некоторые методологические проблемы областного законодательства (на примере Брянской области)// Правовая система Российской Федерации. 2010. № 4.
3. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 25.06.2009 N 131 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров о преимущественном праве приобретения акций закрытых акционерных обществ»//Вестник ВАС РФ, N 2, февраль, 2009.
4. Корчевский Д.С. Современная правовая система Российской Федерации: Дисс....канд. юрид.наук. М., 2000.
5. Маркова-Мурашова С.А. Национальная правовая система России и типология правопонимания: Дисс....докт.юрид.наук.СПб., 2006.
6. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ «Обзор практики рассмотрения судами дел по заявлениям прокуроров в защиту жилищных прав несовершеннолетних детей, подпадающих под категорию лиц, которые имеют право на дополнительную социальную защиту в соответствии со ст. 1 Федерального закона «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» //Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008, N 9.
7. Определение Конституционного Суда РФ от 13.10.2009 N 1317-О-О //Российская газета, N 13, 24.01.2007.
8. Потапов М.Г. Право субъекта Российской Федерации в правовой системе России: Дисс....канд. юрид.наук. М., 2004.
9. Синюков В.Н. Российская правовая система: вопросы теории: Дисс....д-ра. юрид.наук. Саратов, 1995.
10. Сорокин В.В. Концепция эволюционного развития правовой системы в переходный период: Дисс....д-ра. юрид.наук. Екатеринбург, 2003.
11. Тарасов Н.Н. Методологические проблемы современного правопонимания: Дисс....докт.юрид.наук. Екатеринбург, 2002.
12. Тихомиров Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика. М., 2010.

13. Черненко А.К. Теоретико-методологические аспекты формирования правовой системы общества: Дисс...докт.юррид.наук. М., 2006.
14. Шагиева Р.В. Концепция правовой деятельности в современном обществе: Дисс...докт.юррид.наук.М.,2006.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ СОДЕЙСТВИЯ ПРАВОВОЙ АКТИВНОСТИ

Куцевалова Ирина Александровна

*помощник юриста, ООО «Центр дополнительного образования»,
г. Красноярск*

E-mail: irina-kucevalova@mail.ru

Становление в России правового государства предполагает развитие и поддержку правовой активности субъектов права, усиление правовых начал в социальных взаимодействиях, использование правовых средств удовлетворения разнообразных экономических, политических, духовных и иных потребностей и интересов.

Правовая активность управомоченного субъекта во многих случаях невозможна без соответствующего содействия, поддержки, помощи со стороны обязанных органов публичной власти, физических и юридических лиц [8, с. 39].

Вместе с тем, в современном отечественном правоведении сохраняется тенденция сведения обеспечения права, прав и свобод к мерам негативного, принудительного характера, рассчитанным на ситуации, когда право нарушается, тогда как мерам юридического содействия, поддержки правомерной деятельности в условиях нормальной правореализации внимание уделяется гораздо меньше.

И.В. Ростовщиков определяет содействие реализации прав личности как своеобразный вид гарантий прав и свобод личности, как специфическую деятельность субъектов права [8, с. 28].

В.М. Шафиров выделяет среди средств обеспечения и реализации прав и свобод отдельный блок содействия правомерной деятельности управомоченного, рассматривая его как совокупность юридических средств, гарантирующих создание конкретных условий наиболее полного, всестороннего, оперативного, экономичного осуществления прав и свобод [8, с. 28]. Особенность этих средств в том, что они направлены не на охрану и защиту права, а на создание комфортных условий для более благоприятного использования прав, т. е. правовое

содействие является превентивной мерой, обеспечивающей именно правомерное поведение. Правовое содействие призвано создавать благоприятные условия для осуществления права, самореализации личности, ее развития.

В толковом словаре русского языка содействие толкуется как «деятельное участие в чьих-нибудь делах с целью облегчить, помочь, поддержка в какой-нибудь деятельности» [3, с. 743].

Этимология слова «содействие» как «со–действия» акцентирует внимание на том, что оно, во–первых, есть совместное действие, во–вторых, содействие предполагает осуществление самостоятельной инициативной деятельности, в рассматриваемой правовой сфере инициативной деятельности по реализации прав и свобод. Для осуществления правового содействия необходима инициатива и участие, как со стороны граждан, так и со стороны государства.

Содействие как философская категория – это форма взаимодействия, в ходе которого две и более сторон способствуют взаимному сохранению, функционированию, развитию. Содействие улучшает условия жизни сторон, увеличивает возможность борьбы против враждебных, разрушающих явлений, расширяет возможности и способствует взаимному развитию [7]. Отсюда, содействие – это объединение и сложение усилий взаимодействующих субъектов для извлечения пользы обоих, соответственно в ходе правового содействия пользу извлекают все его участники, как граждане, так и государство.

Правовое содействие – широкое понятие, охватывающие деятельность всех субъектов правовой жизни по способствованию реализации права, основанную на действующих принципах и нормах права, включающее в себя как содействие, осуществляемое юридическими средствами (например, оказание квалифицированной юридической помощи), так и средствами неюридического характера (фактической помощи) в осуществлении прав [6, с. 75]. К сожалению, довольно часто в обыденной жизни юридические средства содействия «включаются» после использования неюридических – привлечение внимания общественности средствами массовой информации. Так, только после ряда репортажей в СМИ в ситуацию, когда «органы опеки Москвы забрали у бабушки родного внука, которого он воспитывал с раннего детства, и передали в приют (в течение последних месяцев после смерти супруги, которая являлась официальным опекуном, мужчина растит ребенка самостоятельно, мать Димы пропала без вести, а отец умер два года назад, однако, по мнению соцработников, мужчина слишком стар для выполнения родительских обязанностей и Диму забрали в приют без

предупреждения прямо из школы» [4] вмешались органы прокуратуры, а затем и Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка. Подобные случаи отнюдь не способствуют укреплению авторитета права, правового регулирования.

В узком, специально юридическом значении, правовое содействие правовой активности представляет собой:

- юридическую деятельность с использованием только правовых средств – правовых явлений, выражающиеся в инструментах (установлениях и деяниях), с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права, обеспечивается достижение социально полезных целей [1, с. 13];

- разновидность правового стимулирования правовой активности граждан и организаций;

- деятельность, осуществляемую в предусмотренных действующим позитивным правом порядке и формах. Так, правовое информирование, правовое просвещение (пропаганда) в целом обоснованно рассматривается как неюридическое средство, однако будучи формализованным и влекущим правовые последствия оно предстает как вид правового содействия правовой активности – например, ст. 111 НК РФ [2], согласно которой к обстоятельствам, исключающим вину лица в совершении налогового правонарушения, отнесено выполнение налогоплательщиком (плательщиком сбора, налоговым агентом) письменных разъяснений о порядке исчисления, уплаты налога (сбора) или по иным вопросам применения законодательства о налогах и сборах, данных ему либо неопределенному кругу лиц финансовым, налоговым или другим уполномоченным органом государственной власти (уполномоченным должностным лицом этого органа) в пределах его компетенции (указанные обстоятельства устанавливаются при наличии соответствующего документа этого органа, по смыслу и содержанию относящегося к налоговым периодам, в которых совершено налоговое правонарушение, независимо от даты издания такого документа), кроме случаев, если указанные письменные разъяснения основаны на неполной или недостоверной информации, представленной налогоплательщиком (плательщиком сбора, налоговым агентом).

Таким образом, в условиях становления правового государства исследование правового содействия правовой активности в специально юридическом смысле, его видов, форм, порядков и объемов предоставления со стороны, как органов публичной власти, так и иных субъектов права является одной из первоочередных задач юридической науки.

Список литературы:

1. Малько А. В. Правовые средства как общетеоретическая проблема // Известия ВУЗов. Правоведение. – 1999. - № 2. - С. 4-16
2. Налоговый Кодекс Российской Федерации: Часть первая: Федеральный закон Российской Федерации от 16.07.1998 № 146-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. - № 31. – Ст. 111.
3. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковик, 1999. – 944 с.
4. Павел Астахов: мы будем добиваться того, чтобы внука вернули дедушке. [электронный ресурс] – Режим доступа. - URL: <http://www.rfdeti.ru/display.php?id=4098> (дата обращения 01.11.2011).
5. Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект / Под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2005. 528 с.
6. Пузиков Р. В. Неюридические средства реализации правовой политики // Вестник Нижегородской академии МВД РФ. 2011. № 2(15). С. 74-77.
7. Философия. Курс лекций/ В. Л. Калашников [и др.] / Книги для всех. [электронный ресурс] – Режим доступа. - URL: www.lib4all.ru/base/B2089/B2089Part7-59.php (дата обращения: 30.10.2011)
8. Шафиров В. М. Обеспечение права: человекоцентристский подход: монография / В. М. Шафиров; Краснояр. Гос. ун-т, Юрид. Ин-т. – Красноярск: РУМЦ ЮО, 2005. — 228 с.

ПРАВОСОЗНАНИЕ МОЛОДЕЖИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ РЕЛИГИОЗНЫХ И ЭТНИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ

Новикова Светлана Владимировна

*главный специалист Министерства образования
Московской области, г. Москва
E-mail: svetlaya1001@bk.ru*

Проводимые в нашей стране глубокие экономические, политические, социальные, культурные, духовные, информационные и иные преобразования коренным образом изменили общественное сознание России и, в частности, правосознание как одну из его форм. Известно, что правосознание не сводится к простому усвоению и воспроизведению действующих юридических норм, а есть сложное духовное явление, которое имеет разнообразные политико-правовые, культурно-исторические, религиозно-нравственные, национально-этнические корни. На рубеже двух веков государство и право столкнулись с проблемами, знаменующими новые явления в общественных отношениях. Наряду с глобализацией и универсализацией экономических и политических процессов не только сохраняются, но и получают невиданную ранее силу факторы национальной, культурной и религиозной идентичности.

Этнические и национальные особенности русского народа, объединяющего около полутора сотен этносов, каждый из которых уникальный мир, ментально впитавший в себя многовековую мудрость, во многом определяют состояние мировоззрения и уровень правосознание всего населения современной России. Между тем современное российское правосознание не развито, аморфно, противоречиво, несет на себе печать прежних представлений. Специфические особенности современного русского правосознания сформировались в результате воздействия на общество в течение всего времени его существования основных факторов, а именно: родной славянской веры, христианства, коммунизма и реалий постсоветского периода. Из ряда признаков русского правосознания выделяют как важнейшие: отсутствие национального единства, в том числе взаимопомощи; отсутствие национальной агрессивности, в том числе в вопросе борьбы за свои права; правовой нигилизм, в том числе как реакция на беззаконие государственных чиновников; преобладающая духовная слабость, а соответственно желание переложить груз решения своих проблем на какое-либо божество.

В российском обществе налицо не только социально-экономический и политический кризис, но и духовный, нравственный, культурный. Последнее, по мнению автора, представляет собой большую опасность, чем, например, финансово-экономический кризис. Причины современного общего кризиса правосознания в значительной степени связаны с деформацией правосознания и в целом мировоззрения русского народа.

Правильная правовая политика в условиях демократического общества требует учета национального менталитета как важной компоненты правосознания. Значимость рассмотрения этнических, национальных особенностей русского правосознания в современных условиях гипертрофируется отсутствием государственной идеологии, усиливающимися внутригосударственными конфликтами на национальной почве, усугубляющих криминализацию общества, другими негативными явлениями, которые все вместе обуславливают необходимость совершенствования межнациональных и межличностных отношений в современном российском обществе. Межэтнические конфликты все больше обостряют и без того неустойчивую ситуацию в регионах России особенно там, где представители различных национальностей объединены в устойчивые диаспоры или анклав. Религия всегда выступала ведущим социальным источником права и правосознания. Правовые системы исторически базируются на исходных догматах традиционных конфессий.

Молодежное правосознание как разновидность группового правосознания представляет собой совокупность черт общего правосознания, присущих молодёжи как социально-демографической группе. Оно не является суммой правовых воззрений молодых людей, а выступает как качественно иное духовное образование. Формирование правосознания молодежи немислимо без табу, норм и регламентаций, общего представления о долге, чести и совести, без опоры на моральные, религиозные и эстетические регуляторы.

Этнические особенности правосознания молодежи в современной России выражаются в государственно-правовом нигилизме, преобладающем во всех слоях российского общества, духовной слабости русского народа, отсутствии национального единства, национальной гордости и стремления отстаивать собственные права. Национальные черты и привычки россиян столь впечатляющие, а, порой и озадачивающие, выражающие себя в перипетиях последнего времени и в экономической сфере, и в политической деятельности, и в

правовом процессе, что не может не отразиться на формировании правосознания молодежи.

Причинами возникновения указанных этнических особенностей выступают духовно-идеологические истоки, а именно: национально-родовые дохристианские верования; православное христианство; коммунистическая идеология; современная (постсоветская) действительность. Кроме этого, на современное правосознание молодых людей оказывает особое влияние сложность, а порой и невозможность реализовать или отстаивать собственные права законным способом; безнаказанность государственных чиновников, нарушающих права граждан; отсутствие государственной идеологии.

Незавершенность в формировании правосознания, ограниченность опыта и знаний, интравертированность на фоне кризиса нередко способствуют податливости молодежи к суевериям, религиозным и мистическим умонастроениям. Среди социальных институтов наиболее авторитетными и вызывающими доверие молодых людей стала религия. Переходные, кризисные периоды почти всегда сопровождались резкими «поворотами» общественного и индивидуального сознания от рационального взгляда на мир к религиозно-мистическим. Поэтому взлет религиозно-мистических умонастроений, оказавшийся наиболее стремительным в сознании молодежи - самой чуткой, критичной, но вместе с тем пока только ищущей себя, социально не умудренной части общества - вполне объясним.

Огромной проблемой является и то, что на активный процесс формирования новой правовой идеологии пытаются оказать влияние религиозные организации и отдельные деятели. Данное утверждение подтверждается проведенными социологическими исследованиями факторов, влияющих на формирование правосознания молодежи. Очевидно, что религиозный фактор оказывает не только опосредованное, но и непосредственное влияние и на социальные установки, так как под воздействием этих установок формируются фундаментальные духовные основы общества. К сожалению, длительное игнорирование религиозного фактора, в частности, религиозной морали в советский период, привело к тому, что общественное правосознание современной России оказалось во многом незащищенным перед крайними, экстремистскими формами религиозного правосознания, угрожающими правопорядку и государственной целостности. Результатом этих процессов стали участвовавшие в последнее время факты правонарушений на религиозно-этнической почве. Поэтому необходимо принятие

законодательного акта, ограничивающего возможность грубой, жесткой идеологической агитации и психологического воздействия на молодежь религиозных экстремистских организаций и отдельных деятелей.

Динамика развития правосознания и выработка у молодежи правового мышления, адекватного общественным изменениям, связаны с решением ряда задач, одной из которых, на взгляд автора, является овладение молодыми людьми соответствующими знаниями о социальной и духовной ценности права как явления мировой цивилизации, осознание неразрывной связи гражданских прав и обязанностей. Произошедшая ломка привычных ценностей, стереотипов мысли и поведения, невозможность понимания смысла и содержания происходящих процессов заставляют молодежь по-новому видеть и оценивать историческую судьбу своей страны как некоторое единство характера, исторических задач и способов их решения, закрепившихся в национальном сознании и в культурно-правовых стереотипах. Основными причинами современного кризиса правосознания видятся: неуважение и недоверие молодежи к государству, положительному праву и правоприменению, порожденные, в том числе этническими особенностями русского правосознания; отсутствие у государства правовой идеологии и политико-правовой системы, позволяющей молодым гражданам реально отстаивать свои права.

В процессе формирования правосознания молодого человека необходимо учитывать факторы, оказывающие влияние на становление его как личности: социальная среда; экономический уклад; духовно-нравственная атмосфера, т. е. влияние как макросреды, так и микросреды. Также необходимо учитывать влияние на процесс формирования правосознания как первичных, так и вторичных институтов социализации. Социальная принадлежность индивида продолжает оставаться важнейшим образующим признаком, но в современных условиях все большее значение приобретают (наряду с ним) такие критерии, как общеобразовательный уровень, глубина овладения научным мировоззрением, степень и уровень интернализации моральных и правовых требований общества, половозрастные особенности и т. д.

Изменения в отношении к религии (как в целом в обществе, так и среди молодежи) - не кардинальная смена ценностных ориентаций, не реальный взлет религиозной веры (хотя, несомненно, среди вновь обратившихся к вере есть истинно верующие люди), а скорее взлет религиозно-мистически окрашенных умонастроений. Кризисные явления в современной государственности и праве цивилизованных

стран во многом имеют корни в кризисе правосознания, постепенно, в течение двух последних веков утрачивавшего связь с религиозной культурой. Снижение авторитета права, разрастание правового нигилизма, неустойчивость современной демократии - неизбежная реакция общества на отчуждение права от своих социальных источников, в том числе - в религиозной правовой культуре. Развитие религиозного правосознания имеет принципиальную значимость для повышения уровня развития отечественного правосознания и общей правовой культуры молодежи, формирования общероссийской правовой идеологии, совершенствования законодательства, так как оно содержит духовные, культурно-исторические, религиозно-нравственные, национально-этические элементы, формирующие уважение к праву, закону, соблюдению прав и интересов людей в общественных отношениях.

Формирование правосознания молодежи, ее правовой культуры является обязательной составляющей государственной политики. Сейчас постепенно приходит понимание того, что современная Российская Федерация - наследница сложного баланса сил в историческом формировании поликонфессиональной российской государственности.

Список литературы:

1. Байниязов Р.С. Правосознание и правовой менталитет в России: Введение в общую теорию. Саратов, 2001
2. Варламова Н. Правовой нигилизм: прошлое, настоящее: и будущее России? Конституционное право// Восточноевропейское обозрение. -2000. № 1 (30).
3. Головкин Р.Б. Современное право России в системе религиозно-традиционного регулирования. Владимир, 1998.
4. Евплова Н.Ю. Правосознание молодежи: теоретический и социологический аспекты: Автореферат диссертации к. ю. н. Волгоград, 2000.
5. Религиозные объединения. Свобода совести и вероисповедания. Нормативные акты. Судебная практика / Сост. А.В. Пчелинцев, В.В. Ряховский. М.: «Юриспруденция», 2001. – 448 С.
6. Фарбер И.Е. Правосознание как форма общественного сознания - М., 1963.
7. Хвьяля-Олинтер А.И. Влияние религиозного фактора на формирование правового сознания // Гуманитарные науки и юридическое мировоззрение: материалы межвузовской научно-практической конференции, 30 марта 2003 г. - Белгород, 2003.

ПРАВОВЫЕ И КОРПОРАТИВНЫЕ НОРМЫ: ПОНЯТИЕ И СООТНОШЕНИЕ В СТРУКТУРЕ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Палеев Роман Николаевич

*кандидат философских наук, докторант Российской Академии адвокатуры и нотариата (Институт), г. Москва
E-mail: rpaleev@rambler.ru*

В современной научной литературе существует множественность подходов к определению нормы [1, 2, 8]. Внимание исследователей, как правило, останавливается на различных аспектах содержания и назначения этого феномена, что в конечном итоге приводит к различному пониманию его сущности: среднее как статистический параметр (статистика); некая точка отсчета, эталон, стандарт (медицина, биология); совокупность свойств объекта и форма регуляции поведения (социология, право) и т. д. Виды социальных норм (моральные, нравственные, корпоративные, эстетические, религиозные и др.) представляют собой те основные формы и средства, с помощью которых осуществляется регуляция поведения в общественных отношениях. Они в концентрированном виде выражают объективную потребность любого общества в упорядочении действий и взаимоотношений его членов, в подчинении их поведения социально необходимым правилам.

Вопросы, касающиеся специализации и взаимодействия тех или иных социальных регуляторов, на всех стадиях развития юридической науки и практики являлись недостаточно разработанными [1]. В значительной степени это связано с тем, что социальный организм по своей сути очень изменчив и каждому этапу его развития имманентны различные модели общественных отношений. Данная тенденция с неизбежностью обуславливает эволюционную трансформацию, как самих социальных регуляторов, так и способов, методов и приемов упорядочивающего воздействия последних на указанные модели отношений.

На различных этапах становления общества и государства удельный вес регулирующего воздействия непрерывно смещался от одних регуляторов к другим и обратно, в зависимости от тех или иных экономических, политических или социально-культурных изменений и приоритетов [4].

При первобытнообщинном строе лидирующие позиции принадлежали морали и обычаям, в средние же века главенствующая роль переходит к нормам религии, и наконец, с развитием экономики, индустрии и различного рода коммуникаций на арену выходят право и корпоративные нормы [5].

В конце XX - начале XXI в.в. человеческий социум выходит на новый уровень развития вследствие усложнения инфраструктуры государств, транснационализации предпринимательской деятельности и появления новых информационных технологий. Большинство экономических, политических и социальных процессов начинают активно развиваться с одновременным ослаблением контроля над ними со стороны государства. Это способствует тому, что регулирование отношений, опосредующих эти процессы, плавно переходит в сферу юрисдикции различного рода организаций. На сегодняшний день в мире существуют миллионы корпораций с самыми разнообразными организационно-правовыми формами, сферами деятельности, целями и задачами. В странах с развитой экономикой в рамках указанных структур задействовано подавляющее большинство трудоспособного населения [3]. .

Термин «корпорация» следует интерпретировать с позиции двух подходов философского и юридического. Согласно философскому подходу корпорация понимается как всякое объединение людей, преследующих совместные цели независимо от наличия той или иной организационно-правовой формы или государственной регистрации. С позиции же юридического подхода корпорацию следует понимать как юридическое лицо, существующее в организационно-правовой форме коммерческой организации (хозяйственные общества, в особенности такая их разновидность, как акционерные общества, а также коммерческие формы интеграции этих организаций (холдинги, финансово-промышленные группы) [6].

Корпоративные нормы - одна из разновидностей норм. Они разрабатываются органами управления компании и адресуются ее членам (учредителям, акционерам, рабочим, служащим и т. п.). Среди них можно выделить технические нормы (правила работы с компьютером, правила эксплуатации машин и механизмов и т. п.). Технические нормы основаны на познании законов природы, особенностей технических объектов и представляют собой специфический «язык» общения человека с материальными объектами. Их соблюдение обеспечивается ответной реакцией сил природы на конкретные действия человека [3].

Можно выделить и другие корпоративные нормы: санитарно-гигиенические (правила уборки помещений после окончания работы и пр.); физиологические (инструкция о порядке ношения летней и зимней форменной одежды и т. д.); биологические (например, порядок использования респиратора в период массовой эпидемии гриппа) и др.

Социальные корпоративные нормы - это правила поведения, изданные в организации и регулирующие отношения между людьми (между работниками, сотрудниками компании и кредиторами, работниками организации и клиентами и т. п.). Социальная норма представляет собой стандарт поведения одного человека по отношению к другому. Социальная корпоративная норма - это чаще всего требование организации к своему члену, в котором более или менее точно определены объем, характер, границы возможного и дозволенного в поведении.

Социальные корпоративные нормы могут быть разноплановыми: корпоративные обычаи (например, обычай удостаивать каждого тысячного покупателя (клиента) небольшим подарком); корпоративные традиции (например, публичное поздравление именинников); этические нормы (встреча каждого клиента организации приветствием, минимальной информацией о компании и пр.); эстетические нормы (украшение интерьера помещений организации цветами, ношение работниками форменной одежды и т. п.); деловые обычаи (выдача работникам письменных заданий на день или проведение «планерок», «разборов», «пятиминуток» и т. п.); правовые нормы (например, выплата дивидендов в конце каждого полугодия).

Отправным моментом в понимании корпоративных норм является разделение их на собственно корпоративные нормы и корпоративные правовые нормы. При этом собственно корпоративные нормы выступают самостоятельным элементом системы социального регулирования, а корпоративные правовые нормы являются разновидностью локальных правовых норм, создающихся в организации, отвечающей признакам корпорации. В основу отнесения той или иной нормы к собственно корпоративной или корпоративной правовой норме, помимо организационно-правовых форм принявших их организаций, должен быть положен характер отношений, на регулирование которых они направлены.

Собственно корпоративные нормы - это разновидность социальных норм неправового характера, направленных на обеспечение функционирования и установление определенного порядка в организации, текстуально закрепленных в ее документах,

снабженных специфическими конкретными мерами воздействия и обеспеченных принуждением со стороны данной организации.

Нормы, создающиеся в коммерческих организациях, отвечающих признакам корпорации и регулирующие отношения по распределению прибыли и управлению организацией на локальном уровне, являются корпоративными правовыми нормами.

Корпоративные правовые нормы регулируют наиболее важные отношения, складывающиеся в организации, и являются самыми значимыми среди социальных корпоративных норм. В разработке корпоративных норм участвуют различные субъекты. В зависимости от этого корпоративное нормотворчество можно подразделить на три вида: прямое, представительное и опосредованное. Управление предпринимательской структурой осуществляется в соответствии с ее корпоративными актами и законодательством. Она сама определяет структуру управления и затраты на него. Собственник руководит компанией самостоятельно или через специальные органы управления, предусмотренные уставом, который периодически пересматривается и совершенствуется.

Существуют следующие основные формы взаимодействия права и собственно корпоративных норм: а) влияние права на формирование собственно корпоративных норм, б) влияние собственно корпоративных норм на право, трансформация собственно корпоративных норм в нормы права, в) охрана правом собственно корпоративных норм, г) непосредственное взаимодействие права и собственно корпоративных норм в процессе регулирования общественных отношений.

Вся же совокупность норм, посредством которых осуществляется регулирование поведения и деятельности, представляет собой систему нормативного регулирования общественных отношений. Право – уникальный, высокозначимый и авторитетный регулятор, но оно лишь один из компонентов системы нормативного регулирования.

Совокупность правовых норм, регулирующих предпринимательскую деятельность, представляет собой комплекс общественных отношений: собственно предпринимательские отношения, т.е. отношения, возникающие в процессе осуществления предпринимательской деятельности хозяйствующими субъектами; отношения, возникающие в процессе государственного регулирования и организации предпринимательской деятельности.

Правовое регулирование предпринимательской деятельности ведется по четырем основным направлениям, которым

корреспондируют четыре крупных блока нормативных актов. Первый блок определяет внутренние отношения в конкретном субъекте предпринимательской деятельности: порядок его учреждения, управления и самоуправления, организации труда. Второй блок регулирует отношения по «вертикали»: между субъектами предпринимательской деятельности, с одной стороны, и органами государственной власти и органами местного самоуправления, с другой, в том числе с законодательными (представительными) и исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации, с выборными и иными органами местного самоуправления. Третий блок опосредует отношения субъектов предпринимательства по «диагонали», в частности с банками и иными кредитными организациями, органами по валютному регулированию и контролю. Четвертый блок регулирует отношения субъектов предпринимательской деятельности по «горизонтали» — со своими партнерами по экономической деятельности: поставщиками, покупателями, перевозчиками, страховщиками и др.

Объединенные единой нормативной природой, все эти нормы характеризуются следующими общими чертами: – представляют собой определенный стандарт (образец, эталон, норматив) поведения, типичный и нормальный для данного времени и среды; – определяют границы должного и возможного поведения, служат ориентирами в выборе социально одобряемого поведения и одновременно являются средством контроля за этим поведением; – формируются в процессе жизнедеятельности людей и в этом смысле неотделимы от своего носителя; – преследуют достижение единых целей – обеспечение порядка и организованности в общественных отношениях [7].

Список литературы:

1. Алексеев С.С. Восхождение к праву: Поиски и решения. М.: Норма, 2002. – 608 с.
2. Гайворонская Я.В. К вопросу о понимании социальной нормы // Правовая политика и правовая жизнь. - 2003. - № 3. - С. 135–140.
3. Кашанина Т.В. Корпоративное право. – М.:Юрайт, 2010. — 899 с.
4. Нерсисянц В.С. Философия права — М.: Норма, 2005. — 848 с.
5. Палеев Р.Н. Основные морально-правовые аспекты регулирования предпринимательской деятельности.- М.: Академкнига, 2006.- 176 с.
6. Покровская Н.Н. Социальные нормы как предмет социологического анализа: должное и действительное.//Журнал социологии и социальной антропологии. – СПб., 2007. - Т. 10, № 1. - С. 190-198.

7. Протасов В.Н., Протасова В.Н. Лекции по общей теории права и теории государства — М.: Издательский дом «Городец», 2010. — 752 с.
8. Швец Д.С. Об абсолютности и релятивности социальных норм.// Актуальные проблемы современной науки. - 2005. - № 5. - С. 106-108.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НОТАРИАТА: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ

Панченко Владислав Юрьевич

*к. ю. н., доцент СФУ, г. Красноярск
E-mail: panchenkovlad@mail.ru*

В литературе юридическая помощь со стороны нотариата связывается с совершением нотариусом нотариальных действий [2, с. 43–44].

А.Л. Миронов рассматривает нотариат как институт обеспечения конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи при осуществлении правосудия. Нотариат как институт превентивного, предупредительного правосудия в первую очередь непосредственно обеспечивает защиту прав и свобод человека и гражданина, что дает возможность субъектам права избежать обращения в суд за защитой тех же прав. В рамках этого направления деятельности нотариусы: удостоверяя сделки, содействуют формированию и четкому закреплению взаимных прав и свобод субъектов гражданских правоотношений, предупреждают возможные споры между участниками гражданского оборота; разъясняя обратившимся к ним за совершением нотариального действия лицам их права и обязанности, а также последствия совершаемых ими действий, нотариат способствует повышению юридической грамотности общества; обеспечивают принудительное исполнение обязательств без обращения в суд, которое является несудебным способом защиты интересов кредитора и на сегодняшний момент имеет значительный потенциал к дальнейшему законодательному совершенствованию; осуществляет деятельность по обеспечению доказательств, необходимых в случае возникновения дела в суде или административном органе [5, с. 21–22].

Выполнение нотариусом функции оказания юридической помощи, полагает Г.А Смагин, не ограничивается сообщением заинтересованным лицам информации о действующем законодательстве по конкретному вопросу, а включает обязательное

проведение правовой экспертизы всех условий сделки, выяснение обстоятельств дела, разъяснение участникам смысла, значения и правовых последствий сделки, проверку соответствия содержания сделки действительным намерениям сторон и требованиям законодательства, принадлежности прав на недвижимость, правоспособности юридического лица, полномочий сторон и их представителей, установление личностей обратившихся за совершение нотариального действия, проверку дееспособности физических лиц [8, с. 41].

Основы законодательства Российской Федерации о нотариате в ст. 16 (далее – Основы) [7] возлагают на нотариуса обязанность оказывать физическим и юридическим лицам содействие в осуществлении их прав и защите законных интересов, однако такое содействие не всегда носит характер юридической помощи.

С позиций понятия юридической помощи как деятельности, не имеющей публично–властного содержания, такой подход нуждается в корректировке. Дело в том, что юридическая помощь облегчает своим помогающим воздействием реализацию прав, свобод, законных интересов только теми правовыми средствами, которые позитивное право признает за получателем (гражданином, организацией) как правоспособным субъектом, но фактическое использование этих средств для него представляет проблему, затруднение. Поэтому в содержание юридической помощи могут быть включены лишь те правовые средства–установления и средства–деяния, использование которых возможно лицом как праводеспособным субъектом. Иными словами, деятельность субъекта оказания может дополнять, замещать деятельность субъекта получения, но объем и характер деятельности субъекта оказания не может выходить за рамки праводеспособности, а значит и правовой деятельности субъекта получения, которую он мог бы осуществить, если бы правовая ситуация не была проблемной и он не нуждался бы в помощи. Эта особенность в совокупности с иными признаками юридической помощи позволяет отграничить последнюю от иного содействия осуществлению прав, свобод, законных интересов граждан со стороны многих субъектов, прежде всего, со стороны государственных органов и органов местного самоуправления. Так, не является юридической помощью деятельность органов публичной власти в интересах лиц, которая преобразует проблемную правовую ситуацию, но осуществляется правовыми средствами, использование которых гражданином как лицом, не наделенным публично–властными полномочиями, в принципе невозможно, поскольку закон не наделяет граждан правом совершать такие действия. Например,

возбуждение компетентными органами уголовного дела или дела об административном правонарушении, принятие к правонарушителю других мер правового принуждения и т.д. фактически «помогают» удовлетворить интересы потерпевшего, но юридической помощью не являются, ведь использование таких правовых средств составляет исключительную компетенцию органов публичной власти.

Другие действия, хотя и представляют собой реализацию компетенции органов публичной власти, но по своему характеру могут осуществляться физическими лицами, но при наличии проблемной правовой ситуации деятельность органов публичной власти, представляющая собой юридическую помощь, замещает деятельность конкретного нуждающегося (например, обращение прокурора в суд в интересах лица в порядке ст. 45 ГПК РФ [1]).

Действия, составляющие содержание юридической помощи, сами по себе не могут быть публично-властными. В процессе оказания юридической помощи невозможны издание от имени государства, муниципального образования обязательных правовых предписаний, принятие публично-властных решений, применение мер правового принуждения как в отношении субъекта получения, так и других лиц.

Таким образом, правосубъектность получателя выступает существенным и отличительным признаком правового содействия в форме юридической помощи, позволяющим отграничить последнюю от иных разнообразных форм и видов юридического содействия. С этих позиций, не все нотариальные действия представляют собою юридическую помощь.

Результатом нотариальной деятельности является нотариальный акт – процедурно оформленное, выражающее волю государства решение специально уполномоченного субъекта, основанное на диспозиции нормы материального права и официально подтверждающее субъективное право конкретного лица или юридический (доказательственный) факт [9, с. 17]. То обстоятельство, что нотариальные акты имеют властный характер, не позволяет рассматривать совершение нотариальных действий как юридическую помощь.

Вместе с тем в деятельности нотариуса юридическая помощь имеет место в связи с совершением нотариальных действий в виде:

- консультирования лиц, обратившихся за совершением нотариального действия, о существе нотариального действия и его последствиях с тем, чтобы юридическая неосведомленность не могла быть использована им во вред; разъяснения их прав и обязанностей, выяснения соответствия желания стороны на совершение

нотариального действия и избранного вида действия ее истинному волеизъявлению, и обеспечения тем самым соответствия воли и волеизъявления для исключения заблуждения лица [3, с. 117–122; 6, с. 78]. Обязанность предоставления консультаций в отдельных случаях может даже «вынудить нотариуса разубедить клиентов в целесообразности подписания той или иной сделки» [3, с. 120]. Невыполнение обязанности по даче надлежащего совета, причинившее ущерб гражданам и организациям – участникам нотариального действия, может повлечь постановку вопроса о его возмещении за счет нотариуса [6, с. 78];

- составления проектов нотариальных актов либо внесения предложений по изменению в представленных ему проектах.

Особенностью юридической помощи, осуществляемой нотариусом, является оказание ее всем участникам нотариального действия. По закону и согласно правилам нотариальной этики нотариус обязан беспристрастно консультировать все стороны [4, с. 16], т. е., оказывая юридическая помощь одному участнику, он не может не оказать ее другому. Действуя в интересах всех участников нотариального действия, а не только одного клиента, нотариус способствует согласованию их интересов, правовых притязаний, предупреждая тем самым возникновение споров, что, в конечном счете, означает правовое содействие реализации интересов каждого из них.

Список литературы:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 нояб. 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 14 июня 2011 г., с изм. и доп., вступающими в силу с 1 июля 2011 г.) // Информационная система «КонсультантПлюс»
2. Качалов В.И., Качалова О.В. Юридическая помощь в Российской Федерации. М., 2002.
3. Конт Ф. Обязанность предоставления консультаций сторонам // Развитие небюджетного нотариата в России: квалифицированная юридическая помощь и защита прав граждан и юридических лиц. М., 2000.
4. Мерлотти М. Общие соображения о роли нотариата латинского типа и основные принципы свободного нотариата // Развитие небюджетного нотариата в России: квалифицированная юридическая помощь и защита прав граждан и юридических лиц. М., 2000.
5. Миронов А.Л. Реализация конституционного права человека и гражданина на получение квалифицированной юридической помощи при осуществлении правосудия: автореф. ... дисс. канд. юрид. наук. М. 2009.
6. Нотариальное право России / под ред. В.В. Яркова. М., 2003.

7. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате: утв. Верховным Советом РФ 11 февр. 1993 № 4462-1 (в ред. от 5 июля 2010 г.) // Информационная система «КонсультантПлюс»
8. Смагин Г.А. Конституционно–правовые вопросы оказания юридической помощи в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.
9. Тарбагаева Е.Б. Нотариат в Российской Федерации. СПб., 2001. С. 17.

СУДЕБНЫЙ ПРЕЦЕДЕНТ В АНГЛИИ: ПОНЯТИЕ, СТРУКТУРА, ОСОБЕННОСТИ ДОКТРИНЫ ПРЕЦЕДЕНТА

Филиппова Елена Сергеевна

*аспирант кафедры теории и истории государства и права
юридического факультета федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения высшего
профессионального образования «Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского», г. Нижний Новгород
E-mail: lenochka-f@vandex.ru*

В общей теории права выделяют четыре основные формы права: нормативно-правовой акт, обычай, прецедент, договор нормативного содержания. Необходимо отметить, что все указанные формы встречаются в каждом государстве, но значение, место, которое они занимают, различно. Так, страны романско-германской правовой семьи основным источником права традиционно рассматривают нормативно-правовой акт, страны же англосаксонской правовой семьи – судебный прецедент.

В современной юридической литературе России часто возникают дискуссии о возможности признания судебного прецедента в качестве источника российского права. Между тем, ответ на вопрос о том, является и может ли судебный прецедент быть источником российского права, зависит от подхода к пониманию судебного прецедента. В настоящей статье дается общая характеристика классической теории судебного прецедента.

В самом широком смысле прецедентом считается то, «что произошло в той или иной ситуации раньше и что воспринимается как своего рода пример, подсказывающий, как следует поступать в схожей ситуации, если она возникнет вновь» [7, с. 162]. Таким образом, различаются прецеденты судебные (это решение суда, вынесенное по

конкретному делу, которое рассматривается в качестве эталона и которому должны следовать все нижестоящие суды) и административные (далее по тексту настоящей статьи термины «прецедент» и «судебный прецедент» используются как синонимы).

При анализе судебного прецедента необходимо учитывать некоторые его особенности:

Прецедент обладает неписанным характером. Это выражается, прежде всего, в структуре прецедента, который состоит из двух частей: *ratio decidendi* и *obiter dictum*. Эти части не являются четко выраженными в рассуждениях суда, это логические части прецедента. Юристу необходимо обосновать свое представление *ratio decidendi*, то есть норма, отраженная в судебном прецеденте, является подразумеваемой. С другой стороны, судебные решения подлежат обязательному опубликованию, однако это только облегчает работу юристов, но не заменяет процесса выделения нормы из решения[1, с. 22].

Прецедент устанавливается не всеми судами, а только высшими судами государства. Это позволяет обеспечить единообразие права и придает ему определенную системность.

Не все судебные решения высших судов государства являются прецедентами. Ими могут быть только те решения соответствующих судов, которые вынесены большинством голосов, то есть это решение, выражающее общую позицию суда. Это не исключает, однако, приложения особого мнения судьи, которое следует учитывать при анализе прецедента, так как по прошествии некоторого времени мнение одного может стать мнением суда.

Наибольшее распространение теория прецедента получила в Англии. Именно английские юристы разработали правило прецедента или доктрину прецедента. По мнению профессора Р. Кросса правило прецедента заключается в том, что «английские судьи нередко обязаны следовать ранее принятому решению даже в тех случаях, когда имеются достаточно убедительные доводы, которые в иных обстоятельствах позволили бы этого не делать» [5, с. 624].

Правило прецедента обращено к судьям, поэтому можно выделить несколько видов прецедентов. «Так, в одних случаях судья будет рассматривать предыдущие судебные решения как материально-правовое основание, на котором он должен принять решение по данному делу. В другом случае судья должен принять точно такое же решение, какое было принято по аналогичному делу в прошлом, если, конечно, он не сможет убедительно обосновать, что должно быть принято другое решение. Наконец, судья обязан принять точно такое

же решение, как было принято по аналогичному делу в прошлом, даже в том случае, если у него найдутся веские доводы, что лучше этого не делать» [7, с. 164].

Необходимо отметить, что правило прецедента отражает два важных аспекта деятельности суда:

- суд обязан следовать решениям вышестоящих судов, вынесенных ранее по аналогичному делу, а высшие суды обязаны следовать своим же решениям;
- судья не может отказать в рассмотрении дела только на том основании, что подходящее для данного случая законодательство еще не принято [7, с. 164].

Содержание принципа прецедента не охватывается только указанными принципами. В частности, можно выделить и такие положения правила прецедента [5, с. 628-629]:

- только принцип, обосновывающий судебное решение, является той обязательной частью, которая служит прецедентом для последующего судьи;
- не положенное в основу приговора мнение, которое могло бы быть высказано независимо от приговора, или наоборот, как подходящее к нему, не является судебным мнением;
- в случае, когда судебное решение обосновывается не одним основным, по общему правилу, а двумя доводами, то оба являются обязательными при рассмотрении последующих аналогичных дел;
- все судебные решения должны толковаться не иначе как с учетом обстоятельств, в которых были приняты;
- при отправлении правосудия следует исходить из того, что сходные дела должны решаться сходным образом.

Таким образом, английские юристы обосновали обязательное следование судебному прецеденту. Тем не менее, из данного правила есть исключения: судья может не следовать прецеденту, если он убедительно докажет, что фактические обстоятельства рассматриваемого дела отличаются от обстоятельств дела, по которому был принят прецедент, а также в том случае, если прецедентное решение было принято по неосмотрительности.

Среди английских юристов нет единого мнения относительно структуры прецедента. Большинство ученых выделяют две части: *ratio decidendi* (правовая норма, обоснование вынесенного решения) и *obiter dictum* («попутно сказанное») [2, с. 244]. При этом в юридической литературе нет единого мнения о том, что представляет собой *ratio decidendi* и как ее выделить из судебного решения.

Так, в юридической литературе выражено мнение о том, что термин *ratio decidendi* используется в двух значениях [11, с. 588; 13, с. 155]:

- как правовая норма, предложенная судьей в качестве основы своего окончательного решения;
- как правовая норма, при наличии которой решение приобретает обязывающий характер.

Профессор Луэлмен предлагал выделять *ratio decidendi* «как правовую основу решения, отвечающую собственной версии суда, и *ratio decidendi* как истинную правовую основу, то есть такую, какой она будет выглядеть позднее в представлении другого суда» [3, с. 20].

Профессор Р. Кросс под *ratio decidendi* понимал «норму права, прямо или косвенно трактуемую судьей в качестве необходимого шага в достижении своего решения или как обязательную часть его указания присяжным» [4, с. 90].

Профессор А. Гудхарт определял *ratio decidendi* как «существенные факты дела плюс основанное на них решение» [9, с. 188].

С. Энг указывает: «Обязывающее правило ранее принятого решения иногда называется «*ratio decidendi*». В этом широком значении фраза относится к обязывающему правилу дела, является ли такое правило определено установленным, явно выраженным, неясно узнанным судьей по делу или позже сконструировано по более поздним делам судьями, юридическими советниками, теоретиками права или другими юристами. Необходимо отличать широкое значение от узкого значения, в соответствии с которым выражение относится только к правилу, определено установленному или явно выраженному судьей как имеющее решающее значение для его судебного решения» [10, с. 278-279].

Необходимо отметить, что указанные определения, несмотря на различия, отражают значение, которое придается *ratio decidendi* – это основная часть судебного решения, которая выражает правовую норму и которая придает судебному решению обязывающий характер. Это та часть судебного решения, которой обязаны следовать в дальнейшем все нижестоящие суды и суды одного уровня с тем судом, который принял прецедент.

Особенностью английской доктрины прецедента является процесс поиска *ratio decidendi*. Необходимо отметить, что в английской юридической литературе было создано и обоснованно несколько способов определения *ratio decidendi* дела, основными из которых являются метод Уэмбо и метод Гудхарта.

Суть метода Уэмбо заключается в инверсии: судья должен сформулировать правоположение, которое по его мнению могло бы быть *ratio decidendi* судебного решения. После этого такое правоположение необходимо заменить на утверждение, которое имеет обратное значение и понять, мог ли суд вынести такое же решение при противоположном значении выделенного правоположения. Если суд не мог прийти к такому же решению, то выделенное правоположение является *ratio decidendi*, если же суд мог прийти к такому же решению, то правоположение не является *ratio decidendi*.

Сущность метода Гудхарта заключается в оценке существенных фактов дела и вынесенного на их основе решения. Для того чтобы выявить *ratio decidendi* дела необходимо определить [9, с. 119]:

- факты дела, которые рассматриваются судьей как существенные;
- решение, основанное на таких фактах.

По мнению Гудхарта при анализе дела задача состоит не в том, чтобы выделить факты и вывод, а в том, чтобы выделить существенные факты, то есть те факты, которые судья рассматривает в качестве существенных, и основанное на них решение. «Судья создает право посредством своего выбора существенных фактов» [9, с. 119].

Гудхарт выделил шесть основных правил определения *ratio decidendi* [3, с. 22-24]:

Принцип прецедента не отыскивается в излагаемых судьей доводах. Довод, который судья выдвигает в обоснование своего решения, ни в коем случае не является обязательной частью прецедента. Доводы могут быть неправильными, но решение продолжает оставаться прецедентом.

Принцип прецедента не отыскивается в правовой норме, сформулированной в излагаемом судьей мнении, ибо норма права не может быть установлена отдельным мнением либо сформулирована слишком широко или слишком узко.

Принцип прецедента не обязательно отыскивается посредством рассмотрения всех установленных фактов и судебного решения. Нельзя прибегать к помощи высказанных судьями мнений для отыскания правоположения, играющего роль прецедента.

Принцип прецедента отыскивается путем принятия в расчет, во-первых, фактов, которые судья считает существенными, а во-вторых, основанного на них решения судьи. При обсуждении *ratio decidendi* прецедента необходимо представлять себе факты такими, какими их видел судья, ибо этими, а не какими-либо другими фактами он обосновал свое решение.

Судьи могут трактовать — прямо или косвенно — определенные факты как существенные или несущественные. В качестве несущественных могут выступать факты относительно лица, времени, места, рода, суммы. Но различные судебные отчеты, аргументы адвокатов, доводы, выдвинутые судьей в обоснование своего мнения, формулировка нормы права, которой судья следует в решении, имеют особую важность, так как они могут служить руководством при определении существенных фактов.

Вывод, базирующийся на гипотетическом (предполагаемом) факте, является *dictum*.

Основным достоинством метода Гудхарта является то, что, проследив взаимосвязь между правовой нормой и фактическими обстоятельствами дела, он, тем самым, определил источник формирования правовой нормы и установил границы *ratio decidendi*.

Необходимо отметить, что метод Гудхарта получил большое признание в юридической литературе и вызвал оживленные дискуссии относительно понятия *ratio decidendi*, между тем, он не был распространен в судебной практике [12].

Установление взаимосвязи *ratio decidendi* и существенных фактов судебного решения, предоставляет судьям больше свободы в проведении различий между прецедентным делом и рассматриваемым делом (практика *distinguishing*). Сущность метода *distinguishing* заключается в том, что судья вправе не применять прецедент, если он обнаружит различия в фактических обстоятельствах двух дел (прецедентного и текущего). На практике, «отображение схожих и разных черт между фактами предыдущего дела и текущего дела становится доминантным способом мышления» [10, с. 287].

Английская система прецедентов обладает иерархией, в частности, выделяются два вида прецедентов [8, с. 64]:

- обязывающие (создаваемые решениями высших судов, обязательные для всех нижестоящих судов, которые должны руководствоваться такими прецедентами при вынесении собственных решений);
- убедительные (они не могут служить прямым указанием всем нижестоящим судам, но по возможности они учитываются в интересах обеспечения единообразия правоприменительной практики в рамках всей системы права).

Таким образом, традиционно в правовой системе Великобритании прецедент рассматривается, «с одной стороны, как акт, в отношении которого ранее принятые высшими судебными инстанциями страны решения имели характер «правоположений» и

служили правовой основой для его формирования и функционирования, а с другой – как акт, оказывающий «связующее» воздействие на все последующие, соотносящиеся с ним решения» [6, с. 98].

Определенными особенностями обладает прецедент в американском праве. В частности, требования принципа прецедента ослаблены: Верховный Суд США никогда не был связан своими решениями. С другой стороны принцип прецедента получил более широкое применение – он распространен не только на правоположения, складывающиеся не только в процессе рассмотрения конкретных дел, а также в результате толкования положений Конституции и законов. Необходимо отметить, что в США была сформулирована «доктрина абсурдности», позволяющая отступить «даже от самого ясного статутного текста, если строгое следование ему и, соответственно, прямое применение может привести к абсурдному результату», то есть к принятию такого судебного решения, которое противоречит общепризнанным ценностям [6, с. 102].

Применение судебного прецедента в Канаде также довольно специфично, что обусловлено, прежде всего, федеративным устройством страны с сосуществованием различных правовых систем в отдельных регионах. В частности, в Квебеке действует романо-германская правовая семья, а не англо-саксонская. Особенности судебного прецедента проявляются в том, что:

- судебный прецедент выступает не только в форме решений высших судебных органов государства, но и в форме практических указаний, которые признаются и используются как «правила практики» всеми канадскими судами [6, с. 104];

- несвязанность Верховного суда Канады своими собственными решениями;

ограничение на судебное правотворчество. В Канаде формирование судебного прецедента возможно не во всех областях права. В частности, в соответствии с УК Канады, канадские суды не могут не только создавать судебный прецедент в сфере уголовного права, но и ссылаться на них, если это прямо не предусмотрено законом. Таким образом, широким применением судебный прецедент обладает только в сфере гражданского и административного производства, уголовно-правовой сфере он может быть применен только, если закон это прямо разрешает, если он молчит по данному вопросу, то канадские суды не вправе применять прецедент. Таким

образом, в уголовно-правовой сфере правило «все, что не запрещено законом - то разрешено» не действует.

В правовой системе Австралии судебный прецедент тоже является важным источником права, но при этом внимание акцентируется на том, что то, из чего складывается «обычное право», есть «не только и не столько решения по конкретному делу, сколько принципы, на основе которых эти решения выносятся» [5, с. 509]. В Англии эта часть судебных решений обычно входит в «попутно сказанное» и прецедентом не является.

Необходимо отметить, что существуют также различные оценки прецедента. Ряд авторов указывает на его недостатки, такие как:

- строгость («классический» судебный прецедент не допускает отклонений от следования ему);
- сложность и громоздкость (объем судебных прецедентов большой, прецедент не имеет срока действия, поэтому в Англии учитываются и очень старые прецеденты);
- изолированность *ratio decidendi* (его трудно установить, поэтому право не становится определенным).
- Другая группа ученых делает акцент на достоинствах прецедента. В частности, к ним относятся:
  - гибкость (прецедент можно приспособить к большому кругу ситуаций);
  - практичность (норма права формируется не абстрактно, а в конкретных жизненных ситуациях);
  - определенность (правило прецедента обеспечивает единообразие судебной практики).

Таким образом, прецедент представляет собой решение высшего компетентного суда, принятое большинством голосов по конкретному делу, которому придается свойство обязательности. Данное свойство распространяется не только на лиц, участвующих в деле, но и на всех нижестоящих судов, которые должны учитывать, использовать прецедентное решение для разрешения схожих ситуаций. Правило следования судебному прецеденту является основой доктрины прецедента, которая выражает его сущность и которая воспринимается странами романо-германской семьи.

Список литературы:

1. Богдановская И. Ю. Прецедентное право. М., 1993. 239 с.
2. Давид Р., Жоффре-Спинози К. основные правовые системы современности. М., 1998. 400 с.

3. Загайнова С. К. Судебный прецедент: проблемы правоприменения. М., 2002. 176 с.
4. Кросс Р. Прецедент в английском праве. М., 1985. 238 с
5. Марченко М. Н. Источники права. М., 2005. 760 с.
6. Марченко М. Н. Судебный прецедент: разнообразие понятий и многообразие форм проявления.//Журнал российского права. 2006. № 6. С. 96-108.
7. Романов А. К. Правовая система Англии. М., 2000. 344 с.
8. Хапов А. В. Источники английского общего права: судебные прецеденты.//Российская юстиция. 2006. № 3. С. 63-67.
9. Goodhart A. L. The ratio decidendi of a case//The modern law review. 1959. Vol. 22. P. 117-124.
10. Eng S. The doctrine of precedent in English and Norwegian law – some common and specific feature//Scandinavian Studies in Law. 2000. Vol. 39. P. 275-324.
11. Montrose J.L. The ratio decidendi of a case.//The modern law review. 1957. Vol. 20. P. 587-595.
12. Scofield R. G. Goodhart's concession: defending ratio decidendi from logical positivism and legal realism in the first half of the twentieth century. [электронный ресурс] – Режим доступа. - URL: www.legalargument.net/publications.html
13. Simpson A. W. B. The ratio decidendi of a case//The modern law review. 1958. Vol. 21. P. 155-160.

СЕКЦИЯ 2.

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ ПРИНЦИПА СВОБОДЫ СОВЕСТИ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Велижанин Алексей Владимирович

*ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»,
г. Саратов*

E-mail: velizhanin_aleks@mail.ru

Мумлева Мария Игоревна

*преподаватель кафедры Истории государства и права, ФГБОУ ВПО
«Саратовская государственная юридическая академия»*

г. Саратов

E-mail: Mumleva-Maria@yandex.ru

Для современной России характерно возрождение интереса к религиозным традициям, обусловленное как количественным ростом исламской общины, так и активизацией христианских церквей. Многие проблемы в отношениях постсоветской России с «исламским миром», с протестантизмом и католицизмом уходят корнями в далёкое прошлое. Без знания истории этих отношений осуществление взвешенной государственной национальной политики, необходимость выработки которой остро ощущается сегодня, невозможно.

Поэтому авторы ставят перед собой цель: изучить соблюдение принципов свободы совести в период Российской империи. В связи с чем авторы поставили следующие задачи:

- рассмотреть место церковного права в системе права Российской империи;
- выявить особенности и причины вероисповедной политики Российского государства;
- выявить основные черты принципа свободы совести, характерные для периода Российской империи;
- проследить эволюцию принципа совести;

- рассмотреть положение представителей различных конфессий в XVIII – XX вв.

Основы российского вероисповедного законодательства были заложены в XVIII – первой половине XIX вв. Это был период мощного территориального роста Российского государства, превращения его в государство многонациональное. В основном конфессиональный состав Российской империи был представлен православными, католиками, протестантами, старообрядцами, мусульманами, иудеями и язычниками.

Рассматривая взаимодействие государственного и церковного права, авторы отмечают, что в XVIII в. в России окончательно утвердилось крайне тесное взаимодействие государства и Церкви. Государственные и церковные функции тесно сплелись. Российская Православная Церковь обладала судебными, административно-распорядительными и отчасти законодательными функциями.

Развитие науки церковного права в конце XVIII – начале XX вв. выявило внутренние противоречия в соотношении государственного и церковного права. Развитие общественного сознания вышло на новую ступень: пришло понимание человека как личности. Таким образом, созрели предпосылки для реализации необходимого компонента модернистских взаимоотношений – принципа свободы совести [4, с. 36].

Под термином «свобода совести» понимается «право каждого обладающего достаточно созревшим самосознанием беспрепятственно и без всякого для него правового ущерба признавать или заявлять свою веру или даже отсутствие таковой» [15, с. 3-4].

Принципы свободы совести включают в себя:

- право каждого подданного империи выбирать вероисповедание согласно внутренним убеждениям;
- недопустимость государственного принуждения кого-либо к совершению или участию в религиозных обрядах или несению повинностей в пользу какой-либо религии;
- право членов общины без ограничений отправлять богослужения по обрядам своего культа в частных домах, религиозных общинах с правом публичного богослужения;
- недопустимость ограничения гражданских и политических прав по признаку принадлежности к какой-либо религии;
- право совершения гражданских действий без обязанности совершения при этом религиозных обрядов [15, с. 4]

Авторы замечают, что в законопроектах Российской империи имелись принципы, не соотносящиеся с полной свободой совести. Это

и отрицание атеизма, и вмешательство государства во внутренние дела религиозных общин, и регламентация и контроль вероисповедного положения подданных, и неравенство религиозных объединений при наличии приоритета Православной церкви.

Вероисповедная политика строилась на идее, что религия – основа народности. Указанный принцип был закреплён в Своде законов Российской империи [14, Т. XI.]. Законами были ограничены в правах евреи, поляки-католики. На уровне подзаконных актов существовали ограничения по отношению к татарам-мусульманам. Ограничения по признаку конфессии носили преимущественно национальный характер.

Приветствовалась проповедь и пропаганда православия, поскольку это идентифицировалось с обрусением. Проповедь же других вер не разрешалась: проповедь католичества связывалась с полонизацией, проповедь протестантизма – с онемечиванием, пропаганда талмудизма – с иудизацией. Указанные конфессии были лишены на территории империи возможности распространения вовне, представляя собой практически закрытые системы, жёстко вписанные в систему государственного управления [13, с. 20].

Попытки поколебать национально-конфессиональный принцип жестоко пресекались. Яркий тому пример – суровое отношение российского законодательства к расколу православной церкви (старообрядчеству), которое объяснялось интересами проводимой национальной политики. В расколе усматривалась попытка разрушить единство православия и русской народности.

Правовой статус проживавших на территории Российской империи религиозных конфессий был неодинаковым. Российское законодательство выстраивало чёткую систему иерархии религий и религиозных организаций. Первенствующей господствующей религией считалось православие. Остальные вероисповедания подразделялись на «терпимые», т. е. признанные законом, и «нетерпимые», причастность к которым была уголовно наказуемой. Внеконфессиональное состояние государством не признавалось.

Терпимые исповедания пользовались определённой свободой и признанием со стороны государства, однако эта свобода была далеко не полной. К группе терпимых причислялись следующие вероисповедания:

Инославные (иные христианские исповедания, кроме православного): римско- и армяно-католические, армяно-григорианское, евангелическо-лютеранское и евангелическо-реформаторское;

Иноверные (нехристианские религии): мусульманство, иудаизм, буддизм, языческие верования;

Некоторые секты, признанные законом: мемониты, баптисты и др.

«Нетерпимыми» считались различные учения, принадлежность к которым соединялась с посягательством на жизнь и здоровье (скопцы, молоканы, духоборы, субботники и др.) [13, с. 21].

Духовное сословие являлось вторым в империи после дворянства привилегированным сословием, которое освобождалось от военной службы, уплаты подушной подати, телесных наказаний. Российское законодательство относило к духовному сословию только служителей РПЦ. Священнослужители остальных исповеданий не составляли особых в государстве сословий. Объём их личных, имущественных и иных прав существенно различался в зависимости от конфессии, а также от принадлежности к различным толкам одного и того же исповедания.

Потребности модернизации России способствовали укреплению на уровне законодательства принципа веротерпимости. На протяжении истории его границы постоянно менялись то в сторону расширения, то в сторону сужения. Это зависело от социально-экономических причин, конкретной внутренней или внешнеполитической ситуации, а также личной точки зрения самодержцев на вопросы религиозной терпимости.

Возведение веротерпимости в ранг государственной политики началось в эпоху Петра I. В Указе от 16 апреля 1702 г. преобразователь обещал «совести человеческой не приневолить» и «предоставлять каждому христианину на его ответственность пещись о блаженстве души своей» [18, с. 7-8]. Однако религиозная свобода предоставлялась лишь европейцам, в услугах которых Пётр был заинтересован для реализации намеченных реформ.

При ближайших приемниках Петра I произошло резкое изменение всей религиозной политики и сужение рамок веротерпимости. Указом Верховного Совета от 26 апреля 1727 г. был реализован план депортации из России Евреев. Указом Петра II в 1728 г. группе финских лютеранских пасторов была запрещена миссионерская деятельность среди населения. С 1740 года в России началось массовое крещение мусульман, при этом было разрушено большинство мечетей в Поволжье [5, с. 131].

Подтверждением важности такого фактора, влияющего на религиозную политику государства, как личного отношения монарха к вопросам веротерпимости, служит отказ императрицы Елизаветы

Петровны в аннулировании указа 1727 г. о депортации евреев [11, Т. VII. Ст. 5063].

В 1742 г. армяно-григориане в России были лишены права строительства церквей, построенные церкви «упразднены» во всех городах России [12, с. 226].

Определяющее влияние на характер религиозной политики личных вероисповедных взглядов монархов-самодержцев проявилось и во второй половине XVIII в. Екатерина II, выработавшая принцип «полной терпимости» в вероисповедной политике сформулировала его в «Наказе, данном комиссиям о сочинении проекта нового Уложения»: «В столь великом государстве, распространяющем своё владение над столь многими народами, весьма вредный для спокойствия и безопасности граждан был порок – запрещение или недозволение их различных вер. Только благоразумная веротерпимость, признанная Православной верою и политикой, может привести сих заблудших овец к истинному стаду верных. Гонение человеческие умы раздражает, а дозволение верить по своему закону умягчает и самые зачерствелые сердца и отводит их от заматерелого упорства, утешая споры их, противные тишине государства и соединения граждан» [12, с. 247]. В 1782-1783 гг. старообрядцы были освобождены от уплаты «двойного оклада», а в 1785 г. им было разрешено избираться на общественные должности, хотя строить церкви им по-прежнему запрещалось [16, с. 211].

Дальнейшие успехи политика веротерпимости сделала в годы правления Александра I. В присоединённом Царстве Польском и Великом княжестве Финляндском император предоставил широкие права католицизму и лютеранству. «Положением об устройстве евреев», принятом в 1804 г., официально признавалось иудейское вероисповедание [6, с. 56-57].

Однако, начиная с правления Николая I, вновь наметились консервативные тенденции в вероисповедной политике. При министерстве внутренних дел создавались специальные комиссии, которые должны были вырабатывать меры борьбы с отпадением православия. Издавались указы, ущемляющие права духовенства других конфессий. Вновь ужесточилась политика в отношении старообрядцев, которые были снова лишены права занимать общественные должности, получать ордена и медали, записываться в купеческие гильдии.

Не изменилась вероисповедная политика и в правление Александра II, взявшего курс на православизацию и русификацию малочисленных нерусских народов. После 1864 г. в губерниях Северо-

Западного и Юго-Западного края поляки-католики были ограничены в правах. В целях обрусения края им запрещалось покупать и арендовать земли в девяти западных губерниях, они не могли назначаться на большую часть должностей на государственной службе. Католические монастыри в крае были почти полностью ликвидированы [3, с. 19]. Политика насаждения православия проводилась и по отношению к народам Волжско-Камского региона. Однако стоит заметить, что пусть и несущественно, но было облегчено положение старообрядцев, которым теперь предоставлялось право выезжать за границу [17, с. 218].

В годы правления Александра III государственно-церковные отношения достигли наибольшей остроты. Конфессиональную политику определял обер-прокурор К.П. Победоносцев, возглавлявший Синод с 1880 по 1905 гг. Под его влиянием в вероисповедной политике правительства наметился крен в сторону усиления репрессивных мер по отношению к иноверцам. Была организована компания по борьбе со штундизмом, усиливалось административно-полицейское давление на лютеран в Прибалтике и на католиков в Холмском крае [13, с. 22].

Однако совершенно иные тенденции приняла вероисповедная политика Николая II в начале XX века. Нарастание революционных настроений заставило самодержца 17 октября 1905 г. подписать Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», в п. 1 которого содержалось обещание «даровать наследию незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов» [2, с. 90]. Манифест 17 октября 1905 г. определял, что пользование свободой веры должно найти конкретизацию в законах, которые будут изданы в его развитие. Однако характер Манифеста не подразумевал под собой никаких реальных гарантий прав подданных в религиозной области, и правительство видело эту половинчатость и неполноту законодательного регулирования вопросов свободы совести.

К открытию Государственной Думы правительство должно было подготовить пакет законопроектов, в том числе и о свободе совести. Разработка этих законов, развивающих начало веротерпимости и свободы совести, была поручена Министерству внутренних дел. Для достижения целей реформ были предприняты попытки одновременного правового равенства всех религиозных конфессий, за исключением Православной церкви. Её права и привилегированное положение оставались незыблемыми. Отмена всех ограничений для

конфессий, существующих в империи, никак не отражалась на положении официальной религии, также не допускалось наличие атеистического положения подданных.

Ни создание согласительных комиссий, ни бесчисленные уступки не привели к достижению компромисса. Власть не желала принимать за основу религиозного реформирования предоставление подданным полной свободы совести. Под всеми реформами консерваторы пытались провести существовавшую и ранее веротерпимость, ставя заранее в неравное положение религиозные конфессии России, тем самым делая бессмысленным реформирование религиозных вопросов [1, с. 70–71].

Правовая неопределённость религиозных вопросов не была устранена, в дальнейшем ознаменовав собой полный отказ государства от реформ свободы совести [7, с. 163–174].

Таким образом, анализируя последствия системы союза церкви и государства на основании результатов её применения в России, можно сделать вывод, что свобода совести – единственный выход из царства лжи и смерти, в который попадает господствующая Церковь. По мнению авторов, главные силы христианской веры – свобода вероисповедания и свобода деяния сохранялись лишь до тех пор, пока христианская церковь и христианская вера не были возведены в ранг господствующей государственной религии.

Свобода совести несовместима с господствующим принципом государственной церковности. К.П. Победоносцев настаивал на том, что в духовной жизни народа «есть такие глубины, до которых государственная власть не может и не должна касаться» [10, с. 2], аналогичную точку зрения высказывал К. Аксаков, утверждавший, что народ имеет «неотъемлемое право духовной свободы, другими словами, свободы мысли и слова» [8, с. 174]. С. Мельгунов же высказывался о том, что «пока будет господствовать у нас фальсифицированная теория органической связи религии и политики, пока будет существовать подчинение церкви государственным видам, до тех пор не будет места в России для свободы совести» [9, с. 87]. Поэтому авторы склоняются к мнению, что идеальное решение в данной ситуации – признание равноправия всех церквей без исключения и уничтожение государственной национальной привилегированной церкви, отмена государственной поддержки исключительно лишь господствующему вероисповеданию и обязательного преподавания догматов какого-либо религиозного культа на общественный счёт. Вмешательство государственной власти должно выражаться лишь в форме охраны религиозной свободы от

различных правонарушений, а свобода совести должна гарантировать верующим неприкосновенность религиозной свободы.

Список литературы:

1. Бредников И. Наши новые законы и законопроекты о свободе совести. М., 1914.
2. Государственная Дума в России: сборник документов и материалов. Сост. Ф. И. Калинычев, М., 1957.
3. Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начала XX вв.). СПб., 1998.
4. Иванченко С.В. Русская Православная церковь как элемент государственного механизма Российской империи // История государства и права. М.: Юрист, 2010, № 13.
5. Каппелер А. Две традиции в отношении России к мусульманским народам Российской империи // Отечественная история. М., 2003, № 2.
6. Кондаков Ю.Е. Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801-1825). СПб., 1998.
7. Кудрина Т.А., Пинкевич В.К. Вероисповедальческие реформы в России в начале XX века. М., 2003.
8. Левандовская А.А. Время Грановского: У истоков формирования русской интеллигенции. М.: 1990.
9. Мельгунов С. Церковь и государство в России (к вопросу о свободе совести): сб. ст. Вып. 1. М., 1907.
10. Победоносцев К.П. Московский сборник. М., 1896.
11. Полное собрание законов Российской империи 1830 г. // URL: <http://www.pszri.ru>
12. Попов А.В. Суд и наказания за преступления против веры и нравственности по русскому праву. Казань, 1904.
13. Сафонов А.А. Генезис вероисповедной политики Российского государства, XVIII – начало XX вв. // История государства и права. М.: Юрист, 2007, № 2.
14. Свод законов Российской империи // URL: <http://www.civil.consult.ru>
15. Справка о свободе совести, составленная Департаментом духовных дел иностранных исповеданий МВД // Издание типографии МВД. СПб., 1906.
16. Стецкевич М.С. Свобода совести: Учеб. Пособие. СПб., 2006.
17. Фёдоров В.А. Русская православная церковь и государство. Синодальный период 1700-1917 гг. М., 2003.
18. Цветаев Д. Положение иноверия в России. Историческое обозрение. Варшава, 1904.

ИСТОРИКО–ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА СТРАХОВАНИЯ В РОССИИ (советский период)

Макиров Иван Валерьевич

*специалист-эксперт юридического отдела
Отделения Пенсионного фонда Российской Федерации
по Белгородской области, г. Белгород
E-mail: bb55n@yandex.ru*

Советский период страхования является очень своеобразным этапом в истории страхования в России. Страхование стало абсолютной монополией государства.

Государственную страховую монополию вводила Екатерина II своим манифестом от 28 июня 1786 года во второй половине XIX в. начинается включение государств в страховую деятельность, огосударствление и монополизация страхования (Италия, Уругвай), а также законодательное регулирование страховой деятельности. В самом начале XX в. в экономически развитых странах (Англия, Германия, Швейцария, Италия) вводится государственное страхование работающих, а уже в 1920-х гг. — обязательное страхование от безработицы [110, с. 54].

Организация страхового дела после октябрьской революции 1917 года строилась на основе трех законодательных актов — декретах Советской власти. Первым был Декрет СНК РСФСР от 23 марта 1918 года «Об учреждении государственного контроля над всеми видами страхования, кроме социального» [2]. Вторым Декрет СНК РСФСР от 17 апреля 1918 года «Об организации государственных мер борьбы с огнем» [4]. Третьим и важнейшим был декрет от 28 ноября 1918 года «Об организации страхового дела в Российской Республике» [5], согласно которому страхование во всех видах и формах объявлялось государственной монополией и достоянием Республики.

Анализ Декрета СНК РСФСР от 23 марта 1918 года позволяет отметить следующее [3]. Во-первых, это организация специального государственного органа – Совет по делам страхования. Во-вторых, данный государственный орган имел широкий круг полномочий, а, главное, - полный государственный контроль в силу норм, содержащихся в Декрете от 23 марта 1918 года. В-третьих, пункт III указывал, что все страховые общества и учреждения, а также частные конторы и лица, производящие операции по страхованию и

перестрахованию, обязаны подчиняться всем постановлениям Совета и Комиссариата по делам страхования и представлять им свои отчеты, а равно статистические и прочие сведения на основании установленных правил. В целом прослеживался комплексный подход, что выражалось в направлении страховой политики, разработке тарификации страховых премий, анализа спроса на страховые продукты, анализа деятельности зарубежных страховщиков и т. д. При этом следует отметить подпункт 3, в котором говорится об устранении вредной для народного хозяйства конкуренции страховых и учреждений.

Конкуренция является основным механизмом экономики, ведущим к появлению новых продуктов, новым технологиям, к новым методам организации работы, к лидерству в отрасли и в конечном результате - к экономическому росту. Как это ни странно, конкуренция признается вредной. Для того, чтобы подпункт 3 заработал на полную силу власти, нужен был новый законодательный акт.

Этим следующим законодательным актом, сильно повлиявшим на страхование как отрасль в целом, стал Декрет СНК РСФСР от 28 ноября 1918 года «Об организации страхового дела в Российской Республике» [6], который вводил полную государственную монополию на страховую деятельность: 1) страхование во всех его видах и формах, как-то: страхование от огня, страхование транспортов, жизни, от несчастных случаев, градобития, падежа скота, неурожая и т. п., объявляется государственной монополией.

Теперь национализированное имущество становится государственной собственностью или социалистической собственностью. Декрет от 28 ноября 1918 года отменяет имущественное страхование, пункт 6 указывает на то, что все Советские имущества и предприятия не подлежат страхованию. На данном этапе страхование имущества прекратило своё существование. В истории страхования России сформировался новый «подход» к сохранению имущества.

Утверждение следующего Декрета СНК РСФСР от 18 ноября 1919 года «Об аннулировании договоров по страхованию жизни». Отменялось также страхование капиталов и доходов [26, с. 22].

По своей сути, этими декретами была определена вся страховая политика на весь период советской власти, которая в дальнейшем немного видоизменялась, в зависимости от складывающейся политической и экономической ситуации в стране.

В общем, страховая политика оставалась неизменна – устранение вредной конкуренции, запрет на страхование советского имущества и предприятий, отмена страхования капиталов и вкладов, и это почти

всегда обязательность, а не взаимный интерес страховщика и страхователя.

С отменой имущественного страхования, принимается новый Декрет СНК РСФСР от 18 декабря 1920 года «Об организации государственной хозяйственной помощи пострадавшим от стихийных бедствий» [7]. Так, статья 4 указывала на то, что хозяйственная помощь пострадавшим оказывается бесплатно натурой, а именно: содействием в возведении взамен уничтоженных бедствием жилых и хозяйственных строений и сооружений, и в устройстве всякого рода иных технических оборудований, в снабжении хозяйств необходимым живым и мертвым инвентарем (сельскохозяйственным, ремесленным, кустарным и иным профессиональным), семенным и продовольственным хлебом, кормовыми средствами и т.п. Кроме того, помощь может оказываться в форме безвозмездного производства государством для надобности пострадавших хозяйств строительных и других работ, в форме предоставления рабочей силы, преподавания необходимых технических указаний и др. В исключительных случаях помощь может быть оказана в денежной форме.

Данное решение Совета народных комиссаров о возмещении ущерба пострадавшим в натуре и в исключительных случаях в денежной форме, нельзя считать экономически обоснованной и дальновидной политикой. Такой экономически серьезный шаг могло взять на себя только государство с мощной экономической системой, но не ослабленное войнами и разрухой. Данный шаг покажет, впоследствии государственной власти Российской Республики о её несостоятельности выдержать такие финансовые затраты с возмещением в натуре причиненного ущерба разного рода имуществу, что, несомненно, дало толчок к возврату и восстановлению системы страхования.

Советом народных комиссаров был принят Декрет СНК РСФСР от 06 октября 1921 года «О государственном имущественном страховании», который положил фактическое начало дальнейшему развитию государственного имущественного страхования в нашей стране. В составе народного комиссариата финансов было организовано Главное управление государственного страхования (Госстрах), на которое было возложено осуществление государственного страхования не только в РСФСР, но и в других республиках [8].

Декрет от 06 октября 1921 года предусматривал «на первое время» введение государственного добровольного имущественного страхования, а впоследствии - переход к обязательному

имущественному страхованию, на что указывает формулировка пунктов Декрета от 06 октября 1921 года: п. 2. На первое время вводится государственное добровольное имущественное страхование, заключаемое на основании особых правил по соглашению страхователей с органами Государственного Страхового Управления; п. 3. По мере организации добровольного страхования и укрепления технического аппарата страхования вводится государственное обязательное страхование, распространяемое на всех частных владельцев соответствующих имуществ.

За кооперативами было оставлено право на организацию страхования собственного имущества. Важную роль в экономике сыграл Декрет ВЦИК от 22 мая 1922 года «Об основах частных имущественных правах, признанных РСФСР, охраняемых её законами и защищаемых судами РСФСР» [9], по сути, после национализации Декрет от 22 мая 1922 года снова возобновляет деятельность частного капитала в России. Важным психологическим моментом содержащемся в Декрете от 22 мая 1922 года является часть А пункт 2 в котором говорится, что: «Устанавливаемое по договорам с местными органами власти, коим вверено распоряжение земель, право застройки земельных участков в городских и сельских местностях на установленный особым законом срок, но не свыше 49 лет, с предоставлением на тот же срок указанных в предыдущем пункте прав на строения». То есть гарантировалась неприкосновенность вложенного капитала на длительное время, что расширило поле деятельности страхования.

Новая экономическая политика и Декрет от 22 мая 1922 года дали толчок к экономическому развитию всех отраслей производства, в том числе финансовой. За 1923-1924 гг. количество кредитных организаций выросло с 304 до 5002 [15].

С началом работы частных предприятий, банков, концессий встал вопрос о возобновлении работы частных страховых компаний, но государство не хотело отдавать доход от страхования в частные руки. Монопольное положение Госстраха было зафиксировано в Положении о Народном Комиссариате финансов СССР (12 ноября 1923 года) [19] и в Постановлении СНК СССР (11 ноября 1924 года) [20]. Окончательное утверждение монополии Госстраха завершились 18 сентября 1925 года принятием «Положения о государственном страховании Союза Советских Социалистических Республик» [18], хотя взаимное кооперативное страхование пока сохранялось.

Необходимо отметить, что в советский период проводилось постоянное реформирование существующей на тот момент системы страхования с момента учреждения и до момента преобразования в акционерное общество Госстрах СССР.

Реконструкция экономики в направлении централизации и планирования привела к существенным преобразованиям кредитной системы. Постановление ЦИК и СНК СССР от 15 июня 1927 года «О принципах построения кредитной системы» [21] частные кредитные организации закрывались в связи с выявившимися в их деятельности «спекулятивными тенденциями».

Принятием первого пятилетнего плана в 1928 г. можно считать окончанием эпохи новой экономической политики в советской России. Экономика от планово-рыночной полностью переходила на плановость. Отсюда, и страхование в стране в дальнейшем строилось с этим учётом, а также и вся законодательная база. Всё неплановое, частное постепенно прикрывалось.

В начале 1931 г. была резко ограничена сфера страхования государственного имущества, сохранилось лишь страхование имущества предприятий и организаций местного подчинения, но на явно абсурдных условиях — без взимания страховых платежей. Было ликвидировано взаимное кооперативное страхование, добровольное (сверхокладное) страхование крестьянского имущества, а позднее - запрещено заключение договоров долгосрочного страхования жизни [27, с. 76]. Страхование стало полностью монополией государства. Страховые взносы были включены в налог с оборота [1, с. 46]. В мае 1932 г. частным лицам запрещено открывать магазины и лавки [14, с. 132].

Система органов государственного страхования была ликвидирована, все операции по внутреннему имущественному страхованию переданы финансовым органам, а по личному страхованию - сберегательным кассам, однако, с 1 марта 1934 года страхование было изъято из их ведения и было передано опять в органы Госстраха СССР.

В начале 1933 года государственной власти стало очевидно, что упадок страхового дела наносит большой ущерб народному хозяйству. Было принято Постановление ЦК ВКП(б) от 8 марта 1933 года «Об извращениях в работе по страхованию в деревне». После этого произошла резкая переоценка отношения властей к страхованию. Были восстановлены система страховых органов, институт страховых агентов, ревизоров [10, с. 41].

Государство после новой экономической политики практически снова всё имущество вернуло в свою собственность и также

монополию на все виды деятельности. Можно отметить Постановление Совмина РСФСР от 30 декабря 1967 года № 960 «О государственном обязательном страховании имущества колхозов» [22] в пункте 4 указывалось, что средства отчислений от платежей по государственному обязательному страхованию имущества колхозов, обязательному окладному страхованию и всем видам добровольного страхования имущества включаются в доходную часть Государственного бюджета РСФСР и расходуются на финансирование мероприятий по предупреждению гибели и повреждения сельскохозяйственных культур и животных, зданий, сооружений и другого имущества, подлежащего страхованию. Пожалуй, особенностью данного постановления будет являться то, что отчисляемые страховые платежи расходуются на предупреждение наступления страхового случая, а точнее на устранения вероятности наступления такового. Как в этом, так и последующих постановлениях указывается на то, что страховые платежи идут в доход государства.

Система перестрахования в СССР отсутствовала, исключение — Ингосстрах СССР, который с самого начала своей деятельности вынужден был перестраховывать свои риски в зарубежных страховых компаниях.

1988 год можно назвать переломным годом в истории страхования советской России, в связи с тем, что закончилась монополия Госстраха, но, как потом оказалось, - не только Госстраха, но и всей советской власти.

Принятый Верховным Советом Закон СССР от 26 мая 1988 года № 8998-ХІ «О кооперации в СССР» [13] положил начало демонополизации страхового дела в нашей стране. Этим Законом предусматривалось, что кооперативы могут страховать свое имущество и другие имущественные интересы в органах государственного страхования, а также создавать кооперативные страховые учреждения, определять условия, порядок и виды страхования.

Также Законом от 26 мая 1988 года было разрешено создавать хозрасчетные отраслевые или территориальные кооперативные банки. То есть создавался частный сектор экономики. Однако, ограниченные возможности взаимного страхования быстро стали перерастать в акционерное страхование, что было юридически оформлено Постановлением Совмина СССР от 19 июня 1990 года № 590 «Об утверждении Положения об акционерных обществах и обществах с ограниченной ответственностью и Положения о ценных бумагах» [23] и Постановлением Совета Министров СССР от 16 августа 1990

года № 835 «О мерах по демонополизации народного хозяйства» [24], которые разрешили функционировать на страховом рынке конкурирующим между собой государственным, акционерным, взаимным и кооперативным обществам.

С принятием, в мае 1990 года Министерством финансов СССР от 28 мая 1990 года № 66 «Правил добровольного страхования ответственности заёмщиков за непогашение кредитов», в России широкую популярность в начале 90-х гг. получили договоры страхования банковских кредитов, предусматривавшие обязательства страховщика возместить банкам застрахованный кредит и проценты за пользование им практически во всех случаях, когда такие выплаты не производили заемщики. Однако, условия, по которым проводилось такое страхование, оказались крайне неэффективными как для страховщиков, так и для банков. К середине 90-х гг. договоры страхования по таким условиям практически перестали заключаться. Перспективным является страхование кредитов на условиях, апробированных мировым опытом [28].

После долгой государственной монополии практически на всё, государством в законодательном порядке признавалась частная собственность, которая в масштабе государственной экономики большого значения еще не имела, но стала набирать вес и влияние.

Если судить об уровне развития страхования в СССР за период советской власти и посмотреть на последний в хорошем экономическом отношении 1990 год, и оценить работу страхования, то получается такая картина.

Валовой общественный продукт - показатель советской статистики, аналогичный валовой продукции, валовая продукция, исчисленная в масштабе страны. Представляет измеренную в текущих ценах суммарную стоимость продукции, товаров, услуг (включая промежуточный продукт и незавершенное производство), произведенных в стране в течение года. Синоним - совокупный общественный продукт [25]. В СССР Валовой общественный продукт составил: 1631,6 млрд. руб. на конец года [16, с. 743]. Сборы страховых премий по государственному страхованию составили: 20 млрд. руб. на конец года [17, с. 743]. Доля страховых платежей в валовом общественном продукте составила в процентном содержании 1,2 %. В целом, это говорит о слабом развитии страхования. Ежегодно страховые организации в промышленно развитых странах аккумулируют в виде страховых платежей примерно 7—8 % национального Валового внутреннего продукта [12, с. 84].

Таким образом, впервые в истории страхования, государству удалось ввести полную монополию на страховую деятельность. Работа рынка спроса и предложения на услуги страхования было заменено государственным управлением страхового дела.

Нормативно правовые акты о монополизации государством страхования были и при императрице Екатерине II, но собственность была частная. В советское время произошла национализация всей собственности государством, это повлекло за собой изменение имущественных отношений, что, конечно, в свою очередь сказалось и на страховой деятельности в государстве.

Страхование в своём классическом виде, как это принято в условиях рыночной экономике, основанной на взаимном интересе, в общепринятых понятиях и назначении, в советской плановой экономике и управлением всеми экономическими процессами государства и общегосударственной собственностью, значительно отошло от своего классического содержания.

Во всём советском страховании, в принятой для его деятельности законодательной базе, прослеживается определённая тенденция, в которой очертаны основные направления заключающие в себе главный смысл того, что всё негосударственное должно быть застраховано, а государственному и так поможем. Возмещение потерь государственной социалистической собственности происходило за счет общегосударственных резервов, образуемых в государственном бюджете. В этом есть своя логика, свой здравый смысл. Все производство в стране было государственным, и юридические лица также были государственными. Для того чтобы застраховать имущество предприятия или завода, государство должно было выделить денежные средства из собственного бюджета, и полученные сборы вернуть обратно, так как все взимаемые страховые взносы попадали в бюджет, в доход государству, т.е. страхователь и страховщик совпадают в одном лице. Такие действия не имели смысла. Владельцу в лице государства это не дало бы никакой прибыли, а вот содержать административный штат для ведения этих операций, безусловно, составило бы никому не нужные затраты. С другой стороны, всё, что не находится в руках государства, находясь в кооперативной, колхозной, личной собственности или в аренде, по закону должно быть застраховано и часто в обязательном порядке.

В законодательном порядке было закреплено, что страховые взносы от личного и имущественного страхования граждан кооперативов, колхозов, поступали в госбюджет и поступали из их собственных средств. В этом был положительный момент, так как

определенное количество денег изымалось из оборота, способствуя понижению инфляции, и к тому же полученные средства дополнительно финансировали экономику, способствовали её развитию.

Играть большую роль в экономике государства, страхование как один из рычагов экономики, конечно, не могло, так как основные богатства, имущество, которое имело огромную стоимость, находилось в руках государства и по закону оно не страховалось. Получалось, что большой в денежном выражении сегмент экономики получал в чрезвычайных ситуациях поддержку государства по другим принципам и в общепринятом рыночном страховом обороте не участвовал. Отсюда и получался маленький процент страховых платежей в составе валового общественного продукта по сравнению со странами с рыночной экономикой, то есть, в страховом обороте полноценно участвовала одна из частей экономики.

Таким образом, сравнивать простое цифровое выражение страхования в Валовом общественном продукте советской России с Валовым внутренним продуктом стран с развитой рыночной экономикой для оценки развития страхования в России будет ошибочным и неправильным для последующего понимания, так как это разные правовые системы, а значит, и разное экономическое устройство.

По своей сути страхование в социалистическом обществе, не получило широкого развития с точки зрения классического страхования в силу общественно-политического и экономического строя, и установленных имущественных взаимоотношений.

Список литературы:

1. Гомеля В.Б. Страхование: учеб. пособие / - 2-е изд. Перераб. И под. М.: Маркет ДС, 2006. – 488 с.;
2. Декрет СНК РСФСР от 23 марта 1918 года «Об учреждении государственного контроля над всеми видами страхования, кроме социального» // «Собрание узаконений РСФСР», 1918, № 30, ст. 397.;
3. Декрет СНК РСФСР от 23 марта 1918 года «Об учреждении государственного контроля над всеми видами страхования, кроме социального» // «Собрание узаконений РСФСР», 1918, № 30, ст. 397.;
4. Декрет СНК РСФСР от 17 апреля 1918 года «Об организации государственных мер борьбы с огнем» // «Собрание узаконений РСФСР», 1918, № 32, ст. 428.;
5. Декрет СНК РСФСР от 28 ноября 1918 года «Об организации страхового дела в Российской Республике» // «Собрание узаконений РСФСР», 1918, № 86, ст. 904.;

6. Декрет СНК РСФСР от 28 ноября 1918 года «Об организации страхового дела в Российской Республике» // «Собрание узаконений РСФСР», 1918, № 86, ст. 904.;
7. Декрет СНК РСФСР от 18 декабря 1920 года «Об организации государственной хозяйственной помощи пострадавшим от стихийных бедствий» // «Известия ВЦИК», № 296, 31.12.1920.;
8. Декрет СНК РСФСР от 06 октября 1921 года «О государственном имущественном страховании» // «Известия ВЦИК», № 234, 19.10.1921.;
9. Декрет ВЦИК от 22 мая 1922 года «Об основах частных имущественных правах, признанных РСФСР, охраняемых её законами и защищаемых судами РСФСР» // «Известия ВЦИК», № 134, 18.06.1922.;
10. Денисова И.П. Страхование. – М.: ИКЦ «МарТ»; Ростов и/Д: Издательский центр «МарТ», 2003. – 288 с.;
11. Ермасов С.В. Страхование: учебник /. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Издательство Юрайт; 2010. -703 с.;
12. Ермасов С.В. Страхование: учебник /. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Издательство Юрайт; 2010. -703 с.;
13. Закон СССР от 26 мая 1988 года № 8998-ХІ «О кооперации в СССР» // «Свод законов СССР», т. 5, с. 6-34-10.;
14. Исаев И.А. История государства и права России: Учебник. – 2-е изд., перераб. И доп. – М.: Юрист, 2003. – 768 с.;
15. Народное хозяйство СССР за 1923-24 год (IV Статистико-экономический ежегодник) Москва, Экономическая жизнь, 1924 г. URL: http://lost-empire.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=7686&Itemid=9 (дата обращения: 24.03.2011);
16. Народное хозяйство СССР в 1990 г. Статистический ежегодник, – М. «Финансы и Статистика», 1991 г., - 766 с.;
17. Народное хозяйство СССР в 1990 г. Статистический ежегодник, – М. «Финансы и Статистика», 1991 г., - 766 с.;
18. «Положение о государственном страховании Союза Советских Социалистических Республик» (утв. ЦИК СССР, СНК СССР 18.09.1925) // «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», № 247, 28.10.1925.;
19. Постановление ЦИК СССР от 12 ноября 1923 года «Положение о Народном Комиссариате Финансов СССР» // «Вестник ЦИК, СНК и СТО СССР», 1923, № 10, ст. 309.;
20. Постановление СНК СССР от 11 ноября 1924 года «О государственном страховании в сельских местностях» // «Собрание законодательства СССР», 1924, № 26, ст. 225.;
21. Постановление ЦИК и СНК СССР от 15 июня 1927 года «О принципах построения кредитной системы» // «Собрание законодательства СССР», 1933, № 42, ст. 250.;

22. Постановление Совета Министров РСФСР от 30 декабря 1967 № 960 «О государственном обязательном страховании имущества колхозов» Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»;
23. Постановлением Совета Министров СССР от 19 июня 1990 года № 590 «Об утверждении Положения об акционерных обществах и обществах с ограниченной ответственностью и Положения о ценных бумагах» // «Сборник постановлений СССР», 1990, № 15, ст. 82.;
24. Постановлением Совета Министров СССР от 16 августа 1990 года № 835 «О мерах по демонополизации народного хозяйства» // «Сборник постановлений СССР», 1990, № 24, ст. 114.;
25. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. «Современный экономический словарь» (ИНФРА-М, 2006). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»;
26. Смирнова М.Б. Страховое право: Учебное пособие. М.: Юстицинформ, 2007. 320 с.;
27. Шахов В.В. Страхование: Учебник для вузов. – М. ЮНИТИ, 2004. – 311 с.;
28. URL:<http://www.rusconsult.ru/glossary/> (дата обращения: 23.03.2011);

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ ТУВИНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Монгуш Александр Кошкар-оолович

*аспирант, Кафедра гражданского, уголовного права и процесса
Тувинского государственного университета, г. Тува
E-mail: kherelmaa69-5@mail.ru*

История таможенного дела тесно связана с возникновением государств, их границ и появлением внутренних и внешних рынков.

13 августа 1921 года в местечке Суг-Бажы на Всетувинском учредительном хурале провозглашено создание республики Танну-Тува Улус [3], в состав которой входили кожууны: Оюннар, Салчак, Тоджа, Даа, Бээзи, сумоны Маады и Чооду, Шалык-Сартульский. Решением хурала были намечены границы нового государства [8], которое граничило с двумя государствами – Советской Россией и Внешней Монголией. Ориентиром границы служили культовые сооружения на перевалах через горы - «оваа» [16].

Вскоре руководствуясь параграфом 6 Конституции республики Танну-Тува Улус [2] правительство молодой республики начало узаконивать таможенные налоги. Заседание Правительства от 19 февраля 1922 года отметило, что Республика Танну-Тува приобрела полную свободу и независимость, проводит политику единения всех дум и чаяний народа, приобрела полноправие. Поэтому, прежде всего, необходимо обратить внимание на укрепление пограничных караулов, таможен, служащих для сношения с внешним и внутренним мирами, взять в свои руки их функционирование. До этого времени финансовая работа проводилась не в пользу страны, поэтому налоги, которые передавались за пределы, должны быть строго запрещены [17].

На заседании принято Постановление Правительства Танну-Тува Улус, в котором указывалось:

Пункт 1. В Министерстве внутренних дел создать финансовый отдел со штатом: начальник отдела, делопроизводитель, 2 писаря, милиционер караула границы и его секретарь; для охраны государственной границы - 10 милиционеров караулов с секретарями. Установить заработную плату начальника отдела в 25 лан (1 лан = 37.3 грамма чистого серебра, 1 лан = 10 ценей) [19], милиционера караула – 15 лан, секретаря милиционера караула – 10 лан. Этот отдел берет на себя всю функцию проведения финансовой работы;

Пункт 10. На территории Республики Тунну-Тува все расходы и торговые дела осуществлять только деньгами, а взвешивание производить только через русскую меру веса – пуд.

Пункт 11. Взыскивать с товаров, вещей и скота, поступающих из зарубежных стран для продажи таможенный налог в размере 5 ланов с каждых выручаемых 100 ланов. Прежде чем взыскивать налоги с торговцев, надо расспросить их об их ввозимом товаре, точно установить количество, составить их подробный список. Если у этих людей окажется больше товаров чем до проверки, то остатки конфисковать и дать им знать, что товары не будут продаваться по завышенным ценам, чем установленных.

С товаров, вывозимых за пределы республики, взыскивать таможенные налоги с каждых 100 лан.

Был разработан первый подзаконный акт о сборе таможенных пошлин - Инструкция, согласно которой цены на товары установлены в размере: сто шкур ягнят примерно будет стоить 6 ланов; стоимость ста шкур коз и баранов будет стоить 50 ланов; пуд бараньей шерсти будет стоить 4 лана, верблюжья шерсть весом в пуд будет стоить 6 ланов; одна большая шкура коровы будет стоить 4 ланов; шкуры лошади -3 лана; шкура большого зверя (лося) будет стоить 4 лана; стоимость одной шкуры марала – 8 ланов; пуд коровьего, бараньего мяса будет стоить 1 лан, 5 ценов; пуд соли – 5 ценов; пуд топленого масла – 5 ланов, топленого сала – 3 лана; стоимость упитанного быка - 35 ланов; большая корова – 18 ланов, теленок – 5 ланов; баран 3 лана; лошадь - 15 ланов; верблюд – 75 ланов; золото весом в один цен в переводе на денежные цены (единица денежная, а не слово цена, стоимость) – 5 ценов; серебро будет равно денежным ланам; маральи рога (панты) весом в один бум будет стоить 10 ланов; четыре белок – 1 лан; лиса – 5 ланов; шкура волка – 3 ланов, шкура рыси – 10 ланов; шкура выдры – 10 ланов; шкура соболя – 10 ланов; шкура горноста – 5 ланов; шкура колонка – 5 ценов; четыре сушеных рога самки изюбря – 1 лан; хороший мускус – 5 ланов; пять шкурок куницы – 2 лана 5 ценов; шкура тарбагана – 2 лана; сорок шкур зайца – 1 лан.

С вышеизложенных товаров взыскивается таможенный налог в размере 2,5 % стоимости товара.

Пункт 13. Устанавливаются следующие пограничные караулы на территории республики: на реке Терebes Салчакского хошуна – 1, в Саган-Тологое – 1, в Самагалтае – 1 караул, на Овюр Унгештее – 1, на реке Хурегечи – 1, на реке Торгалыг – 1, на реке Хандагайты – 1 караул.

Торговые люди не имеют никакого права переходить границу через другие караулы, чем через указанные выше. Об этом условии сообщения заинтересованным иностранным государствам высланы соответствующие извещения [18].

Первоочередными задачами экономического развития Республики Танну-Тува Улус являлись создание финансово-кредитной системы и организация торговли [6]. В конце 1922 года образовано Министерство финансов [5]. В ее структуру входило таможенное управление [13]. Согласно Положения о Министерстве финансов, задачами и предметами ведения являются осуществление финансовой политики республики Танну-Тува Улус и укрепление финансового положения страны, составление проектов законов о налогах, сборах, таможенных тарифах и других финансовых и налоговых вопросах, наблюдение за их выполнением и руководство ими, руководство таможенными учреждениями, направление их деятельности, разбор конфликтов по таможенным операциям и разрешение дел, связанных с контрабандой [12].

Постановлениями Правительства республики Танну-Тува Улус в 1922 году были созданы таможенные посты в Чадане [21], на местностях Шивилиг-Карасуг и Тарлаг для проверки всех документов, товаров ввозимых, и вывозимых иностранными торговцами [20].

I Великий Хурал Народной Республики Танну-Тува в сентябре 1923 года утвердил первый бюджет республики на 1923-1924 годы. Главными источниками доходов служили налоги, взимаемые с населения, а также различные виды арендной платы и таможенные сборы от внешней торговли [4]. В Хурале принято решение, что Таможенные правила по взиманию таможенных пошлин уподобить правилам таможни Советской России [9].

Постановлением Правительства Народной Республики Танну-Тува от 23 ноября 1923 года №34 были созданы отделы по сбору таможенной пошлины для торгующих: на севере Танну-Ола - в Хем-Бельчир (ныне Кызыл), Кемчиутском (Хемчикском) районе - на Чжедане (Чадане), на юге Танну-Ола - в Самоголтае (Самагалтае), для торгующих в восточной части – в Тере-Норе (Тере-Холе) [22].

Основными таможенными постами, через которых ввозили и вывозили товары были: на севере страны - Шивилиг-Карасукский, со штатом из 6 человек, из них 3 солдата, 3 сотрудника поста (начальник поста Демжил, инструктор Медведев Ф.С., сотрудник Толума), а на юге страны - Шуурмакский, со штатом 5 человек, из них 3 солдата, 2 сотрудника (начальник таможенного поста Тондол, инструктор Антипин В.Н.) [15].

1924 годом датируется первый Таможенный устав Танну-Тувинской Народной Республики [23], основанный на таможенных правилах Советской России.

В 1925 году был принят Таможенный устав Танну-Тувинской Народной Республики, который упорядочил таможенное законодательство государства, отменив все ранее издававшиеся законы и инструкции [10].

В 1927 году Правительством Тувинской Народной Республики были утверждены Положение об обложении акцизным сбором табака и табачных изделий, спичек и игральные карты, ввозимых в Республику из заграницы, Временное правило о транзитной перевозке всевозможных товаров, сырья, скота и пушнины через территорию Тувинской Народной Республики [11] и Таможенный тариф по привозной и вывозной торговле [24].

В начальный период становления тувинской государственности в республике в обращении были советские рубли и бумажные червонцы, китайские ланы, монгольские тугрики. Встречались также царские деньги, американские доллары, польские злотых [7], которые использовались для уплаты таможенных пошлин.

1 января 1936 года по решению правительства Тувинской Народной Республики впервые была пущена в оборот тувинская денежная единица – акша. По курсу акша равнялась одному рублю 35 копейкам [1].

В соответствии с решением 11-го съезда Тувинской народно-революционной партии таможенные и прочие доходы в доходной части бюджета ТНР, в сравнении 1939 годом в 1941 году увеличилось на + 40,8 %, в денежном выражении - с 2525,3 акша по 3554,9 акша [14].

Список литературы:

1. Аранчын Ю.Л. Исторический путь тувинского народа к социализму. – Новосибирск, 1982. – с. 184.
2. Дубровский В.А. Конституции Тувы. – Кызыл, 1999, - с. 25.
3. Дубровский В.А. Конституции Тувы. – Кызыл, 1999, - с.24-93. За период существования название республики менялось: 1921 – август 1923 – Республика Танну-Тува Улус (народ Урянхая); август 1923 – сентябрь 1924 – Народная Республика Танну-Тува; октябрь 1924 – октябрь 1930 – Танну-Тувинская Народная Республика, Тувинская Народная Республика; ноябрь 1930 – май 1936 – Тувинская Аратская Республика; июнь 1936 – октябрь 1944 – Тувинская Народная Республика.
4. История Тувы. – т.2 – Новосибирск, - 2007, - с. 175 - 176.

5. История Тувы.- т.2. – Новосибирск, 2007. - с. 133.
6. История Тувы.- т.2. – Новосибирск, 2007. - с. 175.
7. Копеев В.А. Деньги и денежное обращение в период ТНР // По пути Великого Октября. К 60-летию Народной революции в Туве. Сборник. – Кызыл, 1981, - с. 81-89.
8. Минаев А.В. Государственная граница в приграничном субъекте Российской Федерации: история и современность исследования опыта Республики Тыва (1921 – 2009 г.г.) / Красноярск, - 2009, - с. 15 – 16.
9. ЦГА РТ, ф.144, оп.1, д.1, л.л. 1- 4.
10. ЦГА РТ, ф. 92, оп.1, д.19, л.л. 5 – 6.
11. ЦГА РТ, ф.102, оп.1, д.30 л.л. 5 и 7.
12. ЦГА РТ, ф.102, оп.1, д.50, л.л. 153-155.
13. ЦГА РТ, ф.112, оп.1, д.3, л.л. 6-10.
14. ЦГА РТ, ф.113, оп.1, д.67, л. 113.
15. ЦГА РТ, ф.113, оп.1, д.7, л. 12.
16. ЦГА РТ, ф.115, оп.1, д.83, л.л. 24-25.
17. ЦГА РТ, ф.144, оп.1, д.2, л.л. 6 – 11.
18. ЦГА РТ, ф.144, оп.1, д.7, л.л. 1-10.
19. ЦГА РТ, ф.144, оп.2, д.10, л. 4.
20. ЦГА РТ, ф.144, оп.2, д.7, л.л. 49 – 53.
21. ЦГА РТ, ф.144, оп.2, д.7, л.14.
22. ЦГА РТ, ф.92, оп.1, д.11, л. 3.
23. ЦГА РТ, ф.92, оп.1, д.11, л.л. 11 – 12.
24. ЦГА РТ, ф.92, оп.1, д.51, л. 4.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ДОЗНАВАТЕЛЕМ И СЛЕДОВАТЕЛЕМ

Рыбина Надежда Сергеевна

*адъюнкт кафедры уголовного процесса
Московского Университета МВД России
E-mail: moon19@bk.ru*

История отечественного законодательства уходит своими корнями в XI век и связана с появлением первого свода древнерусского права – Русской правды (1020 г.). Уголовный процесс периода Русской правды (XI-XIII века) был в основном обвинительным (состязательным) и не разделялся с гражданским процессом. Стороны в процессе именовались «истцами». Ни одна из сторон не имела процессуальных преимуществ. Каждый иск считался обвинением. Предварительного расследования до суда не производилось. Процесс вели сами стороны, они собирали и представляли доказательства, на основании которых решалось дело [3, 9].

Из истории периода XI-XIII веков усматривается, что у государства отсутствовали органы предварительного расследования, в связи с чем в то время не могло идти и речи об уголовно-процессуальных правоотношениях.

Именно в XI-XIII веках началось формирование органов, осуществляющих уголовное преследование и нормативно-правовой базы для их деятельности.

Создание централизованного Московского государства в XIV-XVI веках сопровождается усилением государственной власти с опорой на единое общерусское законодательство и аппарат управления, обеспечивающий исполнение законов. Это не могло не повлиять на возникновение процесса розыскного (инквизиционного) типа, так называемого «сыска». Розыском называлась, также и особая форма судопроизводства, следственный процесс [3, 9].

Из текста действовавших в то время судебных 1497 и 1550 годов усматривается, что розыск и суд осуществлялся одними и теми же органами и должностными лицами. Розыск по тяжким уголовным преступлениям – «разбойным и татиным делам», совершенным на территории Москвы, производился на Земском дворе. В провинциальных городах и уездах следствие по уголовным делам

находилось в руках губных старост, которые выбирались из местных дворян и детей боярских и утверждались Разбойным приказом. В помощь губным старостам выбирались целовальники. В администрацию «губной избы» входили также «дьячки» - писцы. Во второй половине XVI в. с введением воеводского управления роль организаторов борьбы с тяжкими преступлениями на вверенной территории исполняли воеводы [5, 8].

Розыск мог начинаться по инициативе государственных органов и без заявления потерпевшего. Он состоял из «съезда» (опроса) представителей всех сословий. Названных «лихи людей» доставляли к губному старосте для дальнейшего расследования («довода»); простого расспроса, допроса под пыткой и очных ставок. Затем выносился приговор [3, 9].

Из анализа истории XIV-XVI веков можно сделать вывод, о необходимости качественного расследования преступлений.

Правоохранительные органы только начинали свое существование и не могли эффективно выполнять свои обязанности. Законодатель делал все возможное для наиболее полного и тщательного регулирования общественных отношений тех ситуаций, которые наиболее часто возникали в обществе. На четкую правовую регламентацию правоотношений, которые могли возникнуть между органами, осуществляющими правосудие, пока не хватало времени. Можно еще принять во внимание тот факт, что розыск, суд и исполнение приговора, все эти действия производились одним лицом, четкой системы органов, которые осуществляют уголовное преследование, пока нет.

Дознание, как форма установления обстоятельств совершенного преступления, своему происхождению обязано розыскному производству по уголовным делам (сыску). Конечно, это не дознание в его современном юридическом смысле и такого термина в официальном употреблении тогда ещё не было. О дознании на этом этапе говорить пока рано, но можно констатировать, что дознание, как первоначальный этап реагирования на совершенное преступление, которое позднее будет именоваться «полицейским дознанием», уже имеет первые свои зачатки [3, с. 10].

Период правления Петра I ознаменовался реформированием всего российского судоустройства и судопроизводства, а также правоохранительной системы государства. Было издано свыше 3 тысяч законов, уставов, регламентов, учреждений и указов. Впоследствии впервые в истории российского законодательства принимаются первые кодификационные акты: «Краткое изображение процесса или

судебных тяжб» (март 1715 г.) и «Артикул воинский» (1715 г.) [4, с. 794].

Процессуальное право было отделено от материального права, установлена система судебных органов и регламентирована их подсудность. Однако судебные функции продолжали выполнять административные органы, а органы предварительного расследования не разделялись с судебными органами. Таким образом, сохранялось ставшее уже традиционным в русской жизни полное смешение административных и судебных функций. Не только обыватель, но и просвещенные люди, включая образованных юристов того периода, не могли найти никаких различий между административными и судебными органами и методами их деятельности.

Именно в это время создаются специализированные, с относительно определенным кругом задач и компетенцией государственные органы по борьбе с преступностью, а также вводится термин «полиция», со временем заменивший соответствующее ему русское слово «благочиние» [6, 3].

В 1781 году завершается разработка полицейского устава, который 8 апреля 1782 года под названием «Устав благочиния или полицейский» после подписания императрицей был направлен в сенат. На основании этого устава в городах были образованы так называемые управы полиции (благочиния), в компетенцию которых входило следствие по уголовным делам, а так же разрешение дел о кражах на сумму не свыше 20 руб. помимо этого на управы полиции (благочиния) возлагалось «открытие преступлений и проступков, предупреждение оных, взятие под стражу преступников, исследование на месте, обнаружение и утверждение доказательств преступлений или проступков» [7, с. 528].

Свод законов Российской империи 1832, 1842, 1857 годов заменил собой Соборное Уложение 1649 года, так и последующее законодательство. По своду законов производство уголовных дел делилось на три части: досудебное производство (предварительное расследование), производство в суде и исполнение приговора. Досудебное производство по аналогии с немецким уголовным процессом распадалось на предварительное и формальное [3, 12].

Впоследствии эти формы трансформировались в дознание и предварительное следствие, но до 1864 года, когда был принят Устав уголовного судопроизводства, ещё не было четкого их разграничения, так как не только следствие предварительное, но и формальное, а также исполнение приговора находились в руках полиции, которой же принадлежал и суд по маловажным делам [2, с. 43, с. 52].

Таким образом, полиция в тот период осуществляла предварительное расследование, но частично реализовывала судебную деятельность и пользовалась полномочиями судебной власти, ее права по производству предварительного расследования приводили к тому, что оно именовалось то полицейским дознанием, то полицейским следствием или же предварительным разысканием и фактически функционировало как особый вид производства.

Вместе с тем само понятие дознание тогда ещё не было сформулировано ни в законе, ни на практике. Этим во многом и объясняются те причины, по которым оно смешивалось со следствием. Происходила путаница также в правах и обязанностях полиции при его производстве, нарушалась законность, утрачивалось доверие общества к властям.

8 июня 1860 года Александр II утвердил своим указом 3 законопроекта: Учреждение судебных следователей», «Наказ судебным следователям» и «Наказ полиции о производстве дознания», которые стали законами. Полиция была освобождена от осуществления следственных функций. С этого момента деятельность общей полиции по выяснению информации о факте преступления или проступка, а также лицах их совершивших впервые «де-юре» была названа дознанием.

Все это позволяет сделать вывод о том, что хотя институт дознания, ранее фактически был уже известен отечественному уголовному судопроизводству, но до 1860 года обозначающий его термин не был официально введен в нормативный оборот.

Дознание по Наказу полиции представляло собой административную деятельность, поэтому в его содержание тогда включался несколько иной, чем сейчас смысл. Оно не носило ярко выраженного процессуального характера, а заключалось в сборе сведений, необходимых для удостоверения в том, что событие действительно было и что оно содержит признаки преступления или проступка. Полиция приступала к дознанию, как по непосредственному усмотрению, так и по всякому дошедшему до нее сведению от разных лиц и учреждений. Выполнять следственные действия не разрешалось, но когда имелись опасения, что доказательства преступления могли быть уничтожены по причинам несвоевременного их сбора, полиции позволялось производить экспертизы, обыски, выемки, очные ставки, допрашивать свидетелей с соблюдением всех уголовно-процессуальных форм [3, с. 15].

Царским указом учреждался институт судебных следователей, а дознание и следствие были переданы в различные ведомства, круг

полномочий которых не имел четкого разграничения. Оно было сделано чуть позже.

С принятием Устава уголовного судопроизводства [8, 120-251] российский уголовный процесс пошел по иному пути развития, отдавшего предпочтение французскому способу организации досудебной деятельности с преобладанием следственно-розыскных начал, что определило в дальнейшем сферу деятельности советского и постсоветского уголовного процесса до самого конца XX века.

Разграничивая дознание от предварительного следствия, Устав уголовного судопроизводства видел в этом весьма важные улучшения: «первое, что полиция, дабы не сообщать следователю неверных сведений, по необходимости должна будет, сперва, сама удостовериться в справедливости того, о чем доносит, а через то число неосновательных сведений значительно уменьшиться; второе, что судебный следователь, не участвуя в первоначальных розысканиях их и посему не увлекаемый первыми, иногда ошибочными заключениями и догадками о предполагаемом виновном, может беспристрастно, без всяких предубеждений, судить о вероятности возводимого на кого-либо подозрения» [9, с. 112-113].

История развития отечественного уголовного процесса свидетельствует о том, что правовая природа дознания рассматривалась в теории и на практике весьма неоднозначно. В привычном для нас современно понимании дознания – это вид уголовно-процессуальной деятельности. Однако в тот период дознание осуществлялось не по процессуальным правилам и носило административный характер. Объяснение этому кроется в том, что оно зародилось именно как административная деятельность полиции на первоначальном этапе досудебного производства [3, с. 18].

Так, в соответствии с положениями Устава уголовного судопроизводства: «Законные требования судебного следователя исполнялись как полицией, так и присутственными местами, должностными и частными лицами без замедления. Судебный следователь мог поручать полиции производство дознаний и собрание справок по сделанным им указаниям» (ст. 270, 271 Устава уголовного судопроизводства) [8, с. 170].

В соответствии со ст. 279 Устава уголовного судопроизводства: «По производству дознания о преступных деяниях полицейские чины состояли в непосредственной зависимости от прокуроров и их товарищей» [8, с. 171].

Градовский А.Д. отмечал, что «сверх производства дознаний, полиция обязывается исполнять отдельные требования судебной

власти: а) по вручению повесток лицам, призываемым к следствию (ст. 377 Устава уголовного судопроизводства); б) по приводу обвиняемого к следствию, в случаях, указанных в законе (ст. 389 Устава уголовного судопроизводства); в) по производству обысков и выемок в домах (ст. 365 Устава уголовного судопроизводства); г) по установлению над обвиняемым полицейского надзора, как одного из способов пресечения обвиняемым возможности уклониться от следствия (п. 2 ст. 416 Устава уголовного судопроизводства), а также для его содержания под домашним арестом, и друг [1, с. 348] (п. 5 ст. 416 Устава уголовного судопроизводства)».

Положения Устава уголовного судопроизводства свидетельствуют о том, что хоть дознание в 19 веке и носило административный характер, но оно уже активно участвовало в уголовном судопроизводстве. Правоотношения, возникающие ранее, до принятия Устава уголовного судопроизводства, между дознавателем и следователем, прокурором, судом возникали, но четкой их регламентации не было.

Таким образом, с зарождением права и первых правоохранительных органов начинали появляться и первые уголовно-процессуальные отношения. Из анализа истории усматривается, что дознание носило административный характер, хотя активно участвовало в уголовном судопроизводстве. Из-за отсутствия четкой регламентации прав и обязанностей органов дознания и следствия, долгое время эти органы путали между собой. Лишь принятый в 1864 г. Устав уголовного судопроизводства разграничил дознание от предварительного следствия, урегулировав и уголовно-процессуальные правоотношения между ними.

Список литературы:

1. Градовский А.Д. Начала русского государственного права. Т.1 – СПб.1883. - С. 348.
2. Липовский В.А. Опыт исторических изысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России.-М.: 2001.-С. 43, 52.
3. Мичурина О.В. Дознание: теоретические основы и процессуальные особенности производства в органах внутренних дел: Монография – М.:2007.-С. 15.
4. Новицкая Т.Е., Преображенский. А.А. Законодательство Петра I. – М.,1997.- С. 794.
5. 5.Оролбаев М.П. Неотложные следственные действия: сравнительное исследование по законодательству Кыргызской Республики и Российской Федерации Дис. ... канд. юрид. Наук – М., 2010. – С. 8.

6. Полиция и милиция России (очерки истории). - М., 1993.-С. 3.
7. Российское законодательство X-XX вв.: В 9т. – М.,1987.- Т.5.С. 528.
8. Российское законодательство X-XXв.в. Т. 8.-М., 1991.-С. 120-251.
9. Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственной канцелярией. – СПб., 1867. - С. 112-113.

ПРАВО НАСЛЕДОВАНИЯ ВДОВЫ В РОССИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Удодов Александр Григорьевич

к. ю. н., доцент МОФ МосУ МВД России, г. Москва

E-mail: jantagan@rambler.ru

Законодательные нормы, касающиеся права наследования вдовы уходят корнями в глубокую древность. Первое упоминание о данном праве содержится в одном из ранних юридических памятников - Договоре 911 г. Олега с Византией (ст.4) [8, 7]. В «Русской Правде» женское имущественное владение именуемое «частью», включало в себя приданное - собственность жены, которым она могла распоряжаться по своему усмотрению. Тот факт, что «часть» сохранялась за женщиной после смерти супруга и в случае повторного замужества свидетельствует о том, что в отношении данного имущества женщина обладала правом не только распоряжения, но и владения [8, с. 117]. Особый интерес для специалистов представляет ст.106 «Русской Правды», которая свидетельствует о том, что женщина не просто имела наследственные права, но и могла самостоятельно определять, кому из детей будет завещано наследство. Между тем, изучение законодательных источников периода средневековья ясно свидетельствует - в случае смерти супруга вдова могла наследовать лишь «часть», не претендуя на «задницу» - совокупность движимого и недвижимого имущества семьи. Даже беглый историко-правовой анализ свидетельствует о том, что нормы, регулирующие право наследования вдовы, расходились с общими положениями, предусматривающими ограничение женщин в праве наследования. По «Своду законов Российской империи», супруги наследовали друг после друга на равных основаниях, в размере 1/7 недвижимого и движимого имущества. Право вдовы получить свою наследственную долю в собственность свидетельствует о

прогрессивности российского законодательства [7, с. 623]. Между тем, на практике применение ст. 1148 представлялось следующим образом - если муж при жизни не обеспечивал жену каким-либо договором, то после его смерти бездетная вдова теряла большую часть своего состояния, полученного от родителей. Данное обстоятельство, по мнению одного из составителей проекта «Гражданского уложения» И.Е. Ильяхенко, порождало фиктивные договоры и обязательства, ставившие целью обойти положения вышеуказанной статьи, с тем, чтобы оставить нажитое жене, пусть даже бездетной, а не дальним родственникам. Вдова получала часть не только из наличного имущества мужа, но также и из того имущества, которое следовало бы ее мужу, если бы при открытии наследства после своего отца он был бы жив. Согласно смыслу ст. 1151 вдова имела право получить эту часть из недвижимого имущества свекра при его жизни, а из доли движимого имущества после его смерти [6, с. 85-86]. Наличие данной статьи в «Своде законов» вызвало острые дискуссии среди юристов-специалистов в сфере гражданского права. «Несообразной и противоречивой» эту статью считали К.П. Змирлов и К.П. Победоносцев [5, с. 112-115; 9, с. 275-279]. Данная позиция базировалась на утверждении, что права вдовы согласно смыслу ст. 1151 представляются более широкими, нежели права сына - согласно законодательству сын не имел права требовать своей наследственной доли из имущества отца при жизни последнего. Кроме того, положения данной статьи нарушали общее правило российского законодательства, предоставляющего собственнику право неограниченно распоряжаться его благоприобретенным имуществом. Обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев отмечал: «невозможно собственнику понять закон, в силу коего вдова умершего сына может ограничить свободное право его распоряжения в благоприобретенном имении со дня смерти сына, и предъявить свое участие в выгодах производимых отчуждений, воспретить даже самые отчуждения до полного расчета с нею, - тогда как подобное право мужа той вдовы, родного сына владельца имения, при жизни отца было бы нелепо, сочтено было бы явным беззаконием и даже оскорблением родительской власти» [9, с. 276]. Следует отметить, что само по себе право вдовы требовать указанной части из имения живого свекра противоречило основным началом наследственного права, по которому наследовать можно было только в имуществе, оставшемся после умершего. Примечательно, что по смыслу ст. 1152 «если бездетная жена умрет, не просив при жизни своей о выделе ее указанной части, то наследники ее не имеют права требовать сей части...

вступлением же в новый брак и попущением 10-летней давности, не лишается как сама жена, так и ее наследники, сей части, если только просьба о выделе оной подана при ее жизни» [7, с. 71].

Ещё более сложной была судебная практика. Некоторые суды признавали подачу просьбы со стороны жены о выделе ей указной части единственным условием, при котором был возможен переход прав на эту часть к ее наследникам, ряд судей считал, что в российском законодательстве отсутствует четко прописанная форма подачи ходатайства о вступлении в наследство, а потому, отсутствие такового не лишает самого права [10, с. 157].

Поскольку в законе не определялось, из какого имущества свекра выделяется эта указная часть, данный вопрос решался различно. Так Московский окружной суд, руководствуясь толкованием закона, признал право вдовы-невестки на получение части и из благоприобретенного имущества ее свекра. Московская судебная палата не согласилась с данным решением окружного суда. По их мнению, согласно смыслу ст. 1226 выдел указной части вдове совершался наследниками мужа. В случае отсутствия у умершего прямых наследников, назначалась опека, которая и выделяла указную часть вдове [10, с. 160].

Однако имущественные дела не только затрагивали вышеобозначенные вопросы. В истории можно встретить ряд примеров, когда женщины-дворянки доверяли мужьям право владения именьями, доставшимися им по наследству. Так, в середине XIX в. дворянка Бежецкого уезда Тверской губернии Елизавета Апыхтина составила следующую доверенность на имя супруга: «Доставшееся мне по наследству от родителя моего, штаб-ротмистра Николая Ивановича Бешенцова... недвижимое имение... доверяю Вам принять по порядку вместо меня во владение» [2, 3]. Можно встретить и противоположные факты. Так, в завещании тверского дворянина Семёна Евстигнеевича Жеребцова, составленном в начале XIX в. было написано: «Супруге ж моей Марье Ивановне, урождённой Курочкиной, по смерти моей, через присутственное место возвратите полученные мною за неё по рядной в приданное деньги пять тысяч рублей.» [4, 6].

По мнению автора, вопросы наследования имущества волновали общество всегда. С появлением такого института, как мировой суд, люди все чаще стали обращаться в него с подобными проблемами. Например, дело: «Об охране оставленного имущества умершей мещанки Аксиньи Дешевой» было рассмотрено в короткий срок. При расследовании оказалось, что дом и место на улице Семинарской

числились за умершей Аксиньей Дешевой и принадлежали ей в качестве наследства за умершим супругом. После смерти все это имущество переходило родственнице Анне Осиповой, но кроме нее есть еще и малолетняя дочь умершей Аксиньи Дешевой Екатерина. В видах, согласно закону о хранении интересов малолетней девочки, необходимо пересмотреть имущество умершей и определить правильность его распределения. Мировой судья 2-го участка г. Твери постановил: «произвести охрану имущества мещанки Дешевой до следующего пересмотра» [1, 3-5].

Делом «По просьбе кашинских мещанок Сусанны Васильевны Ушаковой и Елизаветы Васильевны Шляпниковой, о вызове наследников к недвижимому имению, оставшемуся после смерти кашинской мещанки В.С. Кожевниковой» занимался мировой судья 1-го участка Кашинского уезда. Мещанки просили, чтобы судья проверил, не претендуют ли другие наследники на долю наследства. В этом расследовании судье помог подворный советник Н.Г. Сафиков, он заявил, что на сегодняшний день наследственных прав на имение Кожевниковой предъявлено не было, кроме вышеозначенных просительниц. После этого мировой судья постановил: «согласно вышеизложенного составить свидетельство, которое внесет С.В. Ушакову и Е.В. Шляпникову в метрические выписки» [3, 1-7].

Мировые судьи тщательно проверяли наличие наследников на имущество, если таковые не находились, то тот, кто предъявлял права на имущество, тот на законном основании заносился в метрики и становился полноправным наследником.

В XIX в. право вдовы на указную часть не погашалось давностью и вступлением в новый брак и уничтожалось лишь в том случае, если вдова при своей жизни не просила о выделе своей части тогда оно, как личное право, не переходило к ее наследникам или кредиторам. Имущество, полученное на указную часть одним из супругов по смерти другого, считалось благоприобретенным имуществом, хотя бы оно было выделено из родового имущества умершего супруга.

Список литературы:

1. Государственный архив тверской области (ГАТО). Ф. 747. Оп.1. Д. 48.
2. ГАТО. Ф. 1403. Д. 5.
3. ГАТО. Ф.1.185. Оп.1. Д. 5.
4. ГАТО. Ф. 1401. Д. 24.
5. Змирлов К.О. недостатках наших гражданских законов. // Журнал гражданского уголовного права. - 1884. - Кн. 6.

6. Ильяшенко И.Е. О праве наследования супругов с точки зрения будущего гражданского уложения. // Вестник права. - 1902. - № 4-5.
7. Кавелин К.Д. Взгляд на историческое развитие русского порядка законного наследования и сравнение теперешнего русского законодательства об этом предмете с римским, французским и прусским. // Собрание сочинений. СПб., 1900. Т. 4.
8. Памятники русского права. М., 1967. В. 1.
9. Победоносцев К.П. Куре гражданского права. // Сочинения. Ч. 2: Права семейные, наследственные и завещательные. СПб., 1871.
10. Товстолес Н.Н. Указанная часть супруга в имуществе свёкра (тестя) // Журнал министерства юстиции. - 1914. - № 5.

ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ В 1941-1945 Г. XX В

Якушина Евгения Сергеевна

*преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
Московского областного филиала МосУ МВД России
E-mail: evgeniya.rybina@mail.ru*

Перемещение значительных масс населения на начальном этапе войны, боевые действия, бомбардировка вражеской авиацией городов и поселков породили проблему сирот и детей, потерявших родителей, что могло повлечь за собой рост детской преступности. В связи с этим, СНК СССР 23 января 1942 г. принял специальное Постановление «Об устройстве детей, оставшихся без родителей». Постановление возложило на республики, автономные области, исполкомы краевых, областных, городских и районных Советов депутатов трудящихся обеспечить устройство таких детей, не допуская безнадзорности среди детей. С этой целью при исполкомах создавались комиссии по устройству детей, оставшихся без родителей. НКВД СССР обязывался обеспечить выявление всех безнадзорных в возрасте до 15 лет включительно и размещение в приемниках-распределителях, сеть которых следовало увеличить. Срок пребывания в них не должен был превышать двух недель. Дети, невостребованные родителями, в возрасте до 3-х лет через местные органы здравоохранения подлежали

немедленному направлению в детские учреждения и на патронирование, до 14 лет в соответствующие детские учреждения, а старше 14 лет по разверстке Наркомпросов республик подлежали трудоустройству на предприятиях или в сельском хозяйстве.

Постановление СНК СССР разрешало Главному управлению трудовых резервов производить набор детей из детских домов и оставшихся без родителей от 14 лет и старше для обучения в школах ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищах, так как народное хозяйство страны испытывало острую проблему в квалифицированных кадрах. В качестве вынужденной меры, для замещения ушедших на фронт мужчин, воспитанники детских домов старше 14 лет, если они не поступили в школы ФЗО, ремесленные и железнодорожные училища, направлялись на работу в промышленность или сельское хозяйство [6, 4].

Выполняя Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР НКВД СССР, Наркомюст СССР и Прокуратура СССР в течение недели подготовили совместную инструкцию за № 326/52/45 «О порядке направления и сроке содержания несовершеннолетних в трудовых воспитательных колониях НКВД СССР» от 21 июня 1943 г. [2, 2-3 Об].

В соответствии с Постановлением правительства от 15 июня 1943 г. № 659 «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством», в трудовые воспитательные колонии подлежали направлению несовершеннолетние в возрасте от 11 до 16 лет [5, 124-125]. В качестве основной задачи трудовых воспитательных колоний, в отличие от трудовых колоний, определялись: политическое и трудовое воспитание, производственное и школьное обучение несовершеннолетних, воспитание у них коммунистического мировоззрения, советского патриотизма и подготовка к самостоятельной трудовой жизни. На органы НКВД СССР инструкция возлагала обязанность задерживать и доставлять беспризорников, определять возможность направления к родителям или опекуну, в детский дом, ремесленные училища, школу ФЗО или на трудоустройство.

На каждого беспризорного, подлежавшего направлению в трудовую воспитательную колонию, начальник приемника-распределителя обязывался составить заключение на основе имеющихся о несовершеннолетнем материалов (справка о приводах в милицию, побегов из детских домов или с места жительства, сведения о родных, протокол задержания, определение судебных органов и т.д.) Заключение направлялось на утверждение начальника УКНВД или

Наркома внутренних дел автономной республики. В случае наличия родителей или опекуна у беспризорного несовершеннолетнего, направить в трудовую воспитательную колонию могли только с их согласия. При невозможности их вызвать или нецелесообразности передачи родителям, несовершеннолетний направлялся в колонию.

Даже в суровых условиях войны детская беспризорность и безнадзорность, преступность вызывали серьезную озабоченность у руководства страны. Со всей очевидностью об этом свидетельствует тот факт, что под Постановлением СНК СССР № 659 от 15 июня 1943 г. «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством» [4, 3-3 Об.] стоит подпись И.В. Сталина. Как усматривается, Постановление должно было способствовать предотвращению преступлений со стороны подростков, склонных к этому, а также со стороны беспризорных и безнадзорных. Фактически реанимировался опыт, накопленный в 30-х годах в борьбе с этим явлением. Отсюда мы видим предоставление НКВД СССР права в дополнении к трудовым колониям, предназначенным для содержания детей и подростков, осужденных судами [8, 74], организовать в 1943 г. трудовые воспитательные колонии, для содержания в них беспризорных и безнадзорных детей, а так же детей и подростков, неоднократно замеченных в мелком хулиганстве и других незначительных преступлениях, доведя в 1943 г. общее число мест для содержания несовершеннолетних до 50000 тысяч человек.

В последующем были внесены некоторые уточнения в порядок направления несовершеннолетних на учебу и на предприятия. Об этом свидетельствует Приказ комитета по учету и распределению рабочей силы при СНК СССР и НКВД СССР № 95/591 от 13 сентября 1943 г. «О направлении в ремесленные, железнодорожные училища школы ФЗО и промышленные предприятия подростков старше 14 лет из колоний для несовершеннолетних и детских приемников-распределителей НКВД» [3, 3-3 Об].

Этот ведомственный нормативный акт обязывал НКВД союзных и автономных республик, управления НКВД краев и областей, направлять в ремесленные, железнодорожные училища, школы ФЗО и на промышленные предприятия подростков старше 14 лет по окончании срока пребывания в трудовых колониях, а также в трудовых воспитательных колониях и детских приемниках-распределителях по разверстке областных, краевых и республиканских бюро по учету и распределению рабочей силы. Направляемые на учебу или работу, обеспечивались верхней одеждой, обувью и двумя

сменами белья. Если подросток направлялся из колонии, то за их счет, а из приемников-распределителей за счет совнаркомов республик и исполкомов Советов депутатов трудящихся.

Практическая реализация принятых в 1942-1943 гг. Постановлений СНК СССР, направленных на борьбу с детской беспризорностью и безнадзорностью, преступностью несовершеннолетних, сдерживалась недостаточной лимитной емкостью детских трудовых воспитательных колоний, что побудило СНК СССР принять специальное Постановление № 827 от 6 июля 1944 г. «Об увеличении количества детей в детских трудовых воспитательных колониях НКВД СССР и о материальном обеспечении детских приемников-распределителей и трудовых воспитательных колоний» [7, с. 35-37]. Этим постановлением НКВД СССР разрешалось организовать в 1944 г. детские трудовые воспитательные колонии на 10000 человек, с распределением по республикам, краям и областям. К реализации постановления привлекались государственные органы и наркоматы.

На Совнаркомы союзных и автономных республик, краевые и областные исполкомы постановление возлагало обязанность предоставить под устройство колоний соответствующие помещения, выделить земельные участки для подсобных хозяйств и оборудование для организации производства. Ряд наркоматов обязали предоставить материалы, необходимые для развертывания колоний.

В 1945 г. усиливается внимание органов прокуратуры к вопросу детской беспризорности и безнадзорности, борьбы с детской преступностью. На решение этой задачи обращала внимание Инструкция прокуратуры СССР № 1-Г-13 «О работе прокуроров по делам несовершеннолетних» от 10 января 1945 г. [1, с. 250-254]. Основной задачей прокуроров по делам несовершеннолетних, указывалось в Инструкции, является борьба с детской преступностью, осуществление надзора за исполнением закона от 7 апреля 1935 г. и Указа от 31 мая 1941 г. «Об уголовной ответственности несовершеннолетних».

Окончание войны вызвало необходимость переосмысления приоритетных направлений деятельности администрации мест лишения свободы. Задача профессиональной подготовки рабочих кадров из числа лишенных свободы и трудового использования контингента с повестки дня не снималась, но основное внимание следовало уделить улучшению материально-бытовых условий, укреплению режима содержания, улучшению воспитательной деятельности администрации. Именно с учетом этого определялся

комплекс первоочередных мер, направленных на перестройку работы мест лишения свободы, в том числе предназначенных для содержания несовершеннолетних правонарушителей.

Список литературы:

1. ГАРФ.Ф.7523.Оп.108,Д.332.Л. 250-254.
2. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 210. Т.1. Л. 2-3 об.
3. ГАРФ.Ф.9401.Оп.12,Д.120.Т.1.Лл. 3-3 Об.
4. ГАРФ.Ф.9401.Оп.12,Д.210.Т.1.Лл. 3-3 Об.
5. ГАРФ.Ф. Р-9401.Оп. 1 а.Д.311. Л. 124-125.
6. Сборник Постановлений СНК СССР за 1942 г. № 2. С. 4.
7. Сборник Постановлений СНК СССР за 1944 г. № 4. С. 35-37.
8. Яковлев А.М.Борьба с рецидивной преступностью. М., 1964. С. 74

СЕКЦИЯ 3.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ

ОРГАНИЗАЦИОННО-СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ И КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ПОСЛЕВОЕННОЕ ВРЕМЯ

(на примере Республики Башкортостан)

Вафаева Эльвира Рашидовна

*ассистент кафедры истории Отечества и МПИСГПА
им. Зайнаб Бишиевой, Республика Башкортостан, г. Стерлитамак*

E-mail: vafaeva.elvira@mail.ru

После окончания Великой Отечественной войны развитие системы органов внутренних дел и их организационно-структурные и штатные изменения были связаны со многими факторами, обусловленными, в свою очередь, конкретно-исторической обстановкой. Милиции пришлось действовать в весьма сложных условиях. Во втором полугодии 1945 г. в стране осложнилась и обострилась криминогенная обстановка, одной из причин которой была широкая амнистия в честь победы в войне. В дальнейшем неоднократные массовые амнистии уголовников приводили к сохранению высокого уровня преступности, что в свою очередь требовало соответствующих мер по укреплению органов милиции и уголовного розыска [7].

На совещании министров внутренних дел республик, начальников УМВД краев и областей, состоявшемся 20-22 марта 1946 года (в соответствии с решением V сессии Верховного Совета СССР от 18 марта 1946 года наркоматы были переименованы в министерства), отмечалось, что в 1945 году число тяжких преступлений не уменьшилось. Было принято решение укрепить уголовный розыск. В июле 1946 года отдел уголовного розыска ГУМ МВД СССР был реорганизован в управление уголовного розыска. За счет сокращения технического состава и некоторых второстепенных должностей увеличились штаты угрозыска, из других подразделений и служб возвращались опытные оперативники, ранее работавшие в уголовном розыске [2, с. 268].

В Башкортостане первые послевоенные годы так же отмечались осложнением оперативной обстановки. Преступные элементы сколачивали бандитские группы, совершали ограбления квартир, взламывали магазины, промышленные и продовольственные склады, грабили и убивали тех, кто становился на их пути.

В июне 1947 года реорганизация была осуществлена в аппаратах БХСС. В феврале 1948 года в составе Главного управления милиции МВД СССР, управлений милиции республик, краев и областей были созданы следственные аппараты [2, с. 268].

Одной из самых острых проблем, стоявших перед органами внутренних дел РСФСР, и в частности в республике после войны, была проблема кадров. Решение ее существенно затруднялось тем, что острейшая нехватка ресурсов не позволяла обеспечить отбор в органы внутренних дел людей, отвечавших необходимым требованиям. Эта же причина делала невозможным создание школьно-курсовой сети, адекватной потребностям практики. Единственный в тех условиях источник пополнения рядов органов внутренних дел сколько-нибудь квалифицированными сотрудниками — привлечение старых специалистов, бывших работников МВД — практически не использовался из-за крайне политизированного подхода к данному вопросу.

В первые послевоенные годы основное внимание было сосредоточено на ликвидации некомплекта кадров. Так, из-за большой нехватки людей наружные посты милиции закрывались только на 50-70 процентов, что значительно ослабляло усилия милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью.

В результате проводимой политики, по полному укомплектованию кадров, значительная часть работников отделения милиции имели низкий уровень общеобразовательной и политической подготовки недостаточные навыки оперативной подготовки, вследствие чего не могли успешно осуществлять задачи, возлагаемые на органы милиции.

В материалах проверки состояния работы с кадрами МВД БАССР отмечается, что общее число сотрудников МВД и милиции по штату предусматривает 4460 человек. На первое мая 1949 г. фактически укомплектовано 95,9 %, недокомплект составляет 210 человек, в том числе: по аппаратам МВД 36 человек, оперативного и рядового состава милиции 104 человека [9, с. 1].

Качественный состав работников МВД и милиции характеризовался следующими данными: партийная прослойка к общему числу сотрудников составляет 45,7 %, с высшим и

незаконченным высшим образованием – 1,4 %, со средним – 10 %, неполным средним – 31,9 %, низшим – 57,7 % [9, с. 2].

Например, по результатам проверки кадров Ишимбайского Горотдела МВД, в 1947 – 1948 гг. наблюдалась «ненормальная» тенденция роста в аппарате горотдела числа лиц с низшим образованием. В 1947 г. работники с низшим образованием – 32,7 %; в 1948 г. – 46,5 %; в первом квартале 1949 г. – 47, 2 %.

Так же ревизоры отмечали, что состав аппарата и по опыту работы изменяется в худшую сторону. В 1947 г. лиц со стажем до трех лет было 19 человека, или 34,5 %; в 1948 г. – 24 человека, или 41,3 % и в первом квартале 1949 г. – 22 человека, или 40 % [1, с. 11].

В Макаровском РО МВД БАССР было установлено 17 штатных единиц. По состоянию на 7 мая 1949 г. было укомплектовано 15 должностей, должности заместителя начальника РО МВД милиции и участкового уполномоченного оставались вакантными.

Как отмечается в справке о состоянии работы с кадрами в Макаровском РО МВД БАССР «политический уровень сотрудников низкий, отдельные сотрудники плохо разбираются в элементарных политических вопросах» [10, с. 95].

Текучесть кадров в послевоенное время было катастрофическим. Это было связано в первую очередь с низким моральным обликом сотрудника правоохранительных органов.

В Ишимбайском Горотделе – всего уволено или переведено на другую работу: в 1947 г. – 31 человек, или 56,3 %; в 1948 г. – 19 человека, или 37,2 % и в первом квартале 1949 г. – 5 человека, или 9 %. 16 человек, или 28,5 % за 1947 и 1948 гг. были уволены по «непригодности, как неблагонадежные, за злоупотребления и различные аморальные поступки» [1, с. 11].

11 человек в 1948 г. (20 %) и 4 человека в первом квартале 1949 г. (7,2 %) всего личного состава получили взыскания. Состояние дисциплины ужасное (многочисленные факты «пьянок» милицейских работников, скандалов, невыполнение приказов командира и т.п.) [1, с. 12].

В Макаровском РО МВД так же служебная дисциплина личного состава стоит на невысоком уровне. За 1948 г. и первый квартал 1949 г. подверглись дисциплинарным и партийным взысканиям 9 человек [1, с. 96].

В Октябрьском Горотделе МВД БАССР было уволено 19 человек, в частности: не справившиеся с работой – 6 человек, скомпрометировавшие себя – 13 человек [8, с. 80].

Из числа работающих за данный период – 57 человек, имели дисциплинарные взыскания – 25 человек или 43 % к общему числу работников.

Такое положение дел наблюдалось и в Чекмагушевском, Буздякском, Кандринском, Ермакеевском, Балтачевском и других райотделениях МВД, в городах Черниковск и в Уфе.

В своем докладе заведующий административным отделом обкома ВКП(б) В.Х. Вахитов указал: «В деле укрепления государственной и трудовой дисциплины большую роль призваны сыграть органы власти, органы пролетарской диктатуры: прокуратура, суды, МГБ, МВД и т.д. Так же известно, что органы, призванные блюсти порядок, бороться за претворение в жизнь социалистической законности, прежде всего сами должны быть укомплектованы кадрами морально выдержанными, устойчивыми, чистоплотными, имеющими не только юридическое, но и моральное право привлекать к ответственности других граждан» [4, с. 130].

Однако в действительности моральный облик сотрудника правоохранительных органов, в послевоенное время, не соответствовал данным требованиям.

В протоколах Бюро горкома ВКП (б) отмечается неудовлетворительная работа сотрудников министерства внутренних дел. Имеют место нарушение дисциплины и проявление аморальных поступков.

В одном из докладов «О состоянии работы с кадрами в горотделеМВД» [6, с. 24], указывается, что отдельные работники МВД проявляют аморальные явления и своим поведением опошляют авторитет и достоинство этих органов, иногда вместо решительной борьбы со всякими преступными элементами, они сами становятся на путь их покровительства.

Например, в одной из справок «о результатах проверки Октябрьского Горотдела МВД Башкирской АССР по работе с кадрами за период 1947 – 1948 гг.» сообщается, что имеются факты явно несерьезного подбора кадров со стороны Отдела кадров МВД Башкирской АССР.

В 1948 г. в качестве участкового уполномоченного в Октябрьском Горотделе МВД был направлен Филимонов, беспартийный, который вскоре был уволен за систематическую пьянку и безответственные отношения к служебным обязанностям, а в 1949 г. был арестован и осужден за хулиганство [8, с. 81].

Другой пример, Рыбаков М.А., член ВЛКСМ, милиционер, занимался пьянкой, выпивал с арестованным Зуйковым, имел

нарушения по службе, за что в 1948 г. уволен из органов и исключен из комсомола [8, с. 83].

Министр внутренних дел Д.И. Бабенко в своем докладе так же отмечал, что не только рядовые сотрудники, но и начальники органов внутренних дел допускают государственную и партийную недисциплинированность.

Так, начальник органов Шарипов, будучи в январе 1949 г. в Стерлитамаке потерял оружие и допустил побег заключенных из КПЗ [5, с. 50].

Помимо проявления аморальных явлений, со стороны высшего руководства был ряд и других нареканий.

В докладе В.Х. Вахитова «О результатах проверки прохождения следственных и судебных дел в органах МВД, прокуратуры и судах республики» отмечалось, что со стороны органов прокуратуры и милиции допускаются частые случаи необоснованного возбуждения уголовных дел и волокита в их расследовании. Так, в результате проверки, было выявлено, что только в 1948 г. в ходе следствия, было прекращено 1026 дел, в числе которых имеются необоснованно возбужденные дела. В тюрьмах республики по вине следственно-судебных органов содержится 381 человек следственно-заключенных, дела на которых не рассматриваются месяцами [3, с. 34].

Незаконные аресты были допущены в Чекмагушевском, Буздякском райотделениях МВД, в городах Черниковске и в Уфе.

Таким образом, после Великой Отечественной войны развитие системы органов внутренних дел и изменения их организационной структуры определялись действием самых различных факторов, и в не последнюю очередь эти изменения коснулись кадровой политики структуры органов внутренних дел.

Однако, как показывает практика, в первые послевоенные годы особых изменений в сторону улучшения состава кадров не произошло. Более того, допущено снижение общего уровня общественно-политической подготовки, в частности по партийно-комсомольской прослойке на 2,7 %, с высшим и средним образованием на 2,2 %, и как следствие моральный облик сотрудников органов внутренних дел был на достаточно низком уровне, что проявлялось в аморальном и недисциплинированном поведении, вследствие чего не могли успешно осуществлять задачи, возлагаемые на органы милиции.

Список литературы:

1. Акт проверки работы с кадрами Ишимбайского Горотдела МВД (1.02.1949 – 30.05.1949)// Материалы проверки работы с кадрами МВД БАССР// Центральный Государственный Архив Общественных Объединений (Далее: ЦГАОО) РБ. Ф. 122, Оп. 29., Д. 735.
2. В пламени Великой (июнь 1941 - 1950)// Официальный сайт МВД по РБ. – [электронный ресурс] – Режим доступа – URL: <http://www.mvdrb.ru/index.php?page=268>
3. Доклад Вахитова В.Х. О результатах проверки прохождения следственных и судебных дел в органах МВД, прокуратуры и судах республики// Протокол № 47 от 12.04. 1949 г. заседания бюро Обкома// ЦГАО РБ. Ф. 122., Оп. 29, Д. 132.
4. Доклад заведующего административным отделом обкома ВКП(б) В.Х.Вахитова// Секретная переписка отдела с МВД и судебными органами (31.12. 1949 – 17.02. 1950 гг.) // ЦГАО РБ. Ф. 122, Оп. 29., Д. 749.
5. Об итогах работы органов прокуратуры, суда и милиции БАССР по борьбе с преступностью за 1948 г. и задачи на 1949 г.// Материалы объединенного республиканского совещания прокуроров, судей, начальников горрайотделений МВД (10.03. – 28.03. 1949 Г.)// ЦГАО РБ. Ф. 122., Оп. 29, Д. 732.
6. О состоянии работы с кадрами в горотделе МВД// Протокол № 11 от 23.03. 1948 г. заседания бюро Обкома// ЦГАО РБ. Ф. 788., Оп. 1, Д. 343.
7. Работа милиции в послевоенные годы// Официальный информационный ресурс Управления Министерства внутренних дел Российской Федерации. – [электронный ресурс] – Режим доступа – URL: http://uvdyar.ru/rabota_militsii_v_poslevoennye_gody.htm
8. Справка о результатах проверки Октябрьского Горотдела МВД БАССР по работе с кадрами за период 1947 – 1948 гг. и первого квартала 1949 г.)// Материалы проверки работы с кадрами МВД БАССР(1.02.1949 – 30.05.1949) // ЦГАО РБ. Ф. 122, Оп. 29., Д. 735.
9. Справка о результатах проверки работы с кадрами МВД БАССР// Материалы проверки работы с кадрами МВД БАССР (25.04. – 30.05. 1949 г.)// ЦГАО РБ. Ф. 122, Оп. 29., Д. 737.
10. Справка о состоянии работы с кадрами в Макаровском РО МВД БАССР// Материалы проверки работы с кадрами МВД БАССР// ЦГАО РБ. Ф. 122, Оп. 29., Д. 735.

К ВОПРОСУ О ФОРМАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ПЕРИОД ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ ПУБЛИЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ: СОБРАНИЙ, МИТИНГОВ, ДЕМОСТРАЦИЙ, ШЕСТВИЙ И ПИКЕТИРОВАНИЙ

Князева Ирина Игоревна

*старший лейтенант полиции, адъюнкт Дальневосточного
юридического института МВД России, г. Хабаровск*

E-mail: taurus1006@mail.ru

Проведение публичных мероприятий невозможно без обеспечения охраны общественного порядка и безопасности, которые служат одной из гарантий использования гражданами своего конституционного права. Органы внутренних дел Российской Федерации, являясь структурным подразделением системы органов исполнительной власти, играют существенную роль в обеспечении и защите прав и свобод граждан. В соответствии с Федеральным законом Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [3, Ст. 876] органы внутренних дел обязаны обеспечивать совместно с представителями органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и организаторами собраний, митингов, демонстраций, шествий и других публичных мероприятий безопасность граждан и общественный порядок.

Роль органов внутренних дел в механизме обеспечения права граждан России на проведение публичных мероприятий определяется кругом их полномочий, позволяющим им участвовать в обеспечении данного права. Раскрывается эта роль в различных формах деятельности органов внутренних дел по осуществлению данных им полномочий.

В юридическом смысле понятие формы деятельности понимается как дозволенный или урегулированный правом способ деятельности органов внутренних дел в конкретной работе [10, с. 30]. В юридической литературе также выработан подход к определению форм управленческой деятельности как внешнего организационно-правового выражения конкретных, однородных действий, совершаемых с целью практического осуществления функций [8]. Функции полиции представляют собой составные части (направления) ее внешней деятельности, а формы показывают, путем каких действий они практически осуществляются. Для автора представляют интерес те

формы деятельности полиции, которые обуславливают функционирование органов внутренних дел в сфере обеспечения права граждан России на проведение публичных мероприятий.

Поддерживая мнение В.Д. Сорокина, предложившего классификацию форм исполнительной деятельности ОВД по их юридическим свойствам, возьмем их за основу и применим к обеспечению права граждан РФ на свободу собраний, а именно:

- издание нормативных актов;
- применение права;
- оперативно-организационная работа;
- материально-технические действия [9, с. 38].

Первые две формы являются правовыми, поскольку в рамках данных форм принимаются решения, которые непосредственно влекут установление правовых норм, возникновение, изменение или прекращение административно-правовых отношений. Они находят свое отражение в правовых актах управления: нормативных и индивидуальных.

Третья и четвертая формы являются необходимыми элементами управленческой деятельности, однако, правовых последствий сами по себе не влекут, поэтому являются неправовыми (организационными) формами деятельности органов внутренних дел [1, с. 116].

Следует отметить, что каждая форма является неотъемлемой частью всей деятельности органов внутренних дел, они тесно связаны и взаимодействуют друг с другом. Так, неправовые (организационные) формы немыслимы без применения правового инструментария, посредством которого обеспечивается законность всех действий органов внутренних дел в обеспечении политического права граждан на проведение публичных мероприятий. Любая из этих форм служит выражением существа всего процесса деятельности органов внутренних дел по обеспечению права граждан России на свободу собраний. Вместе с тем граница между ними довольно неотчетлива, поскольку во многом они дополняют друг друга. Вследствие этого представляется целесообразным рассмотреть каждую из перечисленных форм в отдельности.

Правовые формы это нормотворческая деятельность, в рамках которой принимаются нормативные акты управления и правоприменительная деятельность (применения права).

Нормотворческая деятельность органов внутренних дел осуществляется путем принятия ведомственных нормативных правовых актов, касающихся вопросов организации деятельности органов внутренних дел, их служб и подразделений по охране и

защите права граждан на проведение публичных мероприятий, а также повышение эффективности работы данных органов. Данная деятельность носит подзаконный характер.

Целый ряд принимаемых в системе МВД РФ документов дополняет и конкретизирует законы и подзаконные акты государства. При этом нормативные правовые акты органов внутренних дел должны отвечать следующим требованиям: не противоречить Конституции РФ, законам и подзаконным актам Российской Федерации; соответствовать положению о том, что права и свободы личности могут быть ограничены исключительно законом и только в той мере, в какой это необходимо для защиты конституционного строя, законных прав и интересов граждан. Следует подчеркнуть, что нормативные правовые акты МВД РФ должны определять лишь процессуальную сторону реализации свободы собраний, без указания оснований для ограничения этой свободы. Такого рода ограничения устанавливаются только законом [5, с. 145].

Правоприменительная деятельность – один из наиболее действенных элементов механизма реализации правовых норм и принятия государственно-властных решений. Вместе с тем, правоприменение является и формой управленческой деятельности, поскольку выражается в непосредственном воздействии властных полномочий на участников общественных отношений. Главным требованием к применению норм права, регулирующих свободу собраний, является законность, обоснованность, целесообразность и справедливость. Сущность применения правовых норм заключается в действиях должностных лиц по соотносению конкретного юридического факта (подготовка и проведение публичного мероприятия) с соответствующей правовой нормой, содержащейся в ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» [4, Ст. 2485], и принятие на этой основе государственно-властных решений.

В ходе правоприменения органы внутренних дел должны: установить наличие прав и обязанностей организатора и участников публичного мероприятия, а также факт их действия, проконтролировать правильность приобретения указанными субъектами прав по проведению публичных мероприятий и надлежащее исполнение их обязанностей [6, с. 144].

Неправовыми (организационными) формами деятельности органов внутренних дел являются оперативно-организационная работа и материально-технические действия.

В отличие от правовых форм деятельности органов внутренних дел в сфере обеспечения права граждан России на свободу собраний неправовые формы не влекут за собой возникновение, изменение или прекращение административно-правовых отношений для лиц, к которым они обращены. Юридическим результатом этих форм является сам факт их осуществления [2, с. 123-124].

Оперативно-организационная работа органов внутренних дел в сфере реализации гражданами права на публичные мероприятия состоит в оказании содействия организатору публичного мероприятия в подготовке и проведении манифестации в пределах компетенции представителя органа внутренних дел; в подготовке и проведении служебных совещаний, собраний, инструктажей по вопросам организации и проведения публичных мероприятий; в организации взаимодействия между сотрудниками, подразделениями ОВД; в изучении, обобщении и распространении положительного опыта охраны общественного порядка и общественной безопасности при проведении публичных мероприятий, а так же в разработке научно обоснованных рекомендаций. Данные действия направлены на работу с личным составом.

Материально-технические действия включают в себя: обеспечение нормального функционирования всей системы органов внутренних дел (хозяйственное, материальное, техническое обеспечение, экипировка сотрудников и т.д.); расстановку сил и средств, задействованных для обеспечения охраны общественного порядка при проведении публичных мероприятий, осуществление внутриведомственного контроля как гарантии защиты права граждан на проведение публичных мероприятий [7, с. 149].

Таким образом, формы деятельности органов внутренних дел показывают, путем каких действий практически осуществляются направления деятельности полиции.

Разнообразие функций и задач, решаемых в процессе деятельности органов внутренних дел, обстановки и условий, в которых она протекает, обуславливает применение различных форм деятельности. Полагаем, что в период организации и проведения публичных мероприятий - собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирований - органы внутренних дел применяют все вышеперечисленные формы деятельности.

Список литературы:

1. Административная деятельность органов внутренних дел. Часть общая. Учебник. – М.: ЦОКР МВД России, 2009. – 264 с. – С. 116.

2. Административная деятельность органов внутренних дел. Часть общая. Учебник. – М.: ЦОКР МВД России, 2009. – 264 с. – С. 123-124.
3. О полиции: Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 8. Ст. 876
4. О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях : федеральный закон РФ от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. - № 25. - Ст. 2485.
5. Полянская И.С. Конституционно-правовое регулирование права граждан Российской Федерации на проведение собраний, митингов и демонстраций, шествий и пикетирований. Дисс. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2010.- С. 145.
6. Полянская И.С. Конституционно-правовое регулирование права граждан Российской Федерации на проведение собраний, митингов и демонстраций, шествий и пикетирований. Дисс. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2010. - С. 144
7. Полянская И.С. Конституционно-правовое регулирование права граждан Российской Федерации на проведение собраний, митингов и демонстраций, шествий и пикетирований. Дисс. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2010. - С. 149.
8. Совершенствование аппарата государственного управления. Конституционный аспект. – Киев. 1982; Научные основы государственного управления в СССР. – М., 1968; Методы и формы государственного управления. – М., 1977.
9. Сорокин В.Д. Проблемы административного процесса. – М., 1968. С. 38.
10. Старосьяк Е. Правовые формы административной деятельности. – М., 1959. – С. 30.

СЕКЦИЯ 4.

ГРАЖДАНСКОЕ, ЖИЛИЩНОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

НАСИЛИЕ НАД ЖЕНЩИНАМИ

*Богданова Ольга Ивановна,
Цибина Алёна Александровна,
Ерёменко Татьяна Сергеевна,
Габидулина Гузалия Салаватовна
студенты ГОУ ВПО КГТЭИ, г. Красноярск*

*Тиранен Василий Александрович
к. ю. н., доцент, Красноярский государственный торгово-
экономический институт, г. Красноярск
E-mail: law.tirranen@yandex.ru*

Насилие над женщинами совершается во всех странах мира и остается одной из наиболее серьезных нерешенных проблем современности. В среднем каждая третья женщина хоть раз в жизни становится жертвой изнасилования или грубого обращения с ней. Причиной проявления насилия в семье может являться то, что в семье мужчины это являлось нормой, а так же слабые характером мужчины могут самоутверждаться за счет физически слабой женщины. Довольно часто мужчины избивают женщин под действием наркотических средств или в состоянии алкогольного опьянения. Зачастую женщин избивают патологические ревнивцы, деспотичные и психически неустойчивые личности.

Женщины предпочитают молчать о насилии в семье, есть множество причин, мешающих женщине покинуть обидчика: жилищные проблемы, экономическая зависимость, эмоциональная привязанность к мужу, множество внутренних, психологических причин. Зачастую женщина боится, что обидчик будет мстить, угрожать её близким или заберет детей. Причиной, по которой женщина терпит насилие, может служить стереотип, существующий в обществе: «Бьет- значит любит».

Один из самых главных доводов, удерживающих женщину от окончательного разрыва – является то, что детям нужен отец. Женщина может назвать и множество других причин, которые

заставляют жить с человеком, который унижает её. Очень часто женщине трудно понять, что отношения совершенно бесперспективны – человек, усвоивший насильственный тип поведения, просто так от него не откажется, а жизнь и здоровье уходят безвозвратно и бессмысленно.

Одной из причин молчания женщины объяснимо несовершенством законодательства. В соответствии с Уголовным кодексом РФ насилие в семье квалифицируется статьей 115 (причинение легкого вреда здоровью), статьей 116 (нанесение побоев) и статьей 119 (угроза убийством). На основании ст.ст.115-116, 119 УК РФ к обидчику применяются только условное наказание или штраф, если факты насилия удастся доказать, так как в большинстве случаев насилие происходит без свидетелей. «В Европе и Америке, если женщина только заявит о побоях, мужчину принуждают покинуть жилище до разбирательства» [1]. Пока российскими законодателями такой законопроект даже не планируется к рассмотрению. В прокуратуре считают, что женщинам необходимо обращаться в милицию, а если там не хотят помочь – идти в прокуратуру, которая имеет право начинать проверку по заявлениям всех, кто наблюдает семейную трагедию со стороны [1]. С другой стороны более жесткое наказание только усугубит ситуацию. Отбыв наказание, преступник начнет мстить, что приведет к более серьезным преступлениям.

В России нет специальных законов, противодействующих насилию в семье. В УК РФ физическое насилие определяется как реальное или потенциальное, выражается в ударах, побоях, ранениях, ссадинах — на наружные покровы человека с применением физической силы, холодного или огнестрельного оружия, либо иных предметов, жидкостей, сыпучих веществ и других, а так же повреждения внутренних органов без повреждения внешних тканей человека [2].

В настоящее время в России, единственным правовым механизмом, позволяющим реально противостоять проблеме семейного насилия, являются Уголовный кодекс РФ и Кодекс об административных правонарушениях РФ. От того, насколько эффективно используется существующее уголовное законодательство, зависит результат всей предупредительной деятельности в сфере семейного насилия.

В УК РФ домашнее насилие квалифицируется по ст. 111 (умышленное причинение тяжелого вреда здоровью); ст. 112 (умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью); ст. 115 (умышленное причинение легкого вреда здоровью); ст. 116(побой);

ст. 119 (угроза убийством или причинение тяжкого вреда здоровью) УК РФ.

В ст. 117 УК РФ (истязание), наиболее полно определены преступные действия при домашнем насилии, но при этом нормы данной статьи практически не используются на практике.

Достаточно широкий спектр правовых норм, которые можно было бы применить при защите прав женщин, подвергшихся насилию, на первый взгляд приводит к мысли о том, что проблема семейного насилия достаточно просто решается. Однако реально в правоприменительной практике сложилась ситуация, когда указанные нормы оказываются либо неэффективны в случаях семейного насилия, либо вообще практически не применяются правоохранительными органами.

Во многих странах в качестве меры предотвращения актов насилия используют охранный (защитный) ордер. Этот опыт, является в первую очередь профилактической мерой, которая могла бы помочь предотвратить более жестокие преступления. Согласно данным международных исследований, жизнь и здоровье женщины подвергаются гораздо большей угрозе именно тогда, когда она покидает обидчика. Охранный ордер - это правовой документ, предназначенный для защиты от жестокого обращения и предоставления жертвам насилия в семье соответствующих форм правовой помощи. Они обычно выдаются судьями после судебного разбирательства, проводящегося в соответствии со специальными положениями гражданского кодекса, направленными против насилия в семье, по требованию жертв жестокого обращения, их юристов или их представителей. Охранные ордера предоставляют жертвам насилия в семье широкий спектр правовой защиты. Прежде всего, виновник жестокого обращения должен прекратить преследование, угрозы, физическое насилие. Охранный ордер запрещает ответчику вступать в любой контакт с заявителем: по телефону, письмом, в виде подарков или личных визитов. Ордер также может запретить ответчику приближаться к своей бывшей жертве, посещать те места, где она работает или учится. Иногда судьи обязывают ответчика пройти курс лечения в связи со злоупотреблением наркотиков или алкоголя или посещать психологическую консультацию для прекращения физического насилия [4].

При решении данной проблемы необходимо использовать воспитательные мероприятия. К обидчику, страдающему алкогольной или наркотической зависимостью, необходимо в принудительном порядке применить меры медицинского характера, а неработающему

человеку в качестве наказания назначить обязательные работы. В целях снижения криминализации населения и предотвращения рецидивов агрессивного поведения, внести в ст.44 УК РФ «Виды наказаний» дополнительный вид наказания, а именно принудительное посещение курсов перевоспитания по решению суда, при этом из заработной платы осужденного должны удерживаться в доход учреждений, организующих данные курсы перевоспитания, определенные суммы в размере, установленном приговором суда, в пределах от 5 % до 20 %; внести соответствующие изменения в другие статьи УК РФ, касающиеся наказаний; гарантировать полноценную защиту пострадавших от домашнего насилия в рамках гражданской и уголовной судебной системы; исключить преступления, совершенные в семье из категории дел частного обвинения и перевести их в категорию дел публичного обвинения. В связи с чем, необходимо внести ряд поправок в действующие УК РФ и УПК РФ. Необходимо также внести соответствующие изменения в часть 4 ст. 20 УПК РФ, позволяющие руководителю следственного органа, следователю, а также дознавателю возбуждать уголовные дела о любом преступлении в ст. ст. 155 и 116 УК РФ при отсутствии заявления потерпевшего или его законного представителя, если данное преступление совершено в отношении лица, которого связывают с обвиняемым родственные или бывшие родственные отношения.

Данная проблем не может быть решена только правовыми нормами, женщины должны в первую очередь преодолеть все психологические барьеры и начать борьбы с источником насилия. Позиция жертвы и надежда, что насильник изменится, в большинстве случаях ошибочна, в дальнейшем неизбежно приведет к насилию более жестокого характера.

Список литературы:

1. Газета Спб [электронный ресурс] – Режим доступа URL: <http://www.gazeta.spb.ru/64328-0/>.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации [электронный ресурс] – Режим доступа URL <http://www.u-kodeks.ru/>
3. Уголовно–процессуальный кодекс Российской Федерации [электронный ресурс] – Режим доступа URL <http://www.up-kodeks.ru/>
4. Участковые уполномоченные нижегородской полиции прослушали лекцию о домашнем насилии в отношении женщин [электронный ресурс] – Режим доступа URL <http://www.niann.ru/?id=398766>

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОВЕДЕНИЯ ЛИЦЕНЗИРОВАНИЯ И АККРЕДИТАЦИИ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

Столярова Елена Андреевна

*адъюнкт Санкт-петербургского университета
МВД России, г. Санкт-Петербург
E-mail: seapiter@mail.ru*

Высшие учебные заведения в России являются центром подготовки специалистов для работы в различных отраслях экономики и социальной сферы общества. От качества подготовки кадров зависит нормальное функционирование всех институтов гражданского общества и формирование социального государства. Подготовка высококвалифицированных кадров должна осуществляться в соответствии с определёнными правилами и стандартами, соблюдение которых призвано обеспечить должный уровень подготовки специалистов, так как эти правила и стандарты формулируются в соответствии со складывающейся социально-экономической обстановкой в России и мировом сообществе.

Одной из главных задач государственных органов в сфере высшего и послевузовского образования является контроль качества оказываемых образовательных услуг. Осуществление этого контроля происходит по средствам установления государственных образовательных стандартов высшего образования, аккредитации учебных заведений, а так же по средствам лицензирования образовательной деятельности. Все эти понятия тесно связаны с нормами гражданского законодательства, которые в свою очередь являются основой деятельности учреждения высшего профессионального образования.

Высшее учебное заведение – юридическое лицо и основы его деятельности закреплены в Гражданском кодексе РФ.

Основной гражданско-правовой категорией для всех субъектов гражданско-правовых отношений является понятие правосубъектности. Правосубъектность ВУЗа, как юридического лица, обуславливает способность учреждения высшего профессионального образования быть участником гражданско-правовых отношений.

Специфическая особенность формирования правосубъектности вуза - его государственная аттестация и аккредитация. Ее необходимо рассматривать как особый вид легитимации не только образовательной, но и хозяйственной деятельности вуза, являющейся

необходимым условием подтверждения его государственного статуса [1].

Основой осуществления деятельности по проведению лицензирования и государственной аккредитации учреждений высшего профессионального образования являются нормы гражданского законодательства.

Так, в ч. 1 ст. 49 ГК РФ закреплено, что отдельными видами деятельности, перечень которых определяется законом, юридическое лицо может заниматься только на основании специального разрешения (лицензии), одним из видов такой деятельности является образовательная деятельность.

Особенно важным лицензирование образовательной деятельности представляется потому, что получение лицензии означает, что ВУЗ конкурентоспособен, успешно реализует программы высшего профессионального образования.

Государственную регистрацию вуза и лицензирование его деятельности необходимо рассматривать как последовательные стадии приобретения правового статуса вуза в качестве хозяйствующего субъекта.

Лицензионные требования, которые Правительство РФ устанавливает, являются основой установления критериев конкурентоспособности ВУЗов, в связи с этим представляется необходимым рассмотрение вопросов правового регулирования лицензирования деятельности высших учебных заведений.

Для получения лицензии или переоформления документа, подтверждающего наличие лицензии, в случаях, предусмотренных подпунктом 1 пункта 9 статьи 33.1 Закона Российской Федерации «Об образовании» [2], соискатель лицензии или лицензиат представляют в лицензирующий орган заполненное по установленной форме заявление, к которому прилагаются следующие документы:

- а) копии учредительных документов;
- б) документ, подтверждающий уплату государственной пошлины;
- в) копии документов, подтверждающих наличие у соискателя лицензии или лицензиата в собственности или на ином законном основании оснащенных зданий, строений, сооружений, помещений и территорий, соответствующих установленным лицензионным нормативам обеспечения образовательной деятельности по заявленным для лицензирования образовательным программам;
- г) копия документа, подтверждающего проведение учредителем государственного или муниципального учреждения в соответствии с пунктом 4 статьи 13 Федерального закона «Об основных гарантиях

прав ребенка в Российской Федерации» [6] экспертной оценки последствий договора аренды для обеспечения образования, воспитания, развития, отдыха и оздоровления детей, оказания им медицинской, лечебно-профилактической помощи, социальной защиты и социального обслуживания детей (в случае аренды соискателем лицензии или лицензиатом помещений для организации образовательного процесса в государственном или муниципальном учреждении, являющемся объектом социальной инфраструктуры для детей);

д) подписанная руководителем соискателя лицензии или лицензиата справка о материально-техническом обеспечении образовательной деятельности по заявленным для лицензирования образовательным программам;

е) копия положения о филиале (в случае, если соискатель лицензии или лицензиат обращается за разрешением на осуществление образовательной деятельности в филиале);

ж) копия положения о структурном подразделении (в случае, если в качестве соискателя лицензии или лицензиата выступает организация, структурное подразделение которой осуществляет реализацию образовательных программ профессиональной подготовки);

з) опись представленных документов [2].

Принятие законодателем «Положения о государственной аккредитации Федеральных государственных образовательных учреждений высшего профессионального образования, реализующих образовательные программы высшего профессионального и послевузовского профессионального образования на основе образовательных стандартов и требования, устанавливаемых ими самостоятельно» [5] вызвало вопрос о том, на основании каких показателей учреждения высшего профессионального образования смогут относиться к той группе ВУЗов, которые сами устанавливают образовательные стандарты. Нерешённым остаётся вопрос о том, как повлияют отнесение ВУЗа к одному из видов учреждений высшего профессионального образования, университету академии или институту на возможность реализации образовательных программ высшего профессионального и послевузовского профессионального образования на основе образовательных стандартов и требования, устанавливаемых ими самостоятельно. Не менее важным вопросом является вопрос о том, каким образом организационно-правовая форма, являющаяся основной категорией гражданского права повлияет на отнесение ВУЗа к той или иной группе.

Во всех случаях аккредитация высшего учебного заведения имеет своей целью установление реализуемых программ государственным образовательным стандартам. Государственные образовательные стандарты высшего и послевузовского профессионального образования состоят из федеральных и национально-региональных компонентов. Федеральные компоненты стандартов включают в себя: общие требования к основным образовательным программам высшего и послевузовского профессионального образования; требования к обязательному минимуму содержания основных образовательных программ, к условиям их реализации; сроки освоения основных образовательных программ в государственных и муниципальных образовательных учреждениях; максимальный объем учебной нагрузки обучающихся

Таким образом, необходимо отметить, что проведение лицензирования невозможно без наличия у высшего образовательного учреждения документов, устанавливающих их гражданско-правовой статус учреждения, регламентирующих положение филиалов высшего учебного заведения, то есть документов форма и содержание которых регламентированы нормами гражданского законодательства, и норма о необходимости лицензии для осуществления образовательной деятельности закреплена в гражданском кодексе, что говорит о главенствующей роли гражданского законодательства в системе правового регулирования деятельности ВУЗов.

Лицензии высшим учебным заведениям, независимо от их организационно-правовых форм, могут быть выданы только при наличии у них на правах собственности, оперативного управления или аренды необходимой учебно-материальной базы. Содержание права собственности высшего учебного заведения регламентируется так же нормами гражданского законодательства.

Особенности предмета и содержания экспертизы, проводимой в отношении высших учебных заведений, реализующих образовательные программы частично или в полном объеме посредством дистанционных образовательных технологий, устанавливает федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору в сфере образования, если иное не установлено федеральными законами [2].

В настоящее время от профессионального образования ожидают результативной работы по подготовке кадров и разработке инновационных решений и программ. Лицензия не дает права на ведение образовательной деятельности, но и не гарантирует ее высокого качества. Согласно действующему законодательству, лицензирование ведется в заявительном порядке: любой человек

может сформировать пакет документов, чтобы начать образовательную деятельность. Лишить лицензии можно только через суд. Поэтому для контроля над качеством образования первостепенное значение, конечно, имеет аккредитация.

Аккредитация высшего учебного заведения проводится с целью установления соответствия образовательных программ ВУЗа государственным образовательным стандартам.

Для проведения государственной аккредитации учреждению высшего профессионального образования необходимо подать заявление о проведении аккредитации, в котором необходимо указать:

а) полное наименование, организационно-правовая форма и местонахождение организации в соответствии с уставом организации;

б) полное наименование и местонахождение филиала (филиалов) организации в соответствии с уставом организации (при проведении государственной аккредитации в отношении филиала (филиалов));

в) государственный регистрационный номер записи о создании юридического лица и данные документа, подтверждающего факт внесения сведений о юридическом лице в Единый государственный реестр юридических лиц;

г) идентификационный номер налогоплательщика и данные документа о постановке организации на учет в налоговом органе;

д) реквизиты действующего свидетельства о государственной аккредитации (при наличии);

е) государственный статус (тип и вид) образовательного учреждения, заявляемый для государственной аккредитации;

ж) перечень заявляемых для государственной аккредитации образовательных программ [3].

Положение о наименовании организации, её месте нахождения, государственном статусе, организационно-правовой форме, о постановке организации на учёт в налоговом органе, то есть о тех сведениях, которые необходимо указывать в заявлении регулируются нормами гражданского законодательства и являются основополагающими для учреждения высшего профессионального образования, как юридического лица.

К заявлению о проведении государственной аккредитации прилагается ряд документов, порядок составления и значение которых регламентируются нормами гражданского законодательства, такими документами являются:

- копия устава организации;
- копия положения о филиале организации (в случае проведения государственной аккредитации в отношении филиала, а также в случае установления иного государственного статуса

образовательного учреждения в течение срока действия свидетельства о государственной аккредитации);

- копии документа, подтверждающего наличие лицензии на осуществление образовательной деятельности, с приложением (приложениями), а также свидетельства о государственной аккредитации организации с приложением (приложениями) (при наличии указанных документов, выданных иным лицензирующим или аккредитационным органом); [4].

Во всех случаях аккредитация высшего учебного заведения имеет своей целью установление реализуемых программ государственным образовательным стандартам.

Таким образом, как и для проведения лицензирования, так и для проведения аккредитации учреждению высшего профессионального образования необходимо предоставить правоустанавливающие документы, подтверждающие его положение, как участника гражданско-правовых отношений, а значит нормы гражданского права являются основополагающими для проведения процедур аккредитации и лицензирования, как основополагающих процедур установления правосубъектности ВУЗа.

Список литературы:

1. Грудцына Л. Особенности правового обеспечения лицензирования, аттестации и аккредитации вуза «Право и жизнь», N 8, август 2009 г. СПС Гарант
2. Закон РФ от 10.07.1992 N 3266-1 (ред. от 18.07.2011) «Об образовании» «Собрание законодательства РФ», 15.01.1996, № 3, ст. 150.
3. Постановление Правительства РФ от 16.03.2011 N 174 «Об утверждении Положения о лицензировании образовательной деятельности» «Российская газета № 63 от 25.03.2011.
4. Постановление Правительства РФ от 21.03.2011 N 184 «Об утверждении Положения о государственной аккредитации образовательных учреждений и научных организаций» «Собрание законодательства РФ» 28.03.2011 № 13 ст. 1772.
5. Постановление Правительства РФ от 27.09.2011 N 800 «Об утверждении Положения о государственной аккредитации федеральных государственных образовательных учреждений высшего профессионального образования, реализующих образовательные программы высшего профессионального и послевузовского профессионального образования на основе образовательных стандартов и требований, устанавливаемых ими самостоятельно» «Собрание законодательства РФ» 10.10. 2011 № 41 (ч. 2) ст. 5738
6. Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» Собрание законодательства РФ , 03.08.1998, № 31 ст. 38 02

СЕКЦИЯ 5.

ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ И СОДЕРЖАНИЯ ОБЫЧАЯ ДЕЛОВОГО ОБОРОТА

Козлова Валерия Николаевна

ст. преподаватель ХГУ им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан

E-mail: kozlovavn@mail.ru

В настоящее время бесспорным является тот факт, что обычаи делового оборота выступают источниками гражданского права России. При этом, как вытекает из определения обычая делового оборота, данного в ст. 5 ГК РФ [2], названные обычаи применяются только для регулирования предпринимательской деятельности и отношений, вытекающих из нее.

Судебно-арбитражная практика свидетельствует о том, что стороны достаточно часто прибегают к доказыванию наличия обычая делового оборота, регулирующего спорное правоотношение. Вместе с тем и перед сторонами, и перед арбитражным судом в этом случае встает вопрос: как доказать соответствие того или иного правила поведения признакам обычая делового оборота, какими средствами доказывания из предусмотренных в процессуальном законодательстве воспользоваться для этого.

Как было разъяснено в совместном постановлении Пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ от 1 июля 1996 г. № 6/8, «под обычаем делового оборота, который в силу статьи 5 ГК РФ может быть применен судом при разрешении спора, вытекающего из предпринимательской деятельности, следует понимать не предусмотренное законодательством или договором, но сложившееся, то есть достаточно определенное в своем содержании, широко применяемое в какой-либо области предпринимательской деятельности правило поведения, например, традиции исполнения тех или иных обязательств и т. п.

Обычай делового оборота может быть применен независимо от того, зафиксирован ли он в каком-либо документе (опубликован в печати, изложен во вступившем в законную силу решении суда по конкретному делу, содержащему сходные обстоятельства, и т.п.)» [4].

Именно данный факт (возможность отсутствия фиксации содержания обычая делового оборота) и делает затруднительным доказывание наличие соответствующего обычая.

Согласно ч. 2 ст. 64 АПК РФ, в качестве доказательств допускаются письменные и вещественные доказательства, объяснения лиц, участвующих в деле, заключения экспертов, показания свидетелей, аудио- и видеозаписи, иные документы и материалы [1].

Очевидно, что основными из возможных средств доказывания наличия и содержания обычая делового оборота являются письменные доказательства. Так, выше уже было процитировано положение из постановления Пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ, согласно которому к письменным доказательствам рассматриваемого рода относятся публикация в печати, изложение содержания обычая делового оборота во вступившем в законную силу решении суда по конкретному делу, содержащему сходные обстоятельства и т. п.

Общим признаком, характеризующим названные доказательства, является доступность зафиксированного правила поведения в качестве обычая делового оборота для неограниченного круга лиц. Вместе с тем представляется, что фиксирование обычая «в каком-либо документе» этому признаку может и не соответствовать. Вполне допустимо понимание условия «зафиксировано в каком-либо документе» как обозначения (в том числе и косвенного) правила поведения в переписке сторон, соглашениях и протоколах о намерениях, факсимильных, электронных сообщениях и т.п., то есть сообщениях, хоть и выраженных на материальном носителе (письменных), но недоступных неограниченному кругу лиц.

Наибольшую сложность представляют случаи, когда сторона ссылается на некий обычай делового оборота, ни в каком документе не зафиксированный, а вторая сторона при этом возражает против его применения. Несмотря на достаточно обширный перечень средств доказывания, названных законодателем в АПК РФ, возникает вопрос, могут ли стороны воспользоваться ими в целях доказывания наличия и содержания обычая делового оборота.

В Российской Федерации, как известно, правовая норма применяется в силу ее объективного существования, и содержание той или иной нормы доказыванию сторонами не подлежит. Норма права должна применяться судом автоматически, в силу факта ее наличия.

Обычай делового оборота является источником гражданского права, следовательно, представляет собой конкретную правовую норму, подлежащую обязательному применению судами сторонами.

Вместе с тем суд может не знать о существовании того или иного обычая делового оборота, а стороны не уполномочены доказывать существование правовой нормы, которую и представляет собой обычай.

Как справедливо пишет О.В. Зиновьева, «сущность той части рассмотрения дела в судебном заседании, которая носит название судебного следствия, состоит в установлении имевших место быть фактов в регрессном аспекте, то есть уже свершившихся в прошлом, в то время как перед доказывающей обычай делового оборота стороне стоит противоположная задача - доказать, что обычай делового оборота существует, вторая сторона должна была им руководствоваться (но не руководствовалась), то есть не совершила в прошлом никаких активных действий.

Это означает, что решение вопроса - является ли то или иное правило поведения обычаем делового оборота - остаётся за рамками предмета доказывания, поскольку относится в большей степени к источнику права» [3].

Согласно ч. 2 ст. 65 АПК РФ, обстоятельства, имеющие значение для правильного рассмотрения дела, определяются арбитражным судом на основании требований и возражений лиц, участвующих в деле, в соответствии с подлежащими применению нормами материального права.

Обычай делового оборота сам по себе является нормой материального права, подлежащей применению в конкретном деле, вследствие чего доказыванию вообще не подлежит.

Суд должен самостоятельно применять нормы материального права, регулирующие спорное правоотношение. В любом гражданском деле суд самостоятельно определяет те нормы, которыми он будет руководствоваться при вынесении решения. Сложно представить себе ситуацию, когда судья до вынесения решения обязывает стороны определить закон, подлежащий применению, и обязывает же стороны доказать, что этот закон действует именно с тем содержанием, которое приводится заинтересованным лицом.

Поскольку обычай делового оборота – источник права, наряду с нормативными правовыми актами, суд обязан знать и применять обычаи самостоятельно.

Однако такие ситуации, когда суд изначально убеждён, что то или иное правило является в данной области предпринимательской деятельности именно обычаем делового оборота, а не частным случаем, чрезвычайно редки.

Следовательно, суду может быть неизвестно существование конкретного обычая делового оборота (вследствие чего судья может не основывать на таком обычае свое решение по делу), а сторона, ссылающаяся на обычай делового оборота, не уполномочена доказывать его существование и содержание (поскольку обычай – это правовая норма).

В целях разрешения указанного противоречия следует обратиться к ст. 65 АПК РФ, согласно которой «каждое лицо, участвующее в деле, должно доказать обстоятельства, на которые оно ссылается как на основание своих требований и возражений». В данном случае расширительное толкование термина «обстоятельства» как любой информации, имеющей отношение к делу и способствующей его правильному разрешению, позволяет отнести существование обычая делового оборота в какой-либо области предпринимательской деятельности именно к обстоятельствам.

Если же придерживаться такой трактовки, то заинтересованная сторона, ссылаясь на существование обычая делового оборота, вправе использовать для этого все предоставленные арбитражным процессуальным законодательством способы доказывания, а именно - свидетельскими показаниями, объяснениями лиц, участвующих в деле, заключением экспертизы, вещественными доказательствами, письменными доказательствами.

Интересно, что судебно-арбитражная практика исходит из того, что если сторона не докажет существование сложившегося обычая делового оборота, то отсутствуют правовые основания для применения обычая делового оборота при разрешении спора. В частности, к такому выводу пришел Международный коммерческий арбитражный суд при Торгово-промышленной палате РФ еще в 1998 г. [5].

Следует также помнить, что неприменение арбитражным судом обычая делового оборота (т.е. неприменение материальной нормы, регулирующей спорное правоотношение) влечет отмену вынесенного решения вышестоящей инстанцией. Это следует из положений п. 4 ч. 1 ст. 270 АПК РФ.

Список литературы:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ; в ред. Федерального закона от 12 июля 2011 г. № 210-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2002. - № 30. - Ст. 3012; 2011. - №29. – Ст. 4301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ; в ред. Федерального закона от 6

апреля 2011 г. № 65-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1994. - № 32. - Ст. 3301; 2011. - № 15. - Ст. 2038.

3. Зиновьева О.В. Обычаи делового оборота в российской медицинской предпринимательской практике и специфика их доказывания в гражданском процессе [электронный ресурс] - Режим доступа. – URL: http://www.onegingroup.ru/obychai_delovogo_oborota_v_rossiysk.
4. О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 6, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 8 от 1 июля 1996 г. // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 1996. - № 9.
5. Решение Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате РФ от 25 июня 1998 г. по делу № 478/1996. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

СЕКЦИЯ 6.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО И ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ БАНКРОТСТВА.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: СУЩНОСТЬ И ПРИНЦИПЫ

Андреева Любовь Александровна

*к. ю. н., доцент кафедры экономико-управленческих и правовых дисциплин Новгородского филиала РГГУ, г. Великий Новгород
E-mail: andreeva56@mail.ru*

Экономические основы общественного строя Российской Федерации рассмотрены в статьях 7, 8, 9, 34-37, 39-43, 71-75, 114, 130, 132 Конституции Российской Федерации [4], вместе с тем государственное регулирование экономической деятельности и предпринимательства регулируются как на уровне федерации, так и отдельных субъектов Российской Федерации. Указанный подход не в полной мере соответствует отечественным конституционным традициям. Практически во всех конституциях советского периода отечественной истории [5] принципиальный акцент производился на экономических основах общественного строя, что соответствовало господствующей в то время доктрине марксизма-ленинизма. В современных условиях, по мнению автора, возникает вопрос о целесообразности исследования свободы экономической деятельности как принципа конституционного строя Российской Федерации.

По мнению Е.И. Козловой, конституционное (государственное) право регулирует базовые общественные отношения, складывающиеся во всех сферах жизнедеятельности общества, в том числе и в экономической сфере [3]. Такой подход, очевидно, диктует необходимость фиксации в конституционном законодательстве не только основ политической, социальной и духовной жизни общества, но и базовых начал экономической системы. Эта позиция отражена в исследованиях В.Г. Стрекозова и Е.М. Ковешникова, которые не отрицали возможности конституционного регулирования базовых начал функционирования экономики в рамках основ конституционного строя, но ничто и не обязывало законодателя к этому [18]. Принципиально другой точки зрения придерживается

М.В. Баглай. По мнению М.В. Баглая, в предмете конституционного права выделяются две основные сферы общественных отношений: охрана прав и свобод человека и гражданина (отношения между человеком и государством) и устройство государства и государственной власти (властеотношения) [11]. При таком подходе базовые начала организации и функционирования экономической системы не могут рассматриваться как неотъемлемый элемент конституционного регулирования. В данном случае конституция в законы конституционно-правового характера призваны урегулировать лишь базовые социально-экономические права и свободы граждан, оставляя регламентацию функционирования экономической системы текущему законодательству, которое служит источником административного, гражданского, финансового права, а также иным, внеправовым регуляторам общественных отношений. Следует признать, что точка зрения М.В. Баглая может трактоваться двояко. С одной стороны, анализ действующей Конституции Российской Федерации приводит к выводу, что в настоящее время предмет конституционного регулирования экономической системы сужен до социально-экономических прав и свобод граждан, а также до предметов ведения и полномочий Российской Федерации, субъектов федерации, муниципальных образований, органов государственной власти и местного самоуправления. С другой стороны, позиция М.В. Баглая может быть истолкована и в пользу объективной необходимости ограниченного регулирования основ экономической системы. Автор полагает, что последнее утверждение не в полной мере соответствует действительности, что подтверждается позициями Конституционного Суда Российской Федерации, а также нормотворческой практикой субъектов федерации.

В Постановлении от 24 февраля 2010 года Конституционный Суд Российской Федерации указал, что «принципом экономической свободы предопределяются конституционно гарантируемые правомочия, составляющие основное содержание конституционного права на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности» [13]. Граждане «вправе определять сферу этой деятельности и осуществлять соответствующую деятельность в индивидуальном порядке либо кооперативе» т.е. путем создания коммерческой организации как формы коллективного предпринимательства, самостоятельно выбирать экономическую стратегию развития бизнеса, использовать свое имущество с учетом установленных Конституцией Российской Федерации гарантий права

собственности (статья 35, часть 3) и поддержки государством добросовестной конкуренции (статья 8, часть 1; статья 34, часть 2)» [4].

В качестве условий свободы экономической деятельности Конституционный Суд указал наличие надлежащих гарантий стабильности, предсказуемости и надежности гражданского оборота, доверие его участников друг другу [14], определение основ правового режима и законодательное регулирование отдельных видов предпринимательской деятельности [15], недопустимость вмешательства кого-либо в частные дела [16]. Только расширительное толкование конституционного принципа свободы экономической деятельности позволило Конституционному Суду сформулировать и более частные выводы относительно необходимости соразмерных гарантий трудовых прав, направленных против возможного произвольного увольнения работников, предоставления определенных преимуществ экономически слабой стороне в гражданско-правовом договоре и другие. В целом Конституционный Суд Российской Федерации рассматривает принцип свободы экономической деятельности как конституционно-правовую ценность, органически взаимосвязанную с требованиями единства экономического пространства, свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств, поддержки конкуренции, равного признания и защиты частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности. Свобода экономической деятельности гарантируется, однако она не может быть абсолютной: не допускается экономическая деятельность, направленная на монополизацию и недобросовестную конкуренцию (ч. 2 ст. 34 Конституции Российской Федерации) [4] свобода экономической деятельности не должна противоречить политике государства, направленной на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (ст. 7 Конституции Российской Федерации [4]; недопустима такая экономическая деятельность, которая наносит вред окружающей среде (ч. 3 ст. 35 Конституции Российской Федерации [4]). Ограничение экономической свободы возможно в случаях принудительного отчуждения имущества (ч. 3 ст. 35 Конституции РФ [4]), в условиях чрезвычайного положения (ст. 56 Конституции РФ [4]) исходя из ряда общепризнанных обязанностей участников экономических отношений, основанных на принципе баланса публичных и частных интересов.

Однако, как полагает автор, изучение юридического смысла конституционного принципа свободы экономической деятельности

должно опираться на более полное уяснение и выявление позитивных прав и обязанностей участников экономических отношений.

Автор отмечает, что ни дореволюционные, ни советские ученые-юристы не формулировали принцип свободы экономической деятельности. С.А. Авакьян, характеризуя свободу экономической деятельности, отмечал, что свобода экономической деятельности «одно из ключевых условий рыночной экономики, которая строится на активности индивида» [11]. Указанная позиция С.А. Авакьяна, на взгляд автора, достаточно точно определяет взаимосвязь свободы экономической деятельности с рыночным способом организации экономической системы, что косвенно зафиксировано в статье 7 (пункт «ж» части 2) Конституции РФ [4], но, к сожалению, не нашло своего юридического выражения в нормах первой главы Конституции РФ. Весомый вклад в современное исследование экономического фактора в конституционном праве внес В.О. Лучин. В.О. Лучин полагал, что «в девяностые годы минувшего столетия экономика России оказалась в глубоком системном кризисе, поставившем под сомнение реальность и действенность многих положений Конституции Российской Федерации», в России «возникла крайне нерациональная хозяйственная система, которая качественно отличается от нормальной рыночной экономики», причем в этих условиях «трудно надеяться на то, что традиционные рыночные меры экономической политики» способны «нормализовать ситуацию» [12]. Несмотря на негативную оценку некоторых экономических явлений и процессов современной России, В.О. Лучин признал конституционный характер свободы экономической деятельности рыночной экономики, придавая этому термину, однако, несколько отличный от общепринятого смысл. При этом представляется спорным утверждение, что, с одной стороны, Россия должна придерживаться принципов «нормальной» рыночной экономики, а с другой - что рыночные механизмы не способны вывести страну из системного кризиса. Комплексный характер проблемы, по мнению автора, позволяет акцентировать внимание на следующих принципах, которые гарантируют конституционный характер экономической системы.

Во-первых, экономика является конституционной при условии подлинного верховенства прав и свобод человека и гражданина, причем не только социально-экономических, но и личных (гражданских) и политических.

Во-вторых, конституционный характер экономической системы просматривается в условиях развитого гражданского общества, в котором «интересы сопоставляются, сталкиваются, отстаиваются, но

степень общности такова, что противоборство ведется в рамках единства общества, не разрушая его» [17].

В-третьих, экономика является конституционной при условии высокого уровня законности в стране. В стране требуются более прочные основы обеспечения законности, включая ответственность конкретных лиц, виновных в противоправном деянии [2].

Таким образом, концепция конституционной экономики раскрывает преимущественно одну из сторон юридического принципа свободы экономической деятельности - это связанность предпринимательства правом, его ответственность перед обществом и государством. Однако в современных российских условиях важнее обеспечить высокую степень свободы предпринимательства, его защищенность от неправомерных посягательств со стороны криминальных структур, недобросовестных конкурентов, государственных (муниципальных) органов.

Свобода экономической деятельности предполагает баланс публичных и частных интересов, поэтому ее не следует понимать как свободу абсолютную, не ограниченную законом. Принцип свободы предпринимательства означает необходимость ряда позитивных мер со стороны государственных и муниципальных органов власти, направленных на правовое регулирование, охрану и защиту основ экономики. Для этого необходима прочная правовая база, обеспечивающая реализацию права граждан на предпринимательскую деятельность. Автор полагает, что теоретические идеи находят воплощение на практике, о чем свидетельствует опыт регулирования не только на федеральном уровне, но и в субъектах РФ.

Так, статьей 12 Конституции Республики Адыгея предусматривается, что основа экономики республики - социальное рыночное хозяйство, обеспечивающее свободу экономической деятельности, предпринимательства и труда, разнообразие и равноправие форм собственности, их правовую защиту, добросовестную конкуренцию и общественную пользу; государство регулирует экономические отношения в интересах человека и общества, причем экономические отношения строятся на основе социального партнерства между человеком и государством, работником и работодателем, производителем и потребителем, а также на защите их прав [6]. Близкая правовая конструкция характерна для статьи 8 Конституции Республики Карелия, в которой принцип свободы экономической деятельности выводится из идеи социально ориентированного рыночного хозяйства, причем этот принцип упоминается наряду с такими основами конституционализма, как

разнообразие форм собственности, равные условия их правовой защиты, добросовестная конкуренция [7]. Признание свободы экономической деятельности как принципа, производного от концепции социального рыночного хозяйства, характерно Конституции Татарстана (ст. 17) [8].

В статье 13 Конституции Республики Дагестан принцип свободы экономической деятельности фиксируется как однопорядковая идея наряду с принципами социальной ориентации экономики и добросовестной конкуренции [9]. Однако по общему смыслу анализируемой статьи можно предположить, что данные принципы понимаются в качестве производных руководящих идей, вытекающих из концепции социального государства. Это не в полной мере соответствует Конституции Российской Федерации.

Представляет интерес опыт Республики Хакасия и Чувашской Республики, в конституциях которых, несмотря на наличие специальной главы об основах конституционного строя, принцип свободы экономической деятельности не упоминается: законодатель ограничивается лишь указанием на равенство форм собственности и субъективное право граждан использовать способности и имущество для предпринимательской деятельности [10]. Этот подход автору представляется неверным, поскольку содержание конституционного строя заметно сужается до политических, социальных и культурных основ публичной власти в ущерб фундаментальным началам экономической системы, которые по объективным причинам имеют конституционно-правовую природу.

В целом конституционный опыт республик в составе Российской Федерации по регулированию принципа свободы экономической деятельности свидетельствует о разнообразии предпринятых подходов, однако определяющая тенденция состоит в признании этого принципа, его детализации и регламентации на конституционном уровне.

Таким образом, свобода экономической деятельности представляет собой юридический принцип конституционно-правового характера, который опирается на концепцию баланса публичных и частных интересов в экономической сфере и предполагает высокую степень свободы частной хозяйственной инициативы, предпринимательства, создание благоприятных условий для социального и экономического развития. К таким условиям, в частности, относятся наличие надлежащих гарантий стабильности, предсказуемости и надежности гражданского оборота, доверие его участников друг другу, определение основ правового режима и

законодательное регулирование отдельных видов предпринимательской деятельности, недопустимость вмешательства кого-либо в частные дела.

Свобода экономической деятельности составляет одно из ключевых условий рыночной экономики, которая строится на активности индивида и деятельном участии государственных и муниципальных органов власти по созданию условий для экономического развития страны.

Список литературы:

1. Баглай М.В., Габричидзе Б.Н. Конституционное право Российской Федерация. М., 1996. С. 15-18. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. М., 1998. С. 5-1.
2. Каткова Г.И. Равная защита прав граждан и конституционная обязанность Российской Федерации// Защита прав человека в Поволжском регионе; опыт и перспективы. СПб., 2001. С. 14.
3. Козлова Е.И, Кутафин О.Е. Конституционное право Российской Федерация, М., 1995. С. 6
4. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. – М., 1993. – 160 с.
5. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики от 10 вводя 1918 года// СУ РСФСР, 1918, М 51, ст. 582. Основной Закон (Конституция) Союза Саамских Социалистических Республик. М., 1924. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических республик от 5 декабря 1936 года// Известия ЦИК Союза ССР | ВЦИК, 1936, № 283, 6 декабря. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик от 7 октября 1977) года// Ведомости Верховного Совета СССР, 1977, № 41, от. 617.
6. Конституция Республика Адыгея от 10 марта 1995 г. с послед, изм// Советская Адыгея. 2003, 18 июля.
7. Конституция (Основной Закон) Республики Карелия от 12 февраля 2001 г. с послед, изм.// Карелия. 2003. 26 июля
8. Конституция Республики Татарстан от 6 ноября 2002 г. с послед, изм.// Ведомости Государственного Совета Татарстана. 2002. № 3-4.
9. Конституция Республики Дагестан от 10 июля 2003 г.// Дагестанская правда. 2003.26 июля.
10. Конституция Республики Хакасия от 25 мая 1995 г. с послед, изм.// Вестник Хакасии. 2003. № 13. Конституции Чувашской Республики от 30 ноября 2000 г. С изм. и доп.
11. Конституционное право. Энциклопедический словарь/ Отв. Ред. С.А. Авакьян. М., 2001

12. Лучин В.О. Конституция РФ. Проблемы развития. М., 2002. С. 157, 158
13. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2010 г. по делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона «Об акционерных обществах», регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества и выкупа дробных акций, в связи с жалобами граждан, компании «Кадет Истеблишмент» и запросом Октябрьского районного суда города Пензы// СЗ РФ, 2010. М 9. Ст. 830.
14. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2003 г. по делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса РФ в связи с жалобами граждан С.М. Мариничевой, А.В. Немировской, //СЗ РФ. 2003. № 17. Ст. 1657.
15. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 мая 2003 г. по делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 14 Федерального закона «О судебных приставах» в связи с запросом Лангепасского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа//СЗ РФ. 2003. № 21, Ст. 2051.
16. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2002 г. по делу о проверки конституционности статьи 140 Гражданско-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданки Л.Б. Фишер// СЗ РФ. 2002. № 8. Ст. 894
17. Серегин И.С., Шульгин НИ. Гражданское общество, правовое государство и право («Круглый стол» журналов «Государство и право» и «Вопросы философии»// Государство и право. 2002. № 1. С. 12
18. Стрекозов В.Г., Казанчев Ю.Д. Государственное (институционное) право Российской Федерации. М., 1995.С. 6-7. Ковешников Е.М. Конституционное право РФ. Курс лекций, М., 1998. С. 1

ИЗ ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КОРПОРАЦИЙ

Аштаева Саглар Сергеевна
аспирант КалмГУ, г. Элиста
E-mail: ashtaeva.s@rambler.ru

По мнению большинства ученых, изучающих вопросы возникновения корпораций, общепризнанным считается, что их истоками являются торговые гильдии. Образно, торговые гильдии – это организации совместных путешествий групп торговцев в отдельные страны с торговыми целями. При этом Торговые гильдии не являлись целостными хозяйственными единицами, поскольку им была присуща только солидарная ответственность участников, основанная на общих условиях совместной деятельности.

С развитием экономики, появлением новых средств производства и в первую очередь морского дела – развиваются и юридические формы. В этот период возникают морские товарищества. Личные отношения в этих товариществах отодвигаются на задний план, преобладают отношения по поводу капитала. Общий капитал заключается главным образом в корабле, так как корабль строится на пах участников товарищества.

Прообразом современных хозяйственных обществ, считают также возникающие горные товарищества. В этих юридических формах отмечается не только зарождение, но и развитие начал корпоративной организации. Здесь управление делами находилось в ведении общих собраний, которые решали вопросы большинством голосов. Многочисленность в горном товариществе, перепродажа прав участника товарищества – приводило к появлению в этой среде обмана и спекуляции. В этих условиях государство вынуждено было направлять горные товарищества своих представителей и осуществлять контроль. Система надзора снижала значение корпоративных начал, но и в этих условиях горные товарищества внесли большую лепту в становление корпоративного право.

Определенную роль в развитии корпораций сыграли и генуэзские маоны. Главная причина их возникновения – дезорганизация и упадок государственного хозяйства. Городам Италии приходилось отстаивать свою независимость, что было связано с огромными денежными затратами. Тогда были придуманы государственные займы, которые осуществлялись отчасти принудительно, отчасти добровольно на основе предоставленных преимуществ, причем к займам привлекалась вся масса населения. Так, путем государственных займов – montes

возникли банки в Венеции, Генуе, Флоренции. Гражданам обещалась выплата процента вплоть до выплаты долга. Обычно при заключении такого займа процент обещался ненормально высокий, а затем он постепенно изменялся.

Если морские товарищества были прообразами торговых обществ, то маоны можно признать первоначальной формой финансового бизнеса. Дело в том, что в дальнейшем маоны стали вести и другую предпринимательскую деятельность, получая доход и распределяя его между кредиторами. Очень сложной становилась и их организационная структура [4].

В этот период истории сложные разновидности корпорации развивались в Голландии. На фоне значительным подъемом промышленности и торговли, особенно оживившейся в области морского оборота после открытия новых морских путей, стали составлять экспедиции из десятков кораблей. Эти объединения, занятые торговлей, были не простым союзом владельцев кораблей, а союзом лиц, затративших капитал и снаряжение экспедиции. Рост подобных сообществ привел к неизбежной конкурентности и вскоре правительство, вступив в переговоры с компаниями, соединило их в одну Нидерландскую Ост-Индскую компанию. Так разрозненные купеческие гильдии и морские товарищества, объединенные одной целью, образовали колониальную компанию. Части капитала пока оставались не равными, но постепенно доли участия каждого были разделены на равные части и они стали предметом биржевого оборота. Эти равные части получили названия акции, их можно было отчуждать, и эти доли оказались удобным материалом для спекуляции. Высшее руководство делами компании входило в особый совет, состоявший из семнадцати представителей. Первым корпоративным нормативным положением 1602 года, высший орган по истечении десяти лет должен был составлять отчет о деятельности компании. Ост-Индская и созданная по подобию Вест-Индская компании, несомненно, представляет собой единые организации. Таким образом, Голландия внесла значительную лепту в создание корпоративного строя [4].

Возникновение первой компании в Англии относится к XV веку. В 1496 году Генрих VII дает разрешение на торговлю со всеми странами, которые будут открыты на Севере–Востоке. С этой целью создается компания «Торговцы – искатели приключений для открытия регионов, владений, островов и неизвестных мест». Первая ее экспедиция направилась в Архангельск, а далее в Москву. Из России удалось вернуться с товарами и торговым соглашением, после чего

компания стала называться – Русской. В XVI столетии возникла английская Ост–Индской компания, которая образовалась не решением правительства, а по частной инициативе предприимчивых людей, которые привыкли действовать совместно в морских товариществах. Компания имела права корпорации и разные преимущества по ввозу и вывозу товара [5].

Французские компании возникли под влиянием голландских – Франция не стало изобретать то, что уже было изобретено, а позаимствовала созданное другими. Однако, имелись характерные особенности – французское правительство чрезмерно интенсивно вмешивалось в этот процесс, преследуя цели: оказать энергичную поддержку развитию торговли и промышленности. Каждая французская компания учреждалась специальным правительственным актом. Компании очень долго не находили законодательного признания. Закон от 2 марта 1791 года провозгласил свободу промыслов, но вопрос об особенностях акционерных обществ оставило открытым. Правительство запретило деятельность товариществ, чей уставный капитал делился на свободно передаваемые акции, предусмотрело создание компании с разрешением Законодательного Собрания. Закон о коммандитных компаниях 1856 года является значительной вехой в истории корпоративного строя Франции, он дал гарантии третьим лицам и обеспечил стабильность самих компании. Закон от 1863 года развивал, положения предыдущего в деталях и его последствием стало увеличение корпорации. Таким образом, отличие корпоративного строя во Франции является то, что он зародился и развивался при непосредственном участии правительства [2].

Освоение корпоративной идеи в России началось при Петре I. После посещения ряда стран Петр I издал законодательный акт - призыв, имеющий отношение к корпорациям. В Указе от 27 октября 1699 года купцам предписывалось создавать торговые компании, позже были изданы Указы в 1706 и 1711 годах. [1].

Впоследствии были приняты нормативные акты: Торговый устав (1903 г.), Свод законов гражданских (1910 г.), Устав промышленности (1913 г.), Устав кредитный (1914 г.) [3].

С 1917 года хозяйственные отношения в России существенно изменились и стали основываться на таких категориях, как план, государственное регулирование, целесообразность и др. В 1920 году в Советской России корпорации практически были уничтожены и только переход российского общества к рыночным отношениям открыл путь развитию корпоративного права на современном этапе.

Таким образом, как показывает история – корпорации прошли сложный путь развития от сравнительно несложных, основанных на личной связи и полной ответственности всех участников до акционерных обществ, с ограниченной ответственностью держателей ценных бумаг, выпущенных с целью объединения крупного капитала. Путь развития корпораций в определенной степени повторяет и корпоративное право.

Список литературы:

1. Алейник С.А. Корпоративные нормы: определение понятия. // Вестник Российской правовой академии. – 2003. - № 3.
2. Антонова Е.С. Понятие, содержание и особенности корпоративных прав. // Юридический мир. – 2002. - № 11.
3. Исаев И.А. Становление хозяйственно – правовой мысли в СССР (20- е годы). –М.: Юридическая литература, 1986. – 150 с.
4. Кашанина Т.В. Корпоративное право: учебник. М.: Вита-Пресс, 2011.- 384 с.
5. Мозолин В.П. Корпорации, монополии и право США. М.: МГУ, 1966.
6. Суязов Е.Е. Корпорации в российском гражданском праве. // Юрист. – 2002. - № 6.
7. Хужокова И.М. Корпоративное право Российской Федерации: учеб. пособие. М.: Экзамен, 2004.-351 с.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЙ ДОГОВОР В СТРОИТЕЛЬСТВЕ: О ДОПУСТИМОСТИ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ И ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ЕЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ершов Олег Геннадьевич

*к. ю. н., старший преподаватель кафедры гражданско-правовых
дисциплин Омской академии МВД РФ, г. Омск
E-mail: [Ershov @rambler.ru](mailto:Ershov@rambler.ru)*

Развитие товарно-денежных отношений в сфере строительства, обусловленное попыткой дальнейшего реформирования экономической модели, поставило перед наукой гражданского права задачу переосмысления правовой формы договоров, непосредственно сопровождающих процесс возведения зданий (сооружений). Речь идет о таких широко применяемых договорных конструкциях, как инвестиционный договор, подряд на строительство и подряд на проектно-изыскательские работы. Особенность в том, что участники данных договоров, как правило, имеют статус предпринимателя, а сами договорные отношения связаны с предпринимательской деятельностью хозяйствующих субъектов. Отрицать выделенную особенность вряд ли возможно, поскольку строительство, предполагает вложение существенного объема инвестиций, которые отражают и формируют предпринимательский характер совершаемых операций. С другой стороны в этой сфере профессиональная деятельность участников связана с получением и направлена на получение прибыли. Осуществляется самостоятельно, на свой риск, что указывает на общие, нормативно закрепленные в ст. 2 ГК РФ [2] признаки предпринимательской деятельности.

В связи с этим перед наукой гражданского права вполне может быть поставлен вопрос о допустимости рассмотрения теоретической модели предпринимательского договора в строительстве и основных направлениях ее исследования. Необходимо отметить, что постановка данной проблемы следует из того, что нормы права, как установленные и санкционированные государством правила поведения, должны непосредственно отражать особенности тех отношений, которые являются объектом правового регулирования. В противном случае, надо признать, что право не выполнит свою регулятивную функцию и основное назначение. Если исходить из того, что договорные отношения в строительстве между предпринимателями имманентно связаны с ключевыми признаками

предпринимательской деятельности, формируются под влиянием этой деятельности, то, неизбежно должен следовать вывод об отражении такого рода связи в правовых нормах. В тоже время гражданское законодательство пока не содержит норм, закрепляющих общее определение и ключевые признаки предпринимательского договора, а также норм, уточняющих и развивающих данные признаки применительно к договорам в сфере строительства.

Научный анализ в этом направлении должен предшествовать нормотворческой работе и решить основную задачу описания выделенной договорной модели предпринимательского договора, в том числе в сфере строительства, а также найти дополнительные аргументы существования и обоснования такой модели. При этом отсутствие общей нормы, закрепляющей понятие предпринимательского договора, не должно рассматриваться как препятствие на пути научного поиска, поскольку цивилистической науке известно множество категорий, которые пока не отражены в гражданском законодательстве.

Решение проблемы возможной допустимости и последующего обоснования предпринимательского договора в строительстве весьма не просто. Во-первых, отсутствие разделения права на право гражданское и торговое, предполагает при не разработанности общего определения предпринимательского договора выделение в едином кодифицированном акте норм отражающих специфику отношений в строительстве с участием предпринимателей. Во-вторых, в науке гражданского права пока ведется дискуссия о правовой природе, понятии, признаках предпринимательского договора вообще и его месте в системе гражданско-правовых договоров. Отражением такой дискуссии, стали выделенные подходы в исследовании общетеоретической модели предпринимательского договора.

В рамках первого направления предпринимательский договор рассматривается как правовая конструкция, которая объединяет интересы трех участников: государства, предпринимателей и общества.

В связи с этим Е.В. Богданов, предлагает выделять ключевые признаки предпринимательского договора: субъектный состав, представленный предпринимателями; особый предмет – товары, работы и услуги, предназначенные для достижения предпринимательских целей; установление ответственности участников предпринимательского договора на началах риска и солидарности по отношению к третьим лицам; ограничение свободы предпринимательского договора по содержанию, заключению и

расторжению; распространение на договорные отношения не только гражданско-правовых норм, но и иного отраслевого законодательства; особая цель заключения предпринимательского договора – получение сторонами прибыли [1, с. 4-17].

В рамках второго подхода, обосновывается идея о том, что в основе предпринимательского договора лежат опосредованные гражданским правом отношения по осуществлению предпринимательской деятельности, которые в конечном итоге и формируют особенность правовой модели. Через анализ таких признаков предпринимательской деятельности, как самостоятельность, направленность на систематическое получение прибыли, В. Ф. Яковлев приходит к выводу о том, что предпринимательский договор характеризуется с одной стороны наибольшей степенью свободы в заключении и формировании условий, с другой – особыми условиями, формирующими повышенные требования к предпринимателю. Отсюда, В. Ф. Яковлев отмечает, что отсутствуют какие-либо препятствия в заключение предпринимательских договоров как между предпринимателями, так и с участием одновременно предпринимателей, потребителями и публичных образований [5, с. 3-9].

При сравнении указанных подходов, нетрудно заметить, что в основе выделения общих признаков предпринимательского договора положен либо критерий отраслевого предмета правового регулирования отношений, либо способ воздействия на имущественные отношения. В целом учеными допускается то, что предпринимательский договор должен рассматриваться как разновидность гражданско-правового договора, обладающего в тоже время определенными особенностями отражающими природу предпринимательской деятельности. Предложенные критерии, полагаем, можно взять только в совокупности за основу исследования, но они не являются исчерпывающими, поскольку не позволяют дать полную оценку, как общей модели предпринимательского договора, так и ее особенностям применительно к сфере строительства.

Во-первых, необходимо исходить из того, что признак предпринимательского договора, безусловно, формируется под влиянием складывающихся между предпринимателями как хозяйствующими субъектами договорных отношений, но не может быть полностью тождественен признаку этих отношений. Отношения и договор как правовая форма отношений являются разными, хотя и взаимосвязанными категориями. Отсюда, например, вызывает сомнения такой признак предпринимательского договора, как направленность на получение прибыли. Если принять за основу, что

предпринимательский договор есть разновидность гражданско-правового договора, то можно обратить внимание на п.3 ст. 423 ГК РФ, закрепляющей положение о том, что любой договор является возмездным, если из закона, иных правовых актов, содержания или существа договора не вытекает иное. Тогда очевидно, что направленность на получение прибыли есть признак предпринимательских отношений, который гораздо уже признака договора как правовой формы, поскольку возмездным предполагается договор, в котором участники не обладают статусом предпринимателя.

Во-вторых, способ воздействия на договорные отношения предпринимателей, отражающий метод правового регулирования, основан на инициативе, равенстве, диспозитивности, имущественной самостоятельности участников, которой обладают не только предприниматели, но и любые субъекты гражданского права. Фактически это означает, предложенный критерий является не достаточным для обоснования теоретической модели предпринимательского договора, в том числе особенностей такой модели применительно в сфере строительства.

В связи с этим М.К. Сулейменов предложил иной подход в решении проблемы предпринимательского договора через осмысление общей концепции предпринимательского права. В частности, по замыслу ученого, если, исходить из того, что предпринимательское право является самостоятельной отраслью права, то должен считаться и самостоятельным предпринимательский договор, не имея никакого отношения к гражданско-правовым договорам. Если предпринимательское право есть часть гражданского права, то предпринимательский договор должен считаться разновидностью гражданско-правового договора. М.К. Сулейменов как сторонник комплексного отраслевого подхода, приходит к выводу о том, что в предпринимательском договоре должны сочетаться публичные и частные начала [3, с. 10–20].

Полагаем, что предпринимательское право можно лишь рассматривать как комплексную отрасль законодательства, но не отрасль права, поскольку отсутствует характерные для самостоятельности отрасли критерии – предмет и метод правового регулирования. В условиях отсутствия дуализма частноправового регулирования отношений с участниками, обладающими различного рода правовым статусом, нормы гражданского права способны обеспечить надлежащее правоприменение. Однако это не означает, что предпринимательский договор должен рассматриваться как обычная разновидность гражданско-правового договора о передаче товара,

выполнении работ или оказании услуг. Учитывая, несмотря на то, что в гражданско-правовом договоре в качестве участников могут быть предприниматели, скорее речь может идти об обобщающей научной категории. Выделение предпринимательского договора как самостоятельной правовой конструкции вряд ли возможно. Здесь важно учесть отрицательный опыт исследования теории хозяйственного договора, который предлагалось рассматривать как альтернативу гражданско-правовым договорам, но в хозяйственной деятельности организаций. При этом особая роль отводилась государству в формировании условий такого договора, моменту его заключения, основаниям изменения и расторжения.

В связи с этим, применительно к предпринимательскому договору объектом внимания должны стать не отраслевые признаки, под влиянием которых происходит формирование правовой конструкции (модели), а особенности имущественных договорных отношений с участием предпринимателей, которые в итоге должны найти отражение в гражданско-правовых нормах посвященных обычным договорам о передаче имущества, выполнении работ, оказании услуг. Такие особенности могут быть выделены, если исследованию будет подвергнут дополнительный критерий – пределы вмешательства государства в частные дела предпринимателей. По-сути, это означает, что необходимо сделать анализ одного из основополагающих принципов гражданского права – дозвоительной направленности и недопустимости вмешательства кого-либо в частные дела. Осмысление данного принципа позволит выделить ограничения свободы договора между предпринимателями и выявить ориентиры императивных предписаний при формировании договорных условий.

Разрабатывая выделенный критерий, необходимо определиться с субъектным составом предпринимательского договора. Полагаем, что предпринимательским следует считать лишь тот договор, в котором только обе стороны являются предпринимателями, вступающие в договорные отношения в целях извлечения прибыли. При этом направленность на извлечение прибыли должна рассматриваться как основная причина вступления в договорные отношения и цель формирующая волеизъявление хозяйствующих субъектов. Это обусловлено особенностями отношений в предпринимательской деятельности. Договор, в котором лишь одна сторона имеет статус предпринимателя, не может рассматриваться как предпринимательский, поскольку отсутствует обобщающая целевая направленность на извлечение прибыли, благодаря которой появляются особенности свойственные лишь предпринимательским

отношениям. Именно такие особенности должны определять особый характер правосубъектности участников договора. В противном случае, необходимо считать предпринимательским договором договор розничной купли-продажи, бытовой подряд и другие договоры, в состав которых входят предприниматели, что не допустимо. В связи с этим, важно отметить, что публично-правовые образования не могут быть участником предпринимательского договора, поскольку обладают специальной правосубъектностью не связанной с направленностью получения прибыли при участии в договорных отношениях.

Учитывая предпринимательский характер договорных отношений в строительстве, полагаем, что конструкция договора в строительстве между предпринимателями также имеет право на существование. По-сути, речь может идти о предпринимательском договоре, который помимо общих признаков, предположительно должен обладать особыми, складывающимися под влиянием имущественных отношений в строительстве.

Применительно к предпринимательскому договору в сфере строительства можно утверждать, что он представляет собой теоретическую модель, отражающую общую научную категорию предпринимательского договора без закрепления в качестве самостоятельного договорного типа в нормах права. Значение такой модели может заключаться в том, что она позволяет обобщить имеющиеся знания о применении гражданско-правовых договоров в сфере строительства с участием предпринимателей и выделить особенности, которые должны быть учтены законодателем при формировании гражданско-правовых норм. Вопрос только в том, что следует отнести к таким особенностям и как их можно выявить.

Решение в этом направлении может быть получено, если обратить внимание на следующее. Строительство представляет сложный процесс, который опосредует существование отношений подпадающих под воздействие норм права различной отраслевой направленности. По-сути, здесь происходит сочетание публичных и частных интересов, что также накладывает отпечаток и на договорные отношения с участием предпринимателей. Это необходимо учитывать при изучении правовой формы отношений. Здесь следует согласиться с высказанным в юридической литературе мнением о том, что в предпринимательском договоре есть две, частноправовая и публично-правовая составляющие [4, с. 45–48].

Однако применительно к строительству публичная составляющая должна ограничивать свободу договора в той мере, в которой это

необходимо в целях защиты интересов не только предпринимателей, как участников договора, а третьих лиц (потребителей), поскольку речь идет о безопасности зданий (сооружений). Отсюда возникает необходимость установления рамок принципа дозволительной направленности и недопустимости вмешательства кого-либо в частные дела при формировании договорных условий. Правильно установленные пределы вмешательства государства должны с одной стороны, обеспечить разумный баланс интересов предпринимателей, с другой стороны третьих лиц, которые будут потребителями строительной продукции. При этом опыт централизованного воздействия государства на сферу договорных отношений с участием предпринимателей в рамках административно-планового ведения хозяйства должен признаваться не допустимым. Полагаем, именно исследование и проявление такого принципа гражданского права, как дозволительная направленность, может рассматриваться в качестве направления научного анализа, способного дать результаты поиска особенностей предпринимательского договора в строительстве. Совершенно очевидно, что эти особенности будут отражать, как отношения предпринимателей, так и способ воздействия со стороны государства на эти отношения.

Список литературы:

1. Богданов Е.В. Предпринимательские договоры. – М.: Книга сервис, 2003. С. 4-17.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Сулейменов М.К. Предпринимательский договор как комплексный институт гражданского права // Журнал российского права. 2008. №1. С. 10-20
4. Хромченков О.В. Понятие и признаки предпринимательских договоров // Гражданское право. 2006. №3. С. 45-48.
5. Яковлев В.Ф. Понятие предпринимательского договора в российском праве // Журнал российского права. 2008. №1. С. 3-9.

СЕКЦИЯ 7.

ТРУДОВОЕ ПРАВО И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ТРУДОВЫЕ СПОРЫ

Хазиев Марсель Фуатович

студент, Башкирский государственный аграрный университет

E-mail: MarselMario@mail.ru

Егоров Игорь Борисович

студент, Башкирский государственный аграрный университет

E-mail: vilanova2010@yandex.ru

Владимиров Игорь Александрович

к. ю. н., доцент Баш ГАУ, г. Уфа

E-mail: MarselMario@mail.ru

Глава 60 ТК посвящена рассмотрению индивидуальных трудовых споров. Данная глава сохраняет традиционные подходы к решению проблем регулирования трудовых споров. Одновременно в ней предложено несколько новых удачных решений, вызванных потребностями реальной жизни и правоприменительной практики.

Индивидуальный трудовой спор определяется как неурегулированное разногласие между работодателем и работником по вопросам применения законов и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, коллективного договора, соглашения, трудового договора (в том числе об установлении или изменении индивидуальных условий труда), о которых заявлено в орган по рассмотрению индивидуальных трудовых споров.

Индивидуальным трудовым спором признается спор между работодателем и лицом, ранее состоявшим в трудовых отношениях с этим работодателем, а также лицом, изъявившим желание заключить трудовой договор с работодателем, в случае отказа работодателя от заключения такого договора.

В соответствии с законодательством, трудовые споры подлежат рассмотрению комиссиями по трудовым спорам и судами.

При решении вопроса о создании комиссий законодатель вернулся к принципам создания и функционирования таких комиссий на паритетных началах, что, безусловно, является положительным.

Так, статья 384 ТК РФ предусматривает, что комиссии по трудовым спорам образуются по инициативе работников и (или) работодателя из равного числа представителей работников и работодателя. Представители работников в комиссию по трудовым спорам избираются общим собранием (конференцией) работников организации или делегируются представительным органом работников с последующим утверждением на общем собрании (конференции) работников организации. Представители работодателя назначаются в комиссию руководителем организации [2, с. 285]. Этот порядок в полной мере соответствует принципам социального партнерства и наиболее полному учету мнений всех сторон трудового спора.

Комиссия по трудовым спорам не рассматривается как первичный орган по рассмотрению трудовых споров. Предварительное рассмотрение спора в КТС не является теперь обязательным условием, без которого работник не может обратиться в суд, минуя комиссию.

Данное правило является весьма значимым для работников, так как наличие или отсутствие КТС не является препятствием для перенесения рассмотрения трудового спора в суд.

Статья 388 Трудового кодекса РФ устанавливает, что решение по трудовым спорам принимается комиссией тайным голосованием большинством присутствующих на заседании членов комиссии. Данное решение более предпочтительно, так как позволяет членам комиссии объективно подойти к решению рассматриваемого спора и не опасаться при этом негативного воздействия со стороны работодателя. Однако данная глава имеет и недостатки.

В соответствии со статьей 384 ТК РФ по решению общего собрания работников комиссии по трудовым спорам могут быть созданы в структурных подразделениях организации. Эти комиссии образуются и действуют на тех же основаниях, что и комиссии по трудовым спорам организации. В комиссиях по трудовым спорам структурных подразделений организаций могут рассматриваться индивидуальные трудовые споры в пределах полномочий этих подразделений [2, с. 287].

Образование комиссий по трудовым спорам в структурных подразделениях является не вполне оправданным. Согласно ст. 20 ТК РФ, работодателями являются юридические лица, которые вступили в трудовые отношения с работником. Работодатель имеет право отказать работнику в приеме на работу привлечь работников к

материальной ответственности, а обособленные структурные подразделения в соответствии с законом этим правом не обладают.

Иначе говоря, трудовые споры могут возникнуть только между работником и работодателем, а не между работником и структурным подразделением, в котором он выполняет трудовую функцию.

Работодатели, которые имеют филиалы и представительства, расположенные в другой местности, не могут обещать работнику право на своевременное решение трудового спора, так как подать заявление в КТС, который расположен в другой местности, достаточно трудно. Невелики шансы и на объективное рассмотрение такого спора в Комиссии по трудовым спорам, созданной в организации работодателя. Конфликт возник в другой местности, и для его разрешения необходимо специально командировать туда работников, для того чтобы принять решение. Сложившаяся ситуация может быть решена двумя путями.

Во-первых, могут быть внесены соответствующие изменения в статью 20 ТК РФ, определяющую термин «работодатель», где руководители филиалов и представительств смогут на местах быстро и своевременно рассматривать трудовые споры.

Во-вторых, можно внести в статью 387 ТК РФ, определяющую порядок рассмотрения индивидуального трудового спора, дополнения, которые установят правила рассмотрения трудового спора, возникшего в филиале, представительстве работодателя.

Вместе с тем представляется целесообразным в дальнейшем в процессе совершенствования законодательства упразднить комиссии по трудовым спорам.

Наличие такого органа представляется излишним по следующим основаниям:

В наши дни работник может напрямую обратиться в суд, минуя комиссию по трудовым спорам, ее существование лишается всякого смысла. Индивидуальный трудовой спор рассматривается комиссией по трудовым спорам, если работник самостоятельно или с участием своего представителя не урегулировал разногласия при непосредственных переговорах с работодателем.

Таким образом, если возникнет конфликтная ситуация первое, что должен сделать работник, это попытаться путем переговоров урегулировать этот конфликт. Если работнику это не удастся, тогда он может привлечь на свою сторону профсоюз или иного представителя, которые будут защищать права работника и пытаться урегулировать спор.

Далее спор переносится на рассмотрение комиссией, хотя позиции сторон уже известны и сформировались. Так как комиссия состоит из равного числа представителей от работников и от работодателя, то спор, вероятнее всего, так и не будет решен. В итоге соответствующие решения будет принимать судебная инстанция. Если в результате вопрос будет касаться, допустим, выплаты премии работнику, рассмотрение такого спора займет как минимум 6 - 8 месяцев (а зачастую трудовые дела в судах рассматриваются в течение года). Конфликт будет разрастаться, что не замедлит сказаться как на морально-психологическом климате в коллективе, так и на результатах работы организации.

Если работник не сумел самостоятельно урегулировать конфликт с работодателем, если он не смог добиться отмены неправомерного решения через профсоюз, то у работника не остается иного выхода, кроме как обратиться за защитой нарушенного права в судебные инстанции.

Кроме того, представляется целесообразным рассматривать все споры, вытекающие из трудовых правоотношений, в судах общей юрисдикции. Рассмотрение дел данной категории вызывает многочисленные сложности у судей, много лет рассматривающих такие дела. Перенесение рассмотрения всех трудовых споров, за исключением споров о восстановлении на работе, на рассмотрение мировых судей существенно скажется на уровне правовой защищенности работников.

Список литературы:

1. Гражданский процессуальный Кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (с последними изменениями от 09.02.2009) // СЗ РФ от 18.11.2002, № 46, ст. 4532, РГ от 20.11.2002 № 220.
2. Конституция Российской Федерации (с учётом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ и от 30.12.2008 № 7-ФКЗ) // РГ от 21.01.2009 № 7, СЗ РФ, 26.01.2009, № 4, ст. 445.
3. Трудовой Кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (с последними изменениями от 30.12.2008) // РГ от 31.12.2001 № 256, СЗ РФ, 07.01.2002, № 1 (ч. 1), ст. 3.

СЕКЦИЯ 8.

СТРАХОВОЕ, МЕДИЦИНСКОЕ, ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРАВО И НОТАРИАТ

ПРАВО ЧЕЛОВЕКА НА СМЕРТЬ

*Гоголи Давид Борисович
Соколова Валентина Александровна
студенты 3 курса, Красноярский государственный торгово-
экономический институт, г. Красноярск
E-mail: tinka3331@rambler.ru*

*Тиранен Василий Александрович
к.ю.н, доцент, Красноярский государственный торгово-экономический
институт, г. Красноярск
E-mail: law.tirranen@yandex.ru*

В Конституции Российской Федерации есть право на жизнь, однако нет права на смерть. Под словами «право на смерть» подразумевается эвтаназия. Эвтаназия (греч.) - это «хорошая смерть». Первый раз термин был упомянут в XVI веке английским философом Фрэнсисом Бэконом. Он означал легкую, без боли и каких-либо страданий смерть. Однако позже, в XIX веке, под эвтаназией стали понимать «умерщвление пациента из жалости». До начала Второй мировой войны она широко использовалась в ряде стран Европы [2].

В настоящее время в таких странах, как Бельгия (с 2002 г.), Нидерланды (с 1980 г.) и штат Орегон США (с 1994 г.) эвтаназия разрешена законом, но только при определенных условиях и неукоснительном соблюдении определенных правил. В Бельгии уже в 2003 году эвтаназию попросили 200 смертельно больным пациентам, а в 2004 году — 360 человек. Когда-то активная эвтаназия была разрешена в одном из штатов Австралии, однако скоро этот закон был отменен. Один из австралийских врачей - сторонников легкой смерти думает о создании плавучей больницы, на которой и будет совершать эту процедуру [5].

В Нидерландах, согласно закону, для смертельной процедуры нужны следующие условия: пациент не моложе 12 лет, его требование, должно быть доказано, что его страдания невыносимы, болезнь смертельна и врачи бессильны [5]. В России эвтаназия

классифицируется как преступление, а именно – умышленное убийство (часть 1 ст. 105 УК РФ). Однако в этом случае будут учитываться и смягчающие обстоятельства: совершение преступления по мотиву сострадания [4].

Существуют как сторонники эвтаназии (Никонов Александр Петрович, Ричард Докинз, Терри Пратчетт, Церковь Эвтаназии), так и ее противники (Движение «В защиту жизни», Иоанн Павел II, Иоганн Христиан Рейль, Церковь Шотландии). Русская Православная и Католическая церкви также категорически против легализации эвтаназии. Патриарх Алексий II считает, что независимо от состояния больного нужно всегда надеяться на милосердие Божие и чудо. Против эвтаназии категорически выступает и католическая церковь [1].

Цель исследования - вопрос о гуманности и целесообразности разрешения в России эвтаназии и эвтаназии новорожденных в частности. Для отражения общей картины отношения к ней в обществе был проведен социологический опрос. Метод опроса – анкетирование, респонденты – студенты Красноярского государственного медицинского университета 3-6 курсов. Количество отвечающих в общем 100 человек, половое соотношение примерно одинаковое, возраст 18-28 лет. 53 % студентов с факультета лечебное дело, 29 % с факультета стоматологии, 10 % с педиатрии, 8 % с факультета фармации.

Положительное отношение к эвтаназии выразили 49 % респондентов, отрицательное – 15 %, 36 % отметили, что относятся к ней нейтрально.

Из противников эвтаназии 6 % считают, что эта процедура ничем не отличается от убийства, равное количество респондентов (по 4 %) отказываются принимать эвтаназию по религиозным причинам или верит в возможность исцеления, 2 % считают, что больной может принять решение необдуманно, в состоянии аффекта.

60 % отметили, что эвтаназию можно применять, когда неизлечимому больному, испытывающему сильные страдания, осталось жить недолго, 15 % выразили мнение, что это приемлемо когда больной может жить еще несколько лет, 9 % - по просьбе больного, вне зависимости от медицинских прогнозов, 16 % опрошенных считают, что нет случаев, в которых применение эвтаназии было бы гуманно. Варианты «При неизлечимом заболевании, вызывающее сильные страдания, по просьбе родственников» и «по рекомендации врача» не выбрал никто.

97 % респондентов считают более гуманной активную эвтаназию.

63 % студентов «за» легализацию эвтаназии, так как это является неотъемлемым правом каждого человека.

Эвтаназию рассматривают как необходимое медицинское вмешательство 40 % опрошенных, 33 % считают это формой самоубийства, 8 % относятся к ней, как к преступлению, 19 % затруднились с ответом.

Помочь больному добровольно уйти из жизни, будучи врачом, смогли бы лишь 10 % студентов-медиков, 59 % не выразили своего мнения по этому вопросу.

Большая часть (78 %) не поддержали бы в выборе эвтаназии смертельно больного родственника, 20 % затруднились с ответом и лишь 2 человека согласились бы на это.

Исходя из результатов опроса, можно сделать вывод, что отношение к эвтаназии неоднозначное и расплывчатое. Это показывает большое количество нейтральных ответов. Вероятнее всего, люди, даже будущие медики, никогда не задумывались об этом. Среди ее сторонников лишь малая часть студентов ответили, что смогли бы помочь уйти из жизни больному. Между желанием облегчить муки пациента и взятием на себя такой ответственности лежит огромная пропасть. Однако больше половины поддержали легализацию эвтаназии.

Целью анкетирования, так же, было выявление мнения об эвтаназии новорожденных. Средствами массовой информации задавался вопрос, а гуманно ли рожать и воспитывать детей с врожденными тяжелыми заболеваниями, ведь мучиться им придется всю жизнь и физически и морально. Если болезнь выявлена на поздних сроках беременности, то есть ли выход? Среди опрошенных 63 % аборт на поздних сроках беременности или постнатальный аборт (если известно, что ребенок родится с тяжелым неизлечимым заболеванием) отнесли к убийству ребенка, 35 % затруднились с ответом и 2 % отнесли к эвтаназии. 20 % студентов согласились, что, при определенных обстоятельствах, это имеет место быть.

Среди тех, кто отметил, что смог бы осуществить эвтаназию либо что эвтаназия новорожденных допустима, на вопрос «Смогли ли бы вы таким образом облегчить жизнь ребенку-инвалиду?». Положительно не ответил никто. Никто не считает, что взрослые могут распоряжаться жизнью беззащитного ребенка, пусть и неизлечимо больного.

Сегодня в Российской Федерации действует закон «Об охране здоровья граждан». Статьей 45 данного закона запрещается врачам «удовлетворять просьбы больного об ускорении его смерти какими-либо действиями или средствами». Лицо, которое осуществляет

эвтаназию, «несет уголовную ответственность». Однако, по сути, разрешается пассивная эвтаназия, другими словами «добровольный отказ от медицинской помощи» [3].

В России 16 апреля 2007 года Совет Федерации РФ подготовил законопроект, легализующий в России эвтаназию, который сразу вызвал волну критики со стороны общественности. Возможность появления эвтаназии в России поддерживают только организации по защите прав пациентов. Сенаторы не раз направляли запросы в медицинские круги, с целью выяснить, насколько актуальна эта тема в настоящее время для нашей страны.

Существуют известные примеры осуществления эвтаназии. В возрасте 83 лет знаменитый психоаналитик Зигмунд Фрейд, страдая от рака полости рта, попросил своего врача и друга помочь ему совершить эвтаназию. Тот дал ему тройную дозу морфина, от которой Фрейд умер 23 сентября 1939 г. Так же умер и Хьюго Клаус, в последние годы жизни страдавший болезнью Альцгеймера. Последние годы жизни Георг V хронически болел очень тяжелыми лёгочными заболеваниями. Он умер 20 января 1936 года. Лишь 50 лет спустя стало известно, что его лейб-медик барон Бертран Доусон по собственной инициативе совершил эвтаназию впавшего в кому после тяжёлого бронхита короля, собственноручно введя ему морфин и кокаин [5].

Вопрос о допустимости эвтаназии относится к области морали и гуманизма. Однако морально-этическая сторона дела имеет множество граней и черта между преднамеренным убийством и милосердием перестает быть очевидной, так как понятие гуманности неоднозначно и расплывчато по своей сути. Противники говорят, что негуманно лишать жизни человека, даже если он сам этого хочет, что человек должен бороться за жизнь, а врачи должны помогать ему. Странники же эвтаназии утверждают, что итог очевиден, пациент хочет уйти из жизни спокойно, а медицина, отказывая больному в его воле, проявляет жестокость. Правомерны ли такие действия вопрос спорный. С одной стороны, это личное право каждого человека, неотъемлемое, как и право на жизнь, с другой же, это поощрение разновидности убийства. Стоит глубже изучить опыт других стран, чтобы прийти к какому-то выводу. Эвтаназия - это сложная проблема, она далека от разрешения. Ее введение требует как минимум зрелости к этому шагу общества.

Список литературы:

1. Дмитриев Ю.А. Право человека в Российской Федерации на осуществление эвтаназии / Ю.А. Дмитриев, Е.В. Шленева // Государство и право. - 2007. - № 11. - С. 8-12.

2. Капинус О.С. Эвтаназия, как социально - правовое явление [Текст] / О.С. Капинус. – М. :Буквовед, 2006. – 300–340 с.
3. Об охране здоровья граждан: Федеральный Закон от 22 июля 1993 г N 5487-1 [Текст] // Российская газета. – 1999. – 11.02. – С. 15.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации [Текст] : офиц. текст по состоянию на 1 июня 2000 г / М-во юстиции Рос. Федерации. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2000. – С. 33
5. Царегородцев Г.И. Проблема эвтаназии в зарубежной медицинской этике / Царегородцев Г.И. // Медицина и идеология. - М., 1985. - с. 233-266.

«ВОПРОСЫ ПРАВА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ»

Часть I

Материалы международной заочной научно-практической
конференции

02 ноября 2011 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 09.11.11. Формат бумаги 60x84/16.

Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 8,5. Тираж 550 экз.

Издательство «Априори»

630099, г. Новосибирск, ул. Романова, 28

E-mail: info@a-ti.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Априори»
630099, г. Новосибирск, ул. Романова, 28